А5 8/111 ...тка.

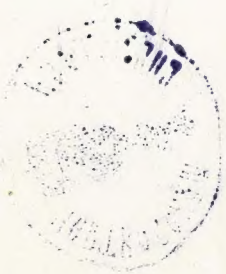
Записки казачьяго офицера

Война 1877-1878 года

Иллюстраціи автора.

А 5 8/111

ЗАПИСКИ КАЗАЧЬЯГО ОФИЦЕРА.



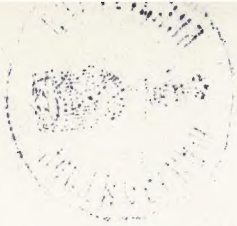
А. Квитка.

ЗАПИСКИ КАЗАЧЬЯГО ОФИЦЕРА

Война 1877—1878 года.

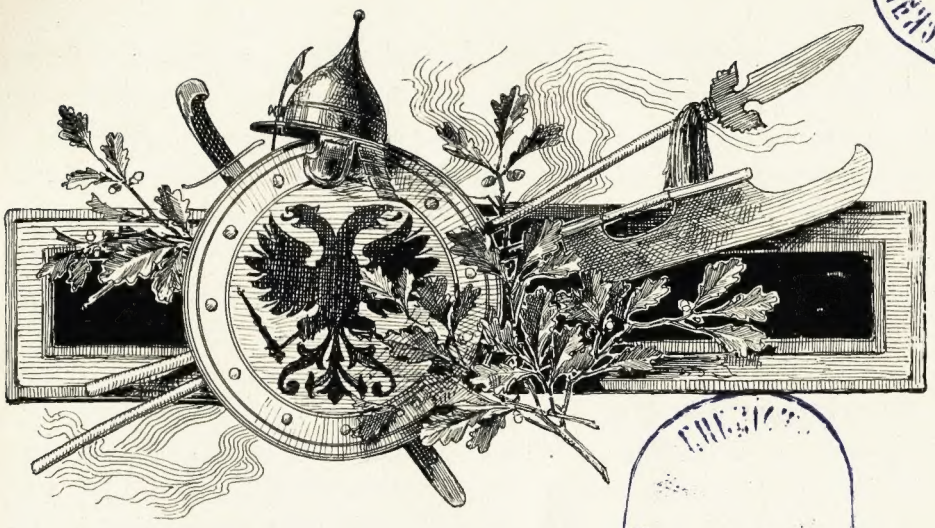
Иллюстраціи автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ.
Звенигородская 11.
1903.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9-го іюля 1902 года.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
4683-31



Бивакъ 29-го Донского Казачьяго полка занималъ, по сотенно, лощины крутого барбошскаго утеса, выступавшаго впередъ на низменный берегъ Серета. Сотни размѣстились на южномъ склонѣ, одна подъ другой, пользуясь исполинскими ступенями утеса, спускающимися къ Дунаю.

На вершинѣ горы, среди бивака, развѣвался вмѣсто значка флагъ Россійскаго военнаго флота, у флага мѣрно прохаживался часовой. Съ этого мѣста открывался обширный кругозоръ: на 12 верстъ разлился Дунай. Огромное водное пространство рябило кое гдѣ камышами, торчащими надъ его гладкою зеркальною поверхностью. Не далеко впереди всплывали двѣ, три крыши, подобныя паромамъ, связаннымъ наскоро для спасенія команды съ погибающаго судна. Скалистый гребень Буджака скрывалъ горизонтъ; на ближайшемъ, голубовато-зеленомъ фонѣ возвышенностей виднѣлись желтыя полоски, около которыхъ копошились, какъ муравьи, турецкіе солдаты: это строились противъ насъ новыя укрѣпленія; по сторонамъ неподвижными точками, стояли аванпосты. Все это ясно различалось въ полевой бинокль и казалось такъ доступно,—но мы были внѣ выстрѣла.

Налѣво Серетъ, затопивъ лѣсистые берега, стремился въ Дунай, ниже по теченію, правѣе желѣзнодорожной станціи,

стоялъ, какъ частоколъ, барбошскій мостъ, предметъ гордости 29-го полка, занявшаго его на другой день по объявленіи войны; далѣе былъ видѣнъ Браиловъ и лѣвѣе, среди Дуная, затопленное турецкое селеніе Гичетъ. На противуположномъ берегу утопали въ зелени бѣлыя постройки, мечети и минареты г. Мачина; къ нему велъ, какъ водная аллея, обрамленный лѣсомъ мачинскій рукавъ, мѣсто подвига Дубасова и Шестакова, совершеннаго въ позапрошлую ночь.

Прибылъ я въ дѣйствующую армію въ званіи адъютанта командующаго войсками Харьковскаго Военнаго Округа графа Сумарокова-Эльстонъ, по Высочайшему повелѣнію назначенный состоять въ распоряженіи походнаго атамана дѣйствующей арміи.

Встрѣтивъ въ Галацѣ при штабѣ II-го корпуса старыхъ товарищей, графа Келлера и подполковника Веригина, и узнавъ отъ нихъ, что въ составъ этого корпуса входитъ Донская казачья бригада графа Орлова-Денисова, я далѣе не поѣхалъ. Давно уже я мечталъ о поступленіи въ эту бригаду, такъ какъ она первая перешла границу и ожидалось, что она же будетъ слѣдовать въ авангардѣ дѣйствующей арміи. Мои товарищи представили меня командиру корпуса, начальнику штаба и командиру бригады графу Орлову-Денисову. Заручившись согласіемъ начальства, я отправился въ Плоэшти, чтобы представиться походному атаману и получить отъ него предписаніе о прикомандированіи къ 29-му Донскому Казачьему полку.

Отъ Галаца до Браилова желѣзная дорога проходила по насыпи, чрезъ лагуны, образовавшіяся отъ разлива Дуная. Масса разнородной дичи проживала въ этомъ привольи. На глубокой синевѣ южнаго неба стаи пеликановъ блестѣли серебромъ своего оперенія, дикіе гуси и утки фалангами летѣли на сѣверъ, въ вышинѣ раздавались отдаленнымъ колокольнымъ звономъ крики незримыхъ журавлей.

Не далеко отъ Браилова, на лѣвомъ берегу Дуная возвышалась профиль нашей осадной батареи, слѣдящей за возведеніемъ непріятельскихъ укрѣпленій.

Въ Плоэштахъ я проѣхалъ прямо въ болгарское конное ополченіе, зная, что найду тамъ старыхъ товарищей. Въ то

время болгарское ополченіе состояло только изъ офицеровъ и урядниковъ. Человѣкъ восемь молодыхъ офицеровъ изъ различныхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ помѣщались въ одной большой комнатѣ, уставленной кроватями, какъ спальня въ казармѣ. Одни сидѣли за картами у забѣленнаго мѣломъ ломбернаго стола, растрепанные, безъ сюртуковъ, изрѣдка прерывая молчаніе короткимъ обмѣномъ словъ, другіе лежали на кроватяхъ, отчаянно курили, пуская клубы дыма въ потолокъ, и уносились, по всей вѣроятности, мыслями въ то будущее, которымъ только и жили въ эту пору. Меня приняли радушно, со всѣхъ сторонъ посыпались разспросы, стали вспоминать прошлое; давнишнія, забытыя шутки возбуждали веселый смѣхъ. Всѣ мы гурьбой отправились обѣдать въ садъ гостиницы „Молдавія". Тамъ за многочисленными столами сидѣли группами гвардейскіе офицеры; казалось, мы перенесены въ одинъ изъ петербургскихъ ресторановъ, куда съѣзжалось офицерство послѣ разводовъ или общаго парада.

Въ саду венгерская музыка играла заунывную мелодію-пѣснь мадьяра, затосковавшаго въ безграничной пуштѣ; но вотъ бѣшенымъ вихремъ грянулъ чардашъ, дикіе, страстные звуки переносили воображеніе въ особый міръ, гдѣ кровью и жизнью расплачивались за короткій мигъ счастья... эти стоны, эти крики восторга и муки вдругъ рѣзко обрывались и снова переходили на минорный тонъ.

Въ саду было замѣтно особенное оживленіе—въ этотъ вечеръ главная квартира праздновала первыя полученныя ею награды.

Было условлено ѣхать на другой день большой компаніей въ Бухарестъ. Шумною толпою размѣстились мы въ вагонѣ и черезъ два часа высадились въ „Маломъ Парижѣ", какъ румыны называли свою столицу. Остановились въ обширной и роскошной гостиницѣ „Grand Hôtel du Boulevard" и помѣстились всѣ вмѣстѣ въ большой залѣ, обративъ ее въ общую спальню.

Программу нашу покутить во всю мы выполнили добросовѣстно: были въ французскомъ театрѣ, гдѣ пѣлись шансо-

нетки, были въ саду у Рашка, ужинали у Брофта и только подъ утро вернулись домой.

Весь слѣдующій день мы бѣгали по магазинамъ, дѣлая необходимыя покупки для продолжительной кампаніи, а съ вечернимъ поѣздомъ выѣхали обратно въ Плоэшти.

На другой день я представился походному атаману ген.-л. Ѳомину и получилъ отъ него предписаніе о прикомандированіи къ 29-му полку. Распростившись съ товарищами, я вернулся въ Галацъ.

Мнѣ было разрѣшено оставаться въ Галацѣ, при штабѣ полка, впредь до вступленія въ командованіе 1-й сотней, командиръ которой, по болѣзни, уѣзжалъ въ Россію.

Нашъ полкъ, отличившійся уже въ первые дни по объявленіи войны, обѣщалъ подъ начальствомъ молодца командира полковника Пономарева воскресить память прежнихъ донскихъ частей. Въ 6-ти сотенномъ составѣ онъ представлялъ довольно внушительную самостоятельную единицу, а въ соединеніи съ 40-мъ полкомъ и 4-й Донской батареей нашей бригады могъ бы предпринять рядъ партизанскихъ дѣйствій, къ которымъ особенно пригодны казаки; но не суждено было намъ слѣдовать примѣрамъ Платова, Дениса Давыдова, Фигнера и другихъ; полевой штабъ приказалъ отдѣлить 2 сотни для конвоированія интендантскихъ транспортовъ и 70 казаковъ передать въ распоряженіе моряка — лейтенанта Никонова, замышлявшаго уничтожить турецкій флотъ на Дунаѣ помощью плавательнаго снаряда капитана Бойтона. Тутъ невольно возникалъ вопросъ: на что моряку могли быть пригодны казаки. Но такова ихъ участь: казаковъ совали всюду. Какъ только прибывали казаки на мѣсто расположенія другихъ войскъ, ихъ тотчасъ же разбирали старшія и младшія начальствующія лица, штабы и управленія. Подъ предлогомъ необходимости ординарцевъ и вѣстовыхъ, казаки брались въ услуженіе, ихъ лошади поступали въ пользованіе безлошадныхъ офицеровъ и чиновниковъ; требовались расторопные, трезвые, непремѣнно грамотные люди; лучшіе строевые казаки очень скоро выучивались ставить самовары, даже готовить обѣды; въ прихожей казакъ облѣнивался,

Барбошскія высоты.

разнѣживался, ему тогда было не до боевой жизни, гдѣ часто приходится голодать и не досыпать ночей; такіе казаки обыкновенно говорили; „лучше скверная стоянка, чѣмъ хорошій походъ“. Казалось бы, что съ отдѣленіемъ неизбѣжныхъ вѣстовыхъ и ординарцевъ полкъ могъ бы приняться за боевую подготовку людей и лошадей ничуть: отъ полка еще назначались ежедневно около сотни для исполненія полицейскихъ обязанностей, столько же, если не болѣе —для конной почты, разбросанной иногда на нѣсколько десятковъ верстъ; команда дежурила по пожару, человѣкъ 20 ожидало разсылки пакетовъ начальствующимъ лицамъ, штабамъ и управленіямъ; уходила куда либо пѣхота, ей, неизвѣстно для какой надобности, придавали все тѣхъ же казаковъ. Если принять въ соображеніе весь этотъ громадный расходъ людей, то о занятіяхъ нечего было и думать, между тѣмъ, какъ занятія были необходимы, въ особенности во вторыхъ полкахъ, которые при мобилизаціи комплектовались людьми, незнающими или забывшими службу. На войнѣ первое условіе удачи—сила, т. е. количество и качество людей, ихъ вооруженіе, а въ кавалеріи, кромѣ того, качество и выносливость лошадей. Полкъ, какъ самостоятельная единица, долженъ былъ обладать этой силой; 6-ти сотенный составъ, при полныхъ рядахъ во взводахъ (чего едва ли когда либо можно достигнуть) едва удовлетворялъ боевымъ требованіямъ. И вотъ, наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій, когда на казаковъ ложилась самая тяжелая служба, часто вдали отъ другихъ войскъ, безъ надежды на поддержку, когда полкъ, особенно уже показавшій свою боевую готовность, могъ разсчитывать, что его сзади не оставятъ, вдругъ получалось приказаніе выдѣлить отъ него двѣ сотни въ полномъ составѣ для конвоированія транспортовъ, т. е. для такого дѣла, для котораго нужны конные люди, но вовсе не лучшіе въ мірѣ кавалеристы. Конвоирующіе интендантскіе транспорты, внѣ сферы военныхъ дѣйствій, подчинялись, обыкновенно, интендантскимъ чиновникамъ или евреямъ, и вся ихъ служба заключалась только въ томъ, чтобы прислуживать начальникамъ обозовъ и торопить погонщиковъ. Не лучше ли было бы для

этой цѣли содержать наемныхъ людей, которые стоили бы правительству дешевле и не отвлекали бы отъ прямой своей службы прекрасную кавалерію, на боевую подготовку которой было потрачено столько трудовъ, времени и денегъ. Для охраны же транспортовъ въ раіонѣ непріятельскихъ дѣйствій можно было бы назначать, по очереди, отряды непремѣнно въ полномъ составѣ, хотя бы и изъ казаковъ.

Скучно безъ дѣла. Единственное препровожденіе времени ходить на пристань къ морякамъ, уже сразившимся съ врагомъ. Вотъ какъ разсказывали мнѣ объ этомъ подвигѣ сами участники.

Въ ночь съ 13-го на 14-е мая четыре миноноски подъ командою, первая Дубасова и маіора румынской службы Муржеско, вторая Шестакова, третья - Персина и четвертая Баля, вышли въ мачинскій рукавъ для атаки стоящихъ тамъ двухъ турецкихъ броненосцевъ и трехъ пароходовъ. Когда Дубасовъ подходилъ къ монитору „Сеифи", турецкій часовой сдѣлалъ окрикъ, Муржеско отвѣтилъ на него: „Сизимъ адамъ" „свои люди", но за отвѣтомъ этимъ послѣдовалъ сейчасъ же выстрѣлъ часового, а затѣмъ тревога на всѣхъ судахъ. Къ счастью нашихъ моряковъ орудія, направленныя на нихъ, дали три осѣчки. За это время Дубасовъ успѣлъ подвести подъ корму броненосца шестъ автоматической мины. Взрывъ, толчекъ и часть кормы взлетѣла на воздухъ. Тогда Дубасовъ крикнулъ: „Шестаковъ, подходи!" Миноноска Шестакова подошла полнымъ ходомъ, стала бортъ о бортъ у середины судна и подвела подъ киль свою мину. Раздался оглушительный трескъ, столбъ огня и обломковъ высоко поднялся надъ поверхностью воды. Мониторъ быстро погружался, а миноноска Шестакова, на половину залитая водою при взрывѣ, не могла отъ него отдѣлиться, такъ какъ винтъ запутался въ обломкахъ. Часть экипажа съ погибающаго судна успѣла броситься въ шлюпки и случайно, или умышленно, направилась къ нашимъ катерамъ, но залпъ пяти матросовъ заставилъ ихъ отойти въ сторону. Катеръ Шестакова, преслѣдуемый выстрѣлами съ другихъ судовъ, выгребался на веслахъ, покуда не очистился

винтъ. Когда мониторъ пошелъ ко дну, и наша флотилія соединилась внѣ выстрѣловъ съ другихъ судовъ, на миноноскахъ раздалось дружное ура — всѣ обнимались и поздравляли другъ друга съ удачей. Не смотря на учащенную стрѣльбу съ турецкихъ судовъ, у насъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ: орудійный огонь ночью по малой и быстро движущейся цѣли — не дѣйствителенъ, а отъ ружейнаго огня миноноски были предохранены блиндажной рубкой.

Смерть улана.

Моряки тоже насъ покидаютъ. Какъ то вечеромъ, подходя къ Дунаю, мы замѣтили у пристани необычайное оживленіе: канонерки Дубасова и Шестакова готовились отойти, чтобы ставить ночью минныя загражденія. Конечно, мѣсто установки минъ держалось въ строжайшей тайнѣ. Суда отвалили, вспѣнивъ воду у мола и, когда онѣ исчезли изъ виду, еще тоскливѣе показалась намъ наша стоянка...

Чрезъ нѣсколько дней пришлось распроститься и съ моими друзьями Келлеромъ и Веригинымъ. 11-й корпусъ передви-

гался впередъ, оставляя въ Галацѣ нашъ полкъ, вошедшій въ составъ заступающаго 14-го корпуса.

На высотахъ Буджака шла у турокъ усиленная работа; не смотря на 6-ти верстное разстояніе, отдѣляющее насъ отъ противуположнаго берега, тамъ замѣтно большое движеніе. Нашъ новый корпусный командиръ генералъ Циммерманъ не терялъ времени: прибывъ только вчера въ Галацъ, онъ сегодня уже дѣлалъ рекогносцировку турецкихъ позицій. Говорятъ, егошлюпки подходили на близкій ружейный выстрѣлъ, но непріятель не открывалъ огня. Эта рекогносцировка намъ понравилась — она обѣщала предпріимчиваго начальника.

Въ Галацѣ посѣщали иногда молдаванскій театръ, гдѣ разыгрывались патріотическія драмы съ довольно однообразнымъ и не мелодичнымъ пѣніемъ; но чаще всего мы проводили вечера у Проспера въ оживленной бесѣдѣ. Весь нашъ интересъ сосредоточенъ только на ожидаемой со дня на день переправѣ черезъ Дунай и встрѣчѣ передовыхъ отрядовъ съ непріятелемъ. Думается, что мы одни только страдаемъ отъ такого бездѣйствія, что у другихъ, навѣрно, уже были столкновенія съ турецкими войсками. На самомъ дѣлѣ, это такъ и было: мы узнали, что ночью 20-го апрѣля десятка два черкесовъ переплыли на фелюгѣ черезъ Дунай, высадились не далеко отъ Рени и напали на нашъ сторожевой постъ. Изъ трехъ солдатъ на посту одинъ былъ убитъ на повалъ, другой смертельно раненъ, третій же, хотя тоже раненый, успѣлъ дать тревогу. Отъ взвода уланъ, находившихся вблизи, двое прискакали впередъ, остальные слѣдовали за ними на рысяхъ. Впереди, среди безмолвія ночи, раздалось нѣсколько короткихъ выстрѣловъ, и на встрѣчу взводу вынеслись обратно обѣ лошади разъѣзда безъ сѣдоковъ. Уланы помчались впередъ, чтобы выручить товарищей или, по крайней мѣрѣ, отомстить за нихъ, но на берегу Дуная непріятеля уже не было, слышался только плескъ веселъ въ той сторонѣ, гдѣ въ глубокой тьмѣ исчезала черная тѣнь фелюги. Наши открыли учащенный огонь по уплывавшему врагу, имъ отвѣчали, однако пере-

стрѣлка скоро прекратилась. Слабый стонъ раздался не вдалекѣ -это былъ одинъ изъ посланныхъ впередъ двухъ улановъ: онъ былъ тяжело раненъ, другой лежалъ тутъ же, но уже мертвый.

Наши войска на чеку и ожидали каждую ночь нападенія рекогносцировочныхъ отрядовъ; за исключеніемъ 2-хъ-3-хъ случаевъ появленія турокъ на лѣвомъ берегу Дуная, ими не было выказано особой предпріимчивости и смѣлости. Казачьи посты и пикеты зорко наблюдали за непріятельскимъ берегомъ, а 4-хъ орудійная осадная батарея и двѣ полевыя, расположенныя между Барбошемъ и Галацомъ, направили свои орудія на турецкіе броненосцы и на укрѣпленія у Буджака и Мачина.

Офицеры 29 донск. каз. полка за обѣдомъ.

Сегодня я переѣхалъ на жительство на Барбошскую позицію и вступилъ въ командованіе 1-й сотней. Въ тотъ же день, по случаю пріѣзда изъ Россіи въ Плоэшти Государя, всѣ, находившіеся въ Галацѣ и на позиціяхъ, генералы и офицеры выстроились на платформѣ Барбошской станціи для встрѣчи Царскаго поѣзда.

Государь вышелъ изъ вагона, милостиво обошелъ всѣ группы, здороваясь и разговаривая съ начальниками частей. Поѣздъ простоялъ не болѣе 5 минутъ и снова помчался на западъ, а мы долго еще провожали мысленно нашего Царственнаго Вождя.

Насталъ обѣденный часъ, и я направился на свою новую стоянку, на утесѣ Барбоша. Въ просторномъ шалашѣ, на живую руку связанномъ изъ хвороста и соломы, полулежали вокругъ общей миски офицеры нашего полка. Меня на первый разъ немного смутили разстегнутыя рубахи и босыя ноги обѣдаю-

щихъ, нѣсколько секундъ я не рѣшался опустить предложенную мнѣ оловянную ложку въ подернутые густымъ, желтымъ жиромъ щи, но, чтобы не дать замѣтить мои колебанія, я, скрѣпя сердце, усѣлся между новыми товарищами и принялся за ѣду, приглядываясь къ заведеннымъ порядкамъ.

На Барбошѣ мнѣ, однако, пришлось оставаться не долго. Командиръ полка приказалъ мнѣ вступить въ командованіе не полными сотнями, расположенными у Галаца для несенія караульной службы. Бивакъ подъ городомъ, въ пустынной, обгорѣлой мѣстности, наводилъ тоску. Вода находилась только въ Дунаѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ нашего расположенія, кругомъ не видать ни кустика, ни травинки, почва была раскалена, какъ полъ въ турецкой банѣ; вѣтеръ доносилъ до насъ изъ сосѣдняго оврага ужасную вонь отъ разлагающихся труповъ животныхъ, сброшенныхъ туда и даже не засыпанныхъ землей. Вечеромъ меня посѣтили графъ Орловъ-Денисовъ и командиръ полка; я отрапортовалъ о состояніи части и обошелъ съ ними нашъ непривѣтливый бивакъ. Вѣроятно, сжалившись надъ моимъ незавиднымъ положеніемъ, мои начальники пригласили меня ужинать въ ресторанъ Проспера.

Скучно оставаться на мѣстѣ, когда другія войска двигаются куда то впередъ. Не въ веселомъ настроеніи была наша ужинающая компанія, а тутъ еще, какъ на бѣду, разнесся слухъ, что наша бригада въ полномъ составѣ назначается для конвоированія транспортовъ въ Румыніи.

На слѣдующее утро мнѣ приказано отвести въ Браиловъ казаковъ, расположенныхъ у Галаца, присоединиться къ сотнямъ нашего полка, тамъ находящимся, и подчинить себѣ всѣ эти части. Съ разсвѣтомъ я прибылъ на бивакъ, но ранѣе часу пополудни выступить не оказалось возможнымъ: часть людей поздно вернулась изъ расхода, другіе копались съ укладкой нехитраго казачьяго обоза. Командиръ полка, прибывшій на бивакъ передъ нашимъ выступленіемъ, сказалъ нѣсколько напутственныхъ словъ и обѣщалъ скоро быть въ Браиловѣ. Отрядъ былъ готовъ къ выступленію. По отъѣздѣ командира полка, я скомандовалъ „смирно“, но казаки продол-

жали болтать и переѣзжали съ мѣста на мѣсто, не обращая никакого вниманія на присутствіе начальства. Я былъ знакомъ съ обыкновеніемъ казаковъ испытывать нравъ новаго начальника: если бы они замѣтили малѣйшее послабленіе, то непремѣнно этимъ воспользовались бы, чтобы жилось привольнѣе, и тогда пришлось бы прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ для сдерживанія порывовъ неповиновенія. Строгія взысканія, наложенныя немедленно на виновныхъ, сразу ввели порядокъ.

Мы тронулись въ путь. Я вызвалъ пѣсенниковъ впередъ, но изъ рядовъ никто не выѣзжалъ; вахмистръ пояснилъ, что всѣ они поютъ, или, какъ выражаются казаки, играютъ пѣсни, и дѣйствительно, запѣвало затянулъ и сто двадцать голосовъ дружно подхватили: „Казакъ, казачекъ, казакъ миленькій дружокъ“.

Было невыносимо жарко; жажда томила насъ, но, хотя путь пролегалъ вдоль рѣки и встрѣчалось не мало колодцевъ, я запрещалъ пить, остерегаясь заболѣваній диссентеріей, столь опасной въ этой мѣстности; только постояннымъ наблюденіемъ удалось удерживать людей, жадно устремлявшихъ глаза на встрѣчавшуюся въ изобиліи воду.

На половинѣ дороги сдѣлали привалъ у сарайчика, сколоченнаго изъ разобранныхъ ящиковъ, въ которомъ еврей торговалъ виномъ и мѣстной виноградной водкой; я далъ людямъ по чаркѣ водки, и они немного пріободрились.

Когда мы тронулись съ привала, насъ нагналъ офицеръ верхомъ. Онъ отрекомендовался, какъ есаулъ 30-го Донского

Казачьяго полка Третьяковъ и просилъ разрѣшенія слѣдовать съ отрядомъ. Этотъ офицеръ мнѣ показался подозрительнымъ: на немъ былъ неформенный чекмень страннаго покроя, самъ онъ выглядѣлъ непривычнымъ къ военной одеждѣ; онъ разсказалъ, что служилъ ранѣе въ лейбъ-гусарахъ, но смутился, когда я спросилъ у него, кто были его товарищи въ этомъ полку, и не зналъ даже фамиліи командира полка. Впослѣдствіи я сообщилъ мои замѣчанія Браиловскому коменданту. Оказалось, что я не ошибся, принявъ этого офицера за самозванца: Третьякова въ Донскомъ войскѣ не было это былъ жуликъ, которому удалось нагрѣть на порядочную сумму чиновниковъ интендантства, выдавая себя за завѣдующаго хозяйствомъ 30-го Донского полка. Во время турецкой кампаніи мнѣ привелось встрѣтить двѣ подобныя темныя личности, носившія офицерскій мундиръ, на который онѣ не имѣли никакого права. Одинъ изъ нихъ, пробылъ довольно долго въ штабѣ одного корпуса, не представивъ о себѣ никакихъ свѣдѣній, и былъ даже представленъ къ наградѣ, но, потребованный къ отвѣту за какую то неблаговидную продѣлку, исчезъ и болѣе въ арміи не появлялся.

Настала темная ночь, заблистали впереди огоньки большого города, и мы скоро вошли въ огороженную заборами улицу, — предмѣстье Браилова. Наткнувшись случайно на колодезь, я приказалъ осмотрѣть, имѣется ли въ немъ достаточно воды для водопоя и, получивъ отвѣтъ, что вода хороша и ее много, тутъ же расположилъ сотни на ночлегъ, чтобы не терять много времени на разыскиваніе бивака частей, помѣщавшихся въ Браиловѣ.

Казаки устали отъ истомившаго ихъ полуденнаго зноя и отказались отъ варки ужина, только кое гдѣ въ сѣдельныхъ котелкахъ варили себѣ болѣе голодные или менѣе утомленные. Я замѣтилъ, что въ кострахъ горѣли рѣшетки съ тонкою рѣзьбою, точеные столбики съ балконовъ и части садовой ограды, но было уже поздно останавливать напрасный погромъ сосѣдняго жилья, все было уже въ огнѣ. Я распорядился, однако, чтобы на будущее время выбирали менѣе

цѣнное топливо, а виновныхъ на сей разъ предалъ заслуженной карѣ.

Благодаря внимательности казаковъ, устроившихъ изъ пикъ и шинелей завѣсъ отъ утренняго солнца, я могъ проспать довольно поздно въ своей практичной альпійской постели. Эта постель была мнѣ подарена англичанами, членами альпійскаго клуба, съ которыми я поднимался на вершину Эльборуса въ 1871 г. Она состояла изъ байковаго мѣшка,

вложеннаго въ такой же мѣшокъ изъ резиновой матеріи. Ночевали мы въ этихъ постеляхъ-мѣшкахъ среди ледниковъ, на высотѣ 11,000 футъ надъ уровнемъ моря, и также мало страдали отъ холода, какъ въ сакляхъ князя Урусбіева, у подножія горы.

Ночью я остановился на удачу у первой встрѣченной воды, но потомъ оказалось, что мѣсто для бивака, выбранное случайно, было лучше, чѣмъ то, которое заняли прибывшія ранѣе сотни. Однако, исполняя приказаніе командира, я розыскалъ эти сотни

и присоединилъ къ нимъ мою часть. Онѣ стояли бивакомъ среди большой площади, перерѣзанной по всѣмъ направленіямъ дорогами, по которымъ то и дѣло тянулись обозы, гнали скотъ и проходили войска; отъ этого постояннаго движенія пыль, отъ которой не было никакого спасенія, стояла въ воздухѣ, какъ туманъ, и при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра обсыпала съ ногъ до головы, проникая въ карманы, сквозь швы, въ бумажникъ, подъ циферблатъ часовъ.

Я посѣтилъ русскаго консула Мела, грека, преисполненнаго любовью къ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ русскія войска вступили въ Румынію. До приторности любезный съ нами, онъ былъ недосягаемо важенъ съ своими коллегами, чувствуя себя теперь не только представителемъ коммерческихъ интересовъ, но и въ нѣкоторомъ родѣ участникомъ въ будущихъ успѣхахъ нашей арміи.

Улицы въ городѣ широки, но очень плохо мощены. Постройки одного типа съ бессарабскими: изъ тесанаго камня, съ плоскими крышами, цвѣтными ставнями, красивыми разнообразными крылечками. Много отелей, ресторановъ, кафе съ выставленными на тротуарѣ столиками и сидѣньями, въ которыхъ разноплеменные пѣвцы и пѣвицы, въ томъ числѣ и русскіе, услаждаютъ слухъ невзыскательной публики. Общій видъ города и присутствіе русскихъ мундировъ напоминаютъ родину, но какъ только встрѣтится надобность спросить что либо, напрасно припоминаешь всѣ европейскіе языки и нарѣчія на все вамъ отвѣчаютъ общеупотребительнымъ въ Румыніи выраженіемъ отрицанія: „нушти“.

Днемъ въ Браиловѣ сидятъ по домамъ, скрываясь отъ зноя въ комнатахъ съ закрытыми ставнями; выходятъ на улицу только послѣ заката солнца; тогда публика оживляется, идетъ въ городской садъ, если тамъ играетъ музыка, или въ „Московскій садъ“ (ресторанъ среди двора, обсаженнаго акаціями), гдѣ поются шансонетки на всѣхъ языкахъ. Обѣденныя карточки ресторана написаны русскими буквами, но на какомъ то небываломъ нарѣчіи. Такъ, напримѣръ, курица называется говядина изъ курчака, телятина — говядина изъ крѣпкаго теленка и т. п.

Вывѣска надъ входомъ въ „Московскій садъ“ изображаетъ битву казаковъ съ турками у казаковъ звѣрскія лица, а ихъ лошади болѣе похожи на козъ.

Не далеко отъ казачьяго бивака, за оградою, сѣрѣетъ покрытый густымъ слоемъ пыли „Русскій садъ“. Въ немъ воздвигнутъ памятникъ въ ознаменованіе взятія Браилова русскими войсками въ 1828 году.

Я отправился за новостями на вокзалъ къ приходу поѣзда и не даромъ: встрѣтилъ инженера, съ которымъ недавно познакомился въ Галацѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ корпусномъ штабѣ идутъ приготовленія, переправа ожидается скоро. Это была большая радость.

Не имѣя еще палатки, я остался ночевать въ гостиницѣ. Какъ водится вездѣ въ Румыніи, къ запертой двери моего номера нѣсколько разъ въ вечеръ подходили легкіе шаги, сопровождаемые шорохомъ платья, раздавался вопросительный стукъ и стараніе отворить. Я не отвѣчалъ, и шаги удалялись къ другой, можетъ быть болѣе гостепріимной двери.

На бивакѣ 3-й и 4-й сотенъ я засталъ командира полка. Онъ привезъ денегъ на фуражъ и провіантъ, а намъ жалованье. Позавтракавъ со мною, онъ вернулся обратно въ Галацъ.

Я построилъ мою сотню впереди бивака прежнихъ частей, оставивъ интервалъ для 2-й сотни, ожидавшейся изъ Галаца завтра. Такимъ образомъ, въ Браиловѣ собрался почти весь 4-хъ сотенный полкъ, за исключеніемъ людей, оставшихся въ Галацѣ для караульной службы. Я принялъ начальство надъ этими сборными пунктами и отправился явиться къ начальству Браиловскаго отряда, генералу Данаурову, и донести ему о прибытіи новыхъ частей. Генералъ Данауровъ передалъ мнѣ, каковы будутъ мои обязанности: содержать почту на берегу Дуная, вести охранительную службу тамъ же, нести полицейскую службу въ городѣ и, наконецъ, назначать какъ можно болѣе безсмѣнныхъ вѣстовыхъ къ начальствующимъ лицамъ и въ различныя управленія.

Насилу мнѣ удалось выпросить, чтобы почта изъ Галаца доставлялась не коннымъ казакомъ, а пѣшимъ съ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ, что было гораздо спѣшнѣе и не изнуряло безъ того несшихъ непосильную службу казачьихъ коней. Мнѣ приказано именоваться начальникомъ кавалеріи Браиловскаго отряда. Возвращаясь вечеромъ на бивакъ, я былъ четыре раза остановленъ пѣхотными сторожевыми постами и, если бы не зналъ переданнаго мнѣ начальникомъ отряда „пропуска", рисковалъ снова ночевать въ гостиницѣ.

Моя палатка Tente abri изъ корабельной парусины, найденной въ Браиловѣ, сшита казаками и разбита на правомъ флангѣ 1-й сотни, подъ нею вырыта яма, чтобы можно было стоять внутри во весь ростъ, постель разложена на уровнѣ земли, часть невырытаго пространства назначена для стола, на которомъ находятся мои туалетныя принадлежности, доведенныя, въ виду предстоящаго похода, до крайняго минимума. Въ куржумахъ (переметныхъ сумахъ изъ ковровой матеріи) и вьючныхъ чемоданахъ хранится остальное имущество.

Офицеры, прибывшіе со 2-ой сотней, разсказывали, что казаки, оставшіеся на Барбошѣ, отъ бездѣлія стали безобразничать: такъ, у одного румына украли засѣдланную лошадь, у другого отняли жену; обиженные жаловались командиру полка, который приказалъ возвратить лошадь и женщину и виновнымъ отсыпать изрядную порцію нагаекъ.

26-го мая. Чтобы поближе познакомиться съ моими офицерами, я пригласилъ ихъ пить чай. Около восьми часовъ вечера собралась компанія, разложены возлѣ моей палатки бурки, загудѣлъ самоваръ и грянулъ хоръ прекрасныхъ пѣсенниковъ. Наша бесѣда, прерванная зарей, продолжалась потомъ до глубокой ночи. Тихая, звѣздная ночь... За серебристымъ Дунаемъ мерцаютъ огоньки Мачина. Какъ заманчивъ этотъ Мачинъ, глазъ не оторвешь отъ него!.. Тамъ намъ чудятся роскошные сады, тамъ трава не выгорѣла, какъ на нашемъ ненавистномъ берегу, тамъ воображеніе рисуетъ прохладныя убѣжища за ревнивыми стѣнами мусульманскихъ домовъ, тамъ фонтаны, фрукты, цвѣты, тамъ женщины въ богатыхъ восточ-

ныхъ нарядахъ, тамъ, наконецъ, навѣрно нѣтъ этой отвратительной пыли!

Послѣдовало бы только разрѣшеніе, и мы подкрались бы, какъ хищники, къ батареѣ и вырвали бы у непріятеля манящій насъ берегъ. Чѣмъ болѣе я вглядываюсь въ него, тѣмъ болѣе вкореняется убѣжденіе, что легко завладѣть имъ даже незначительному отряду и тѣмъ обезпечить дальнѣйшую переправу нашихъ войскъ. Конечно, для исполненія этого предпріятія нужно людей не только смѣлыхъ, но и осторожныхъ, при-

За стаканомъ чая.

вычныхъ къ ночнымъ экспедиціямъ, къ набѣгамъ, къ согласнымъ дѣйствіямъ цѣлой партіи въ молчокъ, умѣющихъ безшумно подползти и занять пикетъ, не давъ ему опомниться и встревожить остальныхъ; надобно охотниковъ, привычныхъ скрадывать или караулить чуткаго, осторожнаго звѣря. Таковы, именно, кавказскіе казаки, но я думаю, что съ выборомъ можно было бы найти такихъ охотниковъ и между нашими донцами. Я написалъ объ этомъ генералу Струкову, предлагая пробраться и утвердиться съ своими казаками на томъ берегу, если начальство признало бы то полезнымъ, но отвѣта не послѣдовало.

А о переправѣ все еще ничего не слыхать, говорятъ даже, что такъ какъ Дунай слишкомъ широкъ въ эту пору, то до августа мы съ мѣста не тронемся. Мы не можемъ допустить, чтобы это была правда, между тѣмъ румыны передаютъ самые разнорѣчивые слухи: то русскія войска имѣли кровопролитныя сраженія уже на правомъ берегу Дуная, то турки, переправившись по сю сторону, гонятъ нашихъ обратно въ Россію и тому подобное.

По нѣсколько разъ въ день, то на бивакѣ, то въ ресторанѣ, въ саду или на гуляньѣ, я получаю пакеты съ отмѣткою: „секретное", „весьма важное", „экстренное" и т. п. На кувертахъ, по большей части, поставленъ условный знакъ — три креста, что для неграмотнаго посланнаго должно означать: „скачи въ карьеръ" (два креста означаютъ рысью, одинъ крестъ шагомъ). Обыкновенно, довольно взглянуть на лошадь, чтобы убѣдиться, что она шла не шагомъ: пахи ходятъ, какъ мѣха на кузнѣ, мыло пополамъ съ пылью покрываетъ ее отъ ушей до конца копытъ. Румыны слѣдятъ съ безпокойствомъ за выраженіемъ моего лица, чтобы угадать, въ чемъ заключается извѣщеніе, — посланный скакалъ во весь карьеръ, вѣроятно сообщается о чемъ нибудь очень важномъ, а я и до вскрытія пакета уже зналъ, что въ немъ содержится или „пароль", или приказаніе о формѣ одежды или другая бумага изъ тѣхъ, которыя „идутъ къ свѣдѣнію". Къ чему же такая поспѣшность, зачѣмъ на кувертѣ эти три креста и надписи объ экстренности и сохраненіи тайны. Оказывалось, что такое безжалостное отношеніе къ казаку и его лошади происходило, по большей части, по волѣ писарей, и никакія жалобы не могли измѣнить этихъ порядковъ.

Мои офицеры просто не знаютъ, куда дѣваться отъ скуки, и я придумалъ устроить конное ученіе съ джигитовкою — наѣдетъ общество, думалъ я, офицеры перезнакомятся и, можетъ быть, пойдетъ другая жизнь. Не откладывая этого въ дальній ящикъ, я назначилъ на слѣдующій вечеръ (1-го іюня) ученіе, а въ „Московскомъ саду" на гуляніи разсказалъ объ этомъ нашему консулу Мела. Не прошло четверти часа, какъ

Джигитовка.

объ этомъ уже знали всѣ, мужчины и дамы знакомились со мною и просили позволенія присутствовать при новомъ для нихъ зрѣлищѣ.

1-го іюня, послѣ обѣда у консула, я поторопился вернуться на бивакъ, чтобы приготовить все для пріема многочисленныхъ гостей.

Къ шести часамъ, около 20 экипажей съ браиловскимъ бомондомъ выравнялись вдоль линіи, обозначенной конными казаками. Дамы принарядились, кокетничали съ молодежью, истребляли громадное количество мороженнаго и мѣстныхъ сладостей - дульчеци, которыя разносили драбанты *), мужчины же набрасывались исключительно на вермутъ, абсентъ и другіе напитки, называемые здѣсь прохладительными.

Я вызывалъ для джигитовки охотниковъ, но пожелали участвовать всѣ. Построенные на берегу Дуная, казаки по сигналу пустились справа по одному въ карьеръ. Равняясь съ экипажами, каждый продѣлывалъ обычныя штуки. Кто соскакивалъ съ лошади и садился въ сѣдло на скаку, кто доставалъ съ земли брошенную шапку, нѣкоторые стояли на перекинутыхъ черезъ сѣдло стременахъ, другіе, держась за подпруги, скакали, стоя на головахъ. Были и группы по два и по три. Такъ, двое, стоя на своихъ лошадяхъ, держали на рукахъ мнимо раненаго, а лошадь послѣдняго одна скакала сзади; двое мчались рядомъ, также стоя, держась за руки, а третій на рѣзвомъ конѣ перегонялъ ихъ, проскакивая между ними. Особенный успѣхъ имѣлъ казакъ, свалившій лошадь на полномъ скаку: онъ залегъ за нею и сдѣлалъ выстрѣлъ изъ винтовки по скакавшему слѣдующему нумеру; тотъ свалился, какъ будто раненый, головой внизъ и, повиснувъ на скошеванныхъ **) стременахъ, былъ унесенъ своею лошадью за фронтъ. Затѣмъ, сотни, построившись, прошли мимо насъ на рысяхъ, остановились, повалили лошадей и открыли изъ за нихъ примѣрную перестрѣлку, затѣмъ, вскочивъ опять на коней, лавою бросились

*) Драбантами у казаковъ называются деньщики.

**) Скошеванныхъ — подвязанныхъ подъ брюхомъ лошади стременахъ.

съ гикомъ въ атаку. Ученіе и, въ особенности, джигитовка удивляли и восхищали всѣхъ присутствовавшихъ.

Общество, сопровождаемое пѣсенниками, направилось въ „Русскій садъ"; тамъ городской голова просилъ у меня позволенія угостить казаковъ виномъ. Подкатили бочку изъ ресторана, и казаки съ юмористическими прибаутками выпивали стаканъ за стаканомъ „за здоровье дамъ, дѣвицъ и всѣхъ румынцевъ". Городской голова подошелъ къ пѣсенникамъ и произнесъ длинную, но непонятную для нихъ рѣчь, на которую отвѣтилъ запѣвало моей сотни, извѣстный пьяница и балагуръ: „Спасибо, вина дали много, да только вино то дрянь, не то, что наше донское, за то же и водка ваша никуда не годится — вотъ какъ бы сивухи. А ну ка, станичники, подхватывай пузанчика". И подхватили казаки толстенькаго голову и принялись его качать. Чтобы убѣдить его и все общество, что это не издѣвательство, а, наоборотъ, выраженіе почета, обычное у казаковъ, я позволилъ качать и себя. Послѣ меня перекачали всѣхъ присутствовавшихъ, не смѣвшихъ уже отказываться отъ такой великой почести, а разохотившіеся казаки захотѣли добраться и до дамъ, но тутъ я положилъ конецъ празднеству, и мы вернулисъ на бивакъ.

Вчера на джигитовкѣ одинъ казакъ свалился съ лошади, а теперь узнаю, что казакъ этотъ умеръ. Вскрытіе показало сотрясеніе мозга, ушибъ груди и переломъ 4-хъ реберъ. Объ этомъ печальномъ происшествіи я тотчасъ донесъ начальнику отряда и командиру полка. Мучительно сознавать, что, можетъ быть, я былъ причиною его преждевременной смерти. Упреки совѣсти не даютъ мнѣ покоя.

Сегодня утромъ я получилъ приказаніе выбрать 25 казаковъ изъ числа охотниковъ и прибыть завтра, 3-го іюня, къ пароходной пристани для переправы на тотъ берегъ Дуная. Казакамъ велѣно имѣть по 40 патроновъ, сѣдлать безъ вьюка. Въ первую минуту несказанно обрадовался я этой рекогносцировкѣ, которая выводила насъ изъ нашего томительнаго положенія наконецъ то и намъ будетъ работа; съ завтрашняго дня должна была начаться для насъ настоящая боевая

Переправа въ Гичетъ.

жизнь, но мысль объ убившемся казакѣ омрачила радость этой минуты.

О завтрашней экспедиціи мнѣ было извѣстно только изъ короткаго предписанія начальника штаба корпуса. Что ожидаетъ насъ впереди? Утвердимся ли мы на томъ берегу? Займемъ ли Мачинъ? Требованіе 40 патроновъ въ сумкахъ означаетъ, что предполагается, въ случаѣ надобности, вступить въ бой, съ другой стороны, при назначеніи только 25 человѣкъ конницы нельзя ожидать чего либо серьезнаго. Какъ бы то ни было, надо приготовиться ко всякой случайности: я пишу нѣсколько писемъ роднымъ и знакомымъ и объясняю преданному деньщику Шевченко, что эти письма должны быть отправлены по назначенію, если бы я не вернулся съ рекогносцировки. А мысль объ убившемся казакѣ не покидаетъ меня, я все болѣе и болѣе чувствую себя отвѣтственнымъ за его кончину. Особенно грустно сознавать, что онъ поплатился жизнью такъ безцѣльно и какъ разъ наканунѣ встрѣчи съ непріятелемъ.

Разбуженный въ 4 часа утра, я насилу раскрылъ глаза, засыпанные пескомъ, также какъ ротъ, носъ и уши. Палатка качалась на подломленныхъ столбахъ. На мой вопрошающій взглядъ Шевченко объяснилъ, что сейчасъ только стихъ ураганъ, ломавшій и сносившій все, что встрѣчалъ на своемъ пути. Вѣроятно, волненія вчерашняго дня настолько истощили меня, что я спалъ въ эту ночь, какъ убитый. Я приказалъ сѣдлать и готовиться людямъ.

На пристани разводилъ пары принятый на русскую службу румынскій пароходъ „Фульджеруль“; онъ подъ командою Дубасова долженъ былъ поддерживать нашу рекогносцировку, подымаясь вверхъ по Мачинскому рукаву. Турецкіе броненосцы, напуганные взрывомъ „Сеифи“, давно оттуда бѣжали.

Командиръ корпуса, начальникъ Браиловскаго отряда со свитою и полковникъ инженеръ были уже на пароходѣ. Казаки, рота стрѣлковъ и всѣ лошади помѣщены на баржѣ, которую мы пробуксировали до земляной насыпи, поднимавшейся надъ водой у затопленнаго турецкаго селенія Гичетъ. Лошади выводились по одиночкѣ на узкую полосу берега, но такъ какъ

тамъ едва хватало мѣста для пѣхоты, то казаковъ пришлось выстроить въ водѣ. Намъ было назначено разыскивать по затопленнымъ и заросшимъ камышами берегамъ Дуная удобопроходимый бродъ къ Мачину, что, повидимому, и составляло цѣль нашей рекогносцировки. Послѣ долгихъ поисковъ по вязкому грунту, былъ найденъ пологій спускъ насыпи и затопленная дорога изъ Гичета въ Мачинъ. Лошади по брюхо въ водѣ, а пѣхота съ патронными сумками на шеѣ тронулись впередъ. Я ѣхалъ впереди съ казаками, имѣвшими пики за плечомъ, а винтовки на бедрѣ, готовыми къ отпору, въ случаѣ появленія непріятеля; за ними въ ста шагахъ ѣхали генералы со свитою, далѣе остальные казаки, и шествіе замыкалось двигающимися съ трудомъ стрѣлками. Изрѣдка дорога прорѣзывалась промытыми водою рытвинами, гдѣ лошади теряли почву и съ трудомъ справлялись съ быстрымъ въ этихъ мѣстахъ теченіемъ. Пѣхота вынуждена была остановиться у первой встрѣченной глубины, видя, какъ передніе, пытавшіеся пройти за нами, выкупались съ головою.

А журавли, аисты, ибисы, гуси, утки всевозможныхъ породъ съ крикомъ вырывались изъ окружавшихъ насъ камышей. Вотъ гдѣ приволье охотнику!

До меня донеслась команда „стой“, переданная въ полголоса отъ одного къ другому. Я обернулся. Генералу Данаурову показалось, что впереди мелькнули фески; бинокли были направлены въ ту сторону, но ничего тревожнаго не замѣчено; мы двинулись дальше. У начала телеграфныхъ столбовъ, вытянутыхъ въ одну линію влѣво на гору, къ турецкой батареѣ и прямо, по направленію къ Мачину, камыши разступились, образуя довольно большую водную площадь, за которой опять слѣдовала затопленная дорога. Отрядъ остановился. Корпусной командиръ приказалъ промѣрить ширину этого протока. Я поплылъ впередъ и вступилъ на твердую почву саженяхъ въ десяти; мнѣ приказано вернуться назадъ, а затѣмъ объявлено, что рекогносцировка окончена. Это приказаніе очень огорчило меня и моихъ казаковъ: неужели только холоднымъ купаніемъ ограничится вся наша рекогносцировка. Изъ нѣсколькихъ

Рекогносцировка Сулима.

словъ, сказанныхъ генералами на пароходѣ, я понялъ, что мы рекогносцируемъ Мачинъ и если бы застали турокъ врасплохъ, то завладѣли бы лагеремъ, что виднѣется изъ Браилова, или, по крайней мѣрѣ, удержались бы на томъ берегу до подвоза другихъ войскъ на пароходахъ по Мачинскому рукаву. Съ этою цѣлью и были взяты патроны. Моимъ мечтамъ не суждено было осуществиться. Тѣмъ же путемъ вернулись мы обратно и, не волнуемые болѣе ожиданіемъ предстоящаго боя, только теперь стали ощущать холодъ воды, проникшей всюду при плаваніи въ протокахъ. Незамѣтно пройденныя впередъ четыре версты бродомъ теперь казались намъ нескончаемо труднымъ путемъ. Обидно казалось возвращаться такимъ образомъ ни съ чѣмъ. Чего бы я не далъ, чтобы въ эту минуту имѣть власть поворотить опять всю колонну и привести въ исполненіе предпріятіе, къ которому мы готовились со вчерашняго дня.

Отъ мѣста, гдѣ окончилась наша экспедиція, оставалось до Мачина около 4-хъ верстъ. Дубасовъ же подходилъ къ городу на близкій ружейный выстрѣлъ и не видѣлъ ни одного турецкаго солдата. Лагерь казался пустымъ; даже у двухъ оставшихся на батареѣ пушкахъ не было видно часового. Какъ знать, можетъ быть мы пропустили одну изъ самыхъ удобныхъ минутъ.

Взобравшись на пароходъ, мы поспѣшили вылить воду изъ сапогъ, задирая ноги къ верху. Коньякъ и горячій чай, которыми подчивали насъ любезные моряки, согрѣли немного окоченѣвшіе члены, а пять верстъ крупной рыси съ пристани до бивака развлекли и пріободрили пріунывшихъ казаковъ.

4-го іюня я получилъ предписаніе командира полка снять всѣ посты и привести сотни обратно на Барбошъ. Весь день 5-го іюня я вымаливалъ своихъ казаковъ, состоящихъ ординарцами и вѣстовыми, но безуспѣшно; я рѣшился тогда прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ: послать ночью вахмистра 1-й сотни Быкадорова, рѣшительнаго и исполнительнаго казака, съ командою и собрать всѣхъ отсутствующихъ, для чего употребить даже силу, если окажется нужнымъ. Такимъ образомъ къ 5-ти часамъ утра караулъ и посты были сняты,

всѣ люди въ сборѣ, и мы выступили. Опять жарко, опять жажда. Уныло идутъ люди по скучной, пыльной дорогѣ, но вдругъ показались вдали пики безъ флюгеровъ, знать казаки идутъ на встрѣчу. Сразу люди и кони подбодрились, заиграли пѣсни, и мы стройно и въ порядкѣ поравнялись и разошлись съ Донскимъ № 17-й полкомъ, который шелъ намъ на смѣну въ Браиловъ.

На Барбошъ пришли рано и заняли тамъ прежнія мѣста, а самъ я проѣхалъ на свѣжей лошади въ Галацъ для доклада командиру о прибытіи сотенъ и тотчасъ же вернулся, чтобы поспѣть на 8-ми часовой вечерній поѣздъ, идущій въ Браиловъ изъ Яссъ. Дѣло въ томъ, что я былъ приглашенъ на танцовальный вечеръ у Мела и не хотѣлъ пропустить такого рѣдкаго здѣсь удовольствія. Со мною въ вагонѣ ѣхали графъ Воронцовъ-Дашковъ и принцъ Саксенъ-Альтенбургскій, назначенные въ дѣйствующую армію. И они также нетерпѣливо спѣшили къ своимъ постамъ: „pour être plus vite en présence de l'ennemi“ какъ они выражались. Я тоже такъ думалъ, когда ѣхалъ сюда, но теперь мнѣ кажется, что я не ближе къ непріятелю и къ военнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ житель любой изъ россійскихъ губерній.

У Мела все общество сидѣло вокругъ гостиной, вдоль стѣны, на стульяхъ; на единственномъ диванѣ возсѣдали хозяинъ, страдающій подагрой, и начальникъ Браиловскаго отряда. Глубокое молчаніе прерывалось только разговоромъ между консуломъ и генераломъ. Чтобы прекратить это томительное состояніе, я предложилъ танцовать и, съ разрѣшенія генерала, мы всѣ перешли въ другую комнату, гдѣ подъ звуки разбитаго рояля запрыгала молодежь...

Моя палатка, разбитая на вершинѣ Барбошскаго утеса, обращена входомъ къ Дунаю, такъ что утромъ, лежа еще въ кровати, когда деньщикъ подымалъ полу палатки, предо мною открывался, какъ въ рамкѣ, восхитительный, величественный видъ: неясная, утопающая въ общей синевѣ даль то и дѣло мѣняла цвѣта, какъ будто застилаясь широчайшими полосами движущейся во весь небосклонъ безконечной радуги. Разливъ

Бивакъ 29 донск. каз. полка на Барбошѣ.

золотомъ горѣлъ подъ горами, переливаясь въ яркіе, свѣтло-голубые оттѣнки, какъ шелковая азіатская ткань, играющая на солнцѣ.

Разъ вечеромъ пріѣхалъ къ намъ командиръ полка съ супругою, которая только что прибыла изъ Новочеркасска и имѣла передать много порученій офицерамъ отъ ихъ родныхъ и знакомыхъ на Дону. Всѣ казачьи офицеры, къ какому бы войску ни принадлежали, являются какъ бы членами одной громадной семьи: они сохраняютъ одинъ типъ, одинъ выговоръ, одинаковыя привычки, одни и тѣ же интересы, почти всѣ знакомы между собою, или, по крайней мѣрѣ, знаютъ другъ друга по фамиліямъ.

Вечеромъ 8-го іюня вѣстовой передалъ мнѣ, что командиръ полка прибылъ на бивакъ и просилъ меня и командира 2-й сотни, сотника Дукмасова, пожаловать къ нему. Мы сразу догадались, что должно быть назначенъ день переправы и что мы двое въ ней примемъ участіе. Дѣйствительно, полковникъ сообщилъ намъ подъ строжайшей тайной, что переправа состоится въ слѣдующую ночь, что въ ней примутъ участіе Ряжскій, Рязанскій пѣхотные полки и наши двѣ сотни, 1-я и 2-я, что командовать переправляющимся отрядомъ назначенъ генералъ Жуковъ, отъ котораго мы сегодня же получимъ дальнѣйшія приказанія. Мы сѣли втроемъ въ коляску и поѣхали въ Галацъ.

Дорогою я находился въ какомъ то чаду: захватъ батарей, взятіе городовъ, плѣненіе цѣлыхъ армій представлялось мнѣ вполнѣ достижимымъ съ двумя сотнями лихихъ казаковъ. Но генералъ Жуковъ разсѣялъ эти радужныя мечты, объявивъ намъ, что военный совѣтъ рѣшилъ, что за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ конныхъ казаковъ будутъ переправлять не теперь, а когда освободятся понтоны и люди, т. е. послѣ переправы другихъ войскъ. Такимъ образомъ, не суждено было сбыться нашимъ надеждамъ.

Возвращаясь въ Барбошъ, мы примѣтили двухъ казаковъ, шедшихъ за возомъ сѣна и, незамѣтно отъ хозяина румына, сбрасывавшихъ охапки сѣна на дорогу, съ цѣлью поживиться

чужимъ добромъ. Полковникъ давно слѣдилъ за этимъ маневромъ и когда мы съ ними поравнялись, онъ выскочилъ, не дожидаясь остановки экипажа, коротко, но энергично расправился съ казаками на мѣстѣ преступленія и безъ дальнѣйшихъ объясненій сѣлъ обратно въ коляску. Мы поѣхали дальше. Пристыженные казаки, понуря голову, продолжали свой путь, а румынъ хозяинъ воза, только тогда понявшій, въ чемъ дѣло, остановился и, ругаясь, сталъ подбирать разбросанное сѣно.

Такъ какъ не предвидѣлось возможности переправиться съ прочими войсками, за отсутствіемъ перевозочныхъ средствъ, то мнѣ пришло на мысль переплыть на лошадяхъ черезъ Дунай до затопленнаго берега и идти далѣе бродомъ по разливу, какъ мы шли на рекогносцировкѣ 3-го іюля. Прежде чѣмъ доложить начальству о моемъ намѣреніи, я хотѣлъ лично убѣдиться въ возможности его исполненія. Рано утромъ, на другой день, я взялъ съ собою трубача Жукова и приказнаго Сулима, страстныхъ охотниковъ до разныхъ приключеній, нанялъ у рыбаковъ лодку и пустился на ней черезъ Дунай для промѣра глубины воды въ плавняхъ и рекогносцировки подступовъ къ тому берегу. Мы потеряли много времени и сильно утомились, перетаскивая тяжелую лодку чрезъ песчаную полосу, отдѣляющую Серетъ отъ Дуная. Чтобы освѣжиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не терять дорогого времени, каждый изъ насъ, по очереди, бросался въ воду и плылъ около лодки, пока другіе гребли. Мое ожиданіе оправдалось: русло рѣки, по которому пришлось бы идти вплавь въ этомъ мѣстѣ, было не широко и съ помощью быстраго теченія могло бы быть пройдено лошадьми очень легко. Далѣе слѣдовалъ затопленный берегъ, глубиною отъ 1-го до 3-хъ аршинъ. Мы вошли въ каналъ между камышами, образуемый, вѣроятно, дорогою, затопленной на $1^1/_2$ аршина водою. Нѣсколько разъ приходилось сталкивать лодку съ мели, и уже это обстоятельство показывало, что лошади могли бы вездѣ пройти бродомъ. Такъ долго шли мы среди лѣса камышей то съуживающимся, то расширяющимся каналомъ, и вдругъ очутились на краю открытаго разлива, въ ста саженяхъ отъ берега, по которому медленно шагали турецкіе часовые.

Рекогносцировка Буджака.

Оконечность Буджака, похожая на звѣря, лежащаго носомъ къ Дунаю, осталась влѣво и позади, такъ что батарея въ 4 орудія, расположенная на вершинѣ холма и обращенная къ Галацу, была видна съ тылу. За батареей, у шалашей толпилась кучка пѣшихъ турецкихъ солдатъ, полсотни черкесовъ вели съ водопоя коней. Мы пожирали глазами невиданнаго нами никогда еще такъ близко непріятеля.

Скрываясь за камышами, я набросалъ кроки пройденнаго пространства и рисунокъ турецкой позиціи. Затѣмъ, чтобы узнать, хотя бы приблизительно, изъ какихъ частей состоитъ отрядъ и какова его численность, я поставилъ прицѣлъ моей берданки на 600 шаговъ, тщательно прицѣлился и выстрѣлилъ въ середину толпы, что виднѣлась на горѣ. Не знаю, попалъ ли я въ кого нибудь или нѣтъ, но желаемое дѣйствіе было произведено: изъ шалашей и изъ за бугра выбѣжали турки, встревоженные моимъ выстрѣломъ, числомъ около 600 человѣкъ— значитъ прикрытіе при батареѣ не велико. Наша задача была выполнена и я велѣлъ воротиться назадъ, но Жуковъ сильнымъ толчкомъ весла выбросилъ лодку на чистое мѣсто, на виду всего турецкаго отряда. „Только воры,—сказалъ онъ,—стрѣляютъ изъ за угла, а потомъ удираютъ, не показавшись". Нечего дѣлать, если насъ видятъ, то пусть знаютъ, кто мы: мы крикнули втроемъ, что было силы: „Ура! казакъ!"

Отъ ближайшихъ постовъ показались дымки, прожужжало нѣсколько пуль, которыя шлепались въ воду сзади насъ, какъ брошенные играющими дѣтьми камешки.

Быстро наступалъ вечеръ; мы повернули назадъ и снова принялись за тяжелую греблю. Первое время мы ожидали погони, но, вѣроятно, у турокъ не было подъ рукою лодокъ и мы, безъ особыхъ приключеній, но страшно утомленные, съ оборванными волдырями на рукахъ, пришли домой только въ часъ ночи.

Но поспать мнѣ въ эту ночь такъ и не пришлось. Въ 3 часа утра я былъ разбуженъ отдаленной перестрѣлкой— это наши войска подходили на понтонахъ къ Буджакскимъ высотамъ. Трескотня завязалась несмолкаемая. Восходящее солнце

окрасило кровавымъ заревомъ ту горку, гдѣ шелъ ожесточенный бой. Неподвижное бѣлое облако дыма тяжело легло на скатѣ, обращенномъ къ Галацу. Это облако стало понемногу двигаться вверхъ и вправо... наши, значитъ, одолѣваютъ...

Я жадно слѣдилъ за ходомъ боя, за участіе въ которомъ, мнѣ казалось въ эту минуту, я отдалъ бы все, что мнѣ было дорого. Подошли и казаки поглядѣть на „страженіе“. Трескотня понемногу утихала и облако распадалось на части, то исчезавшія, то опять появлявшіяся. Но вотъ къ шести часамъ утра надъ вершиною Буджака взлетѣло и растаяло на небѣ круглое небольшое облачко. „Слава Богу, наши *орудію* втащили“... раздалось между казаками. Всѣ перекрестились. Дѣйствительно, минуты черезъ двѣ долетѣлъ слабый, но отчетливый звукъ орудійнаго выстрѣла. Съ той минуты бой возобновился съ новою силою, дымки стали безостановочно подвигаться вправо и, наконецъ, исчезли за высотами.

Чтобы узнать подробности боя, я поѣхалъ въ Галацъ, гдѣ уже трепетно ожидали извѣстій съ того берега. Наконецъ показались вдали понтоны, всѣ сбѣжались къ набережной, чтобы скорѣе узнать, какъ были встрѣчены наши, много ли выбыло изъ строя, какъ дерутся турки и проч. Раненыхъ было много: однихъ выносили на рукахъ, другіе выходили сами, измученные, блѣдные, съ впалыми щеками, съ равнодушными или болѣзненно блуждающими глазами. Какъ не похожи раненые солдаты на тѣхъ здоровыхъ ребятъ, которыми они были нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Первая повязка, испачканная въ крови и въ грязи, переноситъ воображеніе на самое поле сраженія. Эти окровавленные и вооруженные еще люди представляются всѣ героями, тогда какъ въ госпиталѣ раненые, хорошо перевязанные и одѣтые въ халаты, возбуждаютъ только состраданіе.

Вотъ что мнѣ сообщили солдатики, менѣе пострадавшіе: понтоны и лодки подошли близко къ непріятельскому берегу незамѣченными, но, когда оторопѣвшіе часовые начали стрѣлять, изъ за холма выбѣжали турки и открыли убійственный огонь по судамъ. Передовой отрядъ съ прапорщиками Сушковымъ

и Эльснеромъ, убѣдившись, что подъ ними мелко, выскочили изъ лодокъ и побѣжали по водѣ до берега, за ними послѣдовали другіе. Турки, застигнутые врасплохъ, дрались упорно, но, вѣроятно, безъ надежды на успѣхъ, такъ какъ орудія были увезены до исхода боя, чтобы не достались намъ.

Во время преслѣдованія одинъ изъ офицеровъ, увлекшись перестрѣлкой съ отступавшей турецкой цѣпью, отдѣлился съ нѣсколькими солдатами отъ своихъ. Мгновенно налетѣли на нихъ черкесы, нѣсколькихъ зарубили, а офицера обезоружили и потащили за собою. Побѣжали солдатики на выручку, но не удалось имъ спасти своего храбраго командира. Видя близкое преслѣдованіе, черкесы рѣшились тутъ же раздѣлаться съ плѣнникомъ, который, видимо, слишкомъ ихъ задерживалъ; на виду всей нашей цѣпи, они наносили ему удары шашками, отрубили уши, рубили по плечамъ и головѣ и, натѣшившись вдоволь, послѣднимъ ударомъ раскроили черепъ.

Если бы была при нашемъ отрядѣ кавалерія, то навѣрно этого бы не допустили, да и турецкія орудія, можетъ быть, отъ насъ бы не ушли.

Къ 6-ти часамъ утра подвезены были на понтонахъ два орудія и вытащены на рукахъ въ гору. Грянулъ могучій выстрѣлъ. Переправа была совершена—берегъ нашъ.

Убитыхъ у насъ одинъ офицеръ и 60 нижнихъ чиновъ, ранено 150 человѣкъ и, говорятъ, два офицера пропало безъ вѣсти.

Вернулся я на бивакъ поздно и какъ снопъ свалился въ свое логовище, утомленный двумя безсонными ночами и волненіями послѣднихъ дней, но спать долго не пришлось: меня разбудилъ адъютантъ, хорунжій Карповъ. „Командиръ приказалъ вамъ переправить на лодкахъ первую сотню завтра въ 2 часа по полудни, а утромъ явиться къ нему для полученія подробныхъ распоряженій“. Сонъ улетѣлъ далеко...

Зная, какъ трудна посадка на небольшія суда лошадей, въ особенности, когда онѣ горячатся отъ долгой стоянки, я на разсвѣтѣ сдѣлалъ проѣздку своей сотнѣ, а затѣмъ отправился въ Галацъ, къ командиру полка. Онъ вручилъ мнѣ мѣшокъ съ

золотомъ для довольствія сотни въ отдѣлѣ и передалъ надлежащія инструкціи: далъ совѣтъ не зарываться, щадить людей и лошадей, но если представится случай прославить полкъ, то не пожалѣть ни своей, ни чужой головы; атаковать всегда лавою съ гикомъ; въ разъѣздъ назначать какъ можно меньше людей, чтобы не быть замѣченнымъ, но все таки не менѣе двухъ человѣкъ: если одного убьютъ —другой доскачетъ до своихъ; высылать разъѣзды чаще, становиться на бивакъ вдали отъ городовъ и селъ, не довѣряясь даже расположенному къ намъ селенію; провѣрять самому показанія лазутчиковъ или жителей края; но главное, на что онъ предлагалъ обратить мое вниманіе, это на то, чтобы убѣдить казаковъ, что я безцѣльно не буду пускаться въ рискованныя предпріятія: „за осторожнымъ и опытнымъ начальникомъ, говорилъ онъ, казаки пойдутъ смѣло и рѣшительно на самыя отчаянныя дѣла. Казаки храбры, но только подъ командою начальника, которому довѣряютъ, въ противномъ случаѣ не ожидайте отъ нихъ ни смѣлости, ни удали". Впослѣдствіи, я убѣдился, насколько полковникъ былъ правъ.

Мы выступили съ Барбоша, провожаемые пожеланіями и совѣтами оставшихся товарищей. На берегу Дуная, у водопроводовъ, что между Галацомъ и Барбошемъ, я остановилъ сотню. Отсюда намъ слѣдовало переправиться по пути, изслѣдованному мною третьяго дня, и высадиться лѣвѣе Мачина. Моя сотня входила въ составъ отряда генерала Жукова, котораго предстояло разыскать, такъ какъ не было еще извѣстно, куда занесли его случайности преслѣдованія непріятеля.

Пять длинныхъ, но узкихъ каюковъ были подтянуты бокомъ вдоль берега небольшой бухты; ожидали прибытія еще пятнадцати. Началась посадка. По намощенымъ доскамъ подводили лошадей, на рукахъ спускали въ качающуюся лодку и, оглаживая и приговаривая, успокаивали напуганныхъ животныхъ. Устанавливая по три лошади на лодку, мы нагрузили всѣ пять каюковъ въ часъ времени и ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія остальныхъ. На двадцати каюкахъ переправился бы первый транспортъ и, по возвращеніи съ того берега судовъ, были бы посажены и переправлены остальные люди и лошади

сотни. Но лодки не появлялись, и меня начало мучить сомнѣніе въ возможности переправы. Зная изъ опыта послѣднихъ дней, какъ часто мѣняются распоряженія, я рѣшилъ какъ можно скорѣе быть на той сторонѣ, хотя бы и не съ полной сотней, назадъ бы я ни за что не вернулся, да едва ли выпустилъ бы меня начальникъ дѣйствующаго отряда, которому кавалерія была необходима.

Лодокъ все нѣтъ, но вотъ скачетъ ко мнѣ казакъ съ

Посадка на понтоны.

пакетомъ — у меня сердце сжалось до боли — неужели отмѣна. Мои опасенія оправдались. Надежды, планы, воздушные замки разрушены до основанія. Меня извѣщали, что переправа отмѣнена и сотня должна вернуться на Барбошъ.

Я поѣхалъ въ Галацъ, чтобы узнать причины этой отмѣны, а можетъ быть услышать, что еще не все пропало, что переправа отложена на одинъ или на два дня за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ.

Не заставъ дома ни командира полка, ни бригаднаго, я поѣхалъ къ Просперу, гдѣ, дѣйствительно, была въ сборѣ вся компанія, праздновавшая день рожденія графа. Всѣ были веселы и хотя и говорили съ сожалѣніемъ объ отмѣнѣ, но вовсе не принимая это близко къ сердцу.

14-го іюня мы получили извѣстіе, что Мачинъ занятъ наканунѣ безъ боя лейтенантомъ Никоновымъ съ его плавающей командой охотниковъ. Вечеромъ того же дня Лейбъ-Бородинскій полкъ съ развернутыми знаменами, съ бригаднымъ командиромъ и штабомъ во главѣ, вступилъ въ первый турецкій городъ, занятый русскими войсками.

16-го іюня командиръ полка порадовалъ насъ извѣстіемъ о походѣ въ Браиловъ на завтра. День проходитъ въ приготовленіяхъ къ походу. Продаемъ лошадей и вещи умершихъ и больныхъ, уѣхавшихъ домой казаковъ. Румыны покупаютъ охотно нашихъ маленькихъ, но выносливыхъ маштачковъ. Лошадь, стоющая рублей тридцать-сорокъ на Дону, здѣсь продается за сто и дороже.

Въ послѣдній разъ собралась наша компанія у Проспера. Съ гордостью объявляемъ мы всѣмъ знакомымъ, что, наконецъ, и до насъ дошла очередь, что и объ насъ вспомнили, что не все намъ сзади оставаться, когда другіе идутъ впередъ.

Выступили рано, по хорошо знакомой дорогѣ. Вошли въ Браиловъ еще засвѣтло и стали бивакомъ на большой площади, въ предмѣстьи города. Пока мы равняли и разводили шеренги для слѣзанія, налетѣлъ порывъ вѣтра съ дождемъ и въ нѣсколько секундъ промочилъ насъ до костей. Вскорѣ прибылъ обозъ, разбиты палатки, заваренъ чай и о невольно взятой ваннѣ офицеры позабыли, а полунагіе нижніе чины, сидя у костровъ, просушивали на рукахъ свою мокрую одежду. Бригадный, полковой командиры и штабъ помѣстились въ городѣ.

Пользуясь опытомъ трехъ походныхъ движеній съ частями войскъ, я сократилъ свой вьюкъ до крайнихъ предѣловъ, а лишнія вещи передалъ на храненіе нашему консулу.

Впослѣдствіи я убѣдился, что въ походѣ, чѣмъ менѣе имѣешь съ собою вещей, тѣмъ большимъ пользуешься ком-

фортомъ: часто, за недостаткомъ времени, отказываешься отъ необходимыхъ предметовъ изъ за того только, что они слишкомъ хорошо уложены, да и обозъ не всегда можетъ слѣдовать за войсками, тогда какъ вьюкъ поспѣваетъ всюду одновременно съ частью. Мнѣ никогда не приходилось нуждаться въ чемъ либо. Но часто, жалѣя бросить вещь, хотя она была безъ употребленія, приходилось обременять себя лишней поклажей.

Къ несчастью, горькій опытъ скоро забывается, и опять набираешь всевозможные нессесеры, складныя кровати, палатки, консервы и другіе предметы, такъ заманчиво выглядывающіе въ витринахъ дорожныхъ магазиновъ и такъ мало пригодные для казачьяго офицера, которому прежде всего нужна подвижность. Я полагаю, что для кавалерійскаго офицера походный вьюкъ долженъ былъ бы содержать опредѣленное количество предметовъ, точно такъ же, какъ солдатскій ранецъ.

Во время десятимѣсячной кампаніи, среди тропическаго зноя лѣта, въ осеннихъ грязяхъ сѣверной Болгаріи, въ снѣгахъ Балканъ и при steeple chase'ѣ къ Адріанополю, я никогда не былъ лишенъ необходимыхъ удобствъ жизни: пищи, мыла, полотенца и одежды, соотвѣтствующей времени года и мѣстности, и приписываю это только строгому подбору вещей своего вьюка. Какъ я уже сказалъ, чѣмъ меньше вьюкъ, тѣмъ человѣкъ подвижнѣе, и вполнѣ оцѣнишь это тогда, когда обозъ застрянетъ гдѣ нибудь и неизвѣстно когда пріѣдетъ.

Казачья дивизія генерала Шамшева переправилась уже черезъ мостъ и гати, только что сооруженныя полковникомъ Клименко, между Браиловымъ и Мачиномъ. Мы тоже должны тронуться скоро, но когда именно, неизвѣстно.

Наконецъ, и намъ назначено переправляться; мы выступаемъ 22-го іюня. На пристани сдавались вьюки для доставленія въ Мачинъ пароходомъ. Верстахъ въ трехъ ниже мы подошли къ мосту на понтонахъ, слѣзли съ лошадей, держа ихъ въ поводу, и вытянулись по мосту колонною по одному. Вода много спала съ того дня, какъ мы дѣлали рекогносцировку съ генераломъ Циммерманомъ. Кое гдѣ въ плавняхъ пасся болгарскій скотъ,

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога поднималась надъ уровнемъ воды, ближе къ Мачину не залитыя пространства занимаютъ большую площадь. Мосты проложены даже черезъ небольшія лужи; на всемъ протяженіи только разъ намъ пришлось переправиться въ бродъ черезъ мелкій рукавъ съ твердымъ грунтомъ.

Въ разныхъ мѣстахъ расположились биваками пѣхотные солдаты и саперы, назначенные для устройства гатей и исправленій моста. Не завидна ихъ участь: день и ночь проводятъ они въ болотистой мѣстности, гдѣ отъ комаровъ и мошекъ нѣтъ спасенія, гдѣ злая лихорадка не щадитъ никого, гдѣ приходится умирать безславной смертью послѣ тяжкихъ страданій, не встрѣтившись ни разу съ врагомъ.

Мы вошли въ Мачинъ, грязную деревушку, съ узкими, крутыми улицами, какъ будто ползущими въ гору, чтобы выбраться на свѣтъ Божій изъ слякоти и вони. Не такимъ онъ намъ представлялся издали и не такъ мы надѣялись входить въ этотъ городокъ, который считали почти своимъ, такъ давно уже мозолилъ онъ намъ глаза. Жители встрѣчали и провожали насъ радостными привѣтствіями, но мы для нихъ не побѣдители, не избавители, тѣ прошли уже въ первый день. Мы же просто тѣ братушки, которыхъ нужно много, много, чтобы прогнать всѣхъ турокъ изъ Болгаріи.

Мы прошли главной улицей черезъ весь городъ, подымаясь въ гору и, наконецъ, остановились на возвышенной площадкѣ, съ которой открывается чудный видъ на Дунай и далеко на оба берега. Подъ ногами Мачинскій рукавъ, по которому, скрываясь иногда за деревьями, двигался въ то время Фульджеруль, налѣво тянулись зеленые холмы, съ пролегающей у ихъ подножія дорогой; по ней то мы и будемъ догонять непріятеля, отступившаго по направленію къ Меджидіе.

По крутой тропинкѣ мы спустились къ рукаву Дуная, чтобы освѣжиться купаніемъ, но возвратились къ биваку еще болѣе изнуренными зноемъ и трудностью подъема. Было удушливо жарко, солнце палило какъ иглами, но вдругъ все перемѣнилось, какъ по волшебству: пронесся вихрь, еще порывъ, все кругомъ потемнѣло и ливень, какого я еще никогда не

видалъ, прорвалъ сводъ небесный и обратилъ въ бурные потоки сухія водомойни, перерѣзывавшія по всѣмъ направленіямъ нашу площадку. Бивакъ былъ въ одну минуту затопленъ; одинъ только караулъ у знамени, расположенный на возвышенности, былъ защищенъ отъ этого неожиданнаго наводненія. Гроза разыгралась не на шутку: молнія безпрестанно ослѣпляла глаза, раскаты грома сливались въ одинъ оглушительный гулъ. Люди жались другъ къ другу, котлы, въ которыхъ началась было

Вечерняя заря у Мачина.

варка, мигомъ наполнились водой. Палатка, подъ которой я хотѣлъ укрыться, сорвалась и облѣпила меня кругомъ, а снаружи мой деньщикъ продолжалъ удерживать меня вмѣстѣ съ палаткой за конецъ веревки. Гроза продолжалась такъ долго, что казалось конца ей не будетъ.

Вдругъ среди частыхъ ударовъ грома раздался звукъ трубы, невольно напомнившій при этой обстановкѣ о трубномъ гласѣ страшнаго суда. Но то не ангелъ возвѣщалъ о послѣднемъ сборѣ, а дежурный трубачъ протрубилъ сигналъ передъ зарей.

Подъ проливнымъ дождемъ, при блескѣ молніи и при громѣ небесномъ, стройно раздалась вечерняя молитва, затѣмъ „Отче нашъ“. Минута была, дѣйствительно, торжественная, никто не преминулъ присоединиться съ своей молитвой къ хору.

Промежутки темноты дѣлались продолжительнѣе, рѣзкіе удары понемногу обратились въ глухой рокотъ, дождь сталъ сѣять рѣже и рѣже и вдругъ прекратился. Небесная завѣса отдернулась и заблистали миріады яркихъ созвѣздій; въ воздухѣ заструились чудные ароматы цвѣтовъ и освѣженной зелени. Голодъ, о которомъ мы позабыли въ эти минуты, теперь чувствовался съ особенною силою.

Сухихъ дровъ, конечно, негдѣ было взять и о варкѣ пищи нечего было и думать. Кто то вспомнилъ, что на площадкѣ нашего бивака, на столбѣ красовалась афиша, извѣщавшая, что въ Мачинѣ, въ ресторанѣ „Московскій садъ“, по случаю прибытія русскихъ, имѣютъ быть по вечерамъ концерты.

Отправились мы разыскивать этотъ ресторанъ. Шлепая по грязи, переправляясь черезъ ручьи, бѣшено несущіеся по изрытымъ улицамъ, ощупью добрались мы до какой то стѣны, изъ за которой свѣшивались деревья. Кругомъ была полная тишина и такая темнота, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Послѣднія надежды на ужинъ улетѣли, какъ вдругъ въ безмолвіи ночи прозвучали аккорды гитары и свѣжій женскій голосъ запѣлъ какой то романсъ. Всѣ сразу оживились Вотъ онъ гдѣ концертъ, но какъ до него добраться. Ориентируясь по голосу, мы пришли къ заключенію, что пѣвица, значитъ и ресторанъ, находятся въ другомъ кварталѣ, и намъ слѣдовало или искать выхода изъ этой улицы на другую, или перелѣзть черезъ ограды и идти на прямикъ. Второе рѣшеніе было принято и, помогая другъ другу, мы вскарабкались на вершину довольно высокой стѣны, прыжокъ на другую сторону перенесъ насъ изъ глухой улицы въ тѣнистый садъ. Ощупью пробрались мы черезъ кусты, клумбы и газонъ, не отвлекаемые ничѣмъ отъ плѣнительныхъ звуковъ. Мелькнулъ свѣтъ и черезъ мгновеніе мы очутились на обширной галлереѣ болгарскаго дома. При нашемъ внезапномъ появленіи музыка

смолкла. Не то удивленіе, не то испугъ выражался на лицахъ исполнителей.

Мы не ошиблись. То былъ, дѣйствительно, ресторанъ, и мы, не разбирая, подрядъ заказали все, что значилось на карточкѣ.

Тысячи мошекъ кружились около насъ, супъ былъ усыпанъ ими какъ перцемъ. Бѣлое вино, острое какъ яблочный квасъ, тѣмъ не менѣе развеселило насъ; смѣху не было конца. Молодая пѣвица, хорошенькая блондинка, какъ оказалось, венгерка, по очереди дарила каждаго своими прелестными улыбками, но на вопросы отвѣчала на непонятномъ для насъ нарѣчіи. Наконецъ мы узнали, что она говорила немного по англійски, и тогда завязался оживленный разговоръ.

Утромъ разбудили насъ прибывшіе на пароходѣ: секретарь русскаго консульства въ Яссахъ Бакунинъ, ротмистръ Бушенъ, назначенный въ распоряженіе нашего бригаднаго командира, и сынъ русскаго консула въ Браиловѣ Мела.

Завтракать отправились всѣ вмѣстѣ въ „Московскій садъ". Но намъ не суждено было долго нѣжиться въ этой Капуѣ: не успѣли сѣсть за столъ, какъ казакъ привезъ пакетъ изъ корпуснаго штаба: намъ приказано идти форсированнымъ маршемъ на с. Карталъ для присоединенія къ дивизіи генерала Шамшева.

Бакунинъ и Мела возвратились въ Браиловъ, а мы выступили въ такомъ волненіи, какъ будто шли на первое свиданіе.

Прошли черезъ бѣдную деревушку Иглица и черезъ два часа стали бивакомъ на возвышенномъ плато у болгарской деревни Сотаноу.

Деньщики добыли десятокъ яицъ и чахоточную курицу, за которыя братушки содрали съ насъ 10 франковъ.

На другой день наши три сотни выступили по большой дорогѣ - переходъ назначенъ въ Гайдаръ. Я съ первой сотней получилъ приказаніе прикрывать движеніе полка съ лѣвой стороны, очищая мѣстность, лежащую на моемъ пути, отъ шаекъ черкесовъ и башибузуковъ, оставшихся, по словамъ мѣстныхъ жителей, позади нашихъ войскъ, прошедшихъ впередъ.

Взводъ подъ командою сотника Романовскаго отдѣлился въ авангардъ, малые разъѣзды высылались безпрестанно для

рекогносцировки лежащихъ по сторонамъ нашего пути деревушекъ, кустарника, балокъ и такихъ неровностей мѣстности, за которыми могли бы скрываться непріятельскіе разъѣзды или малыя части.

Проводникъ, взятый въ Сотаноу, былъ знакомъ съ дорогою только до д. Каджларъ, далѣе пришлось оріентироваться по картѣ. Мѣстность была гористая, поросшая кое гдѣ рѣдкимъ лѣсомъ, вода холодная и прекрасная на вкусъ, встрѣчалась только въ фонтанахъ, высѣченныхъ изъ дикаго камня.

Всѣ деревни покинуты жителями. Разная домашняя птица съ крикомъ бросалась въ сторону при нашемъ приближеніи, тощія собаки хрипло лаяли, прячась за плетнями. На улицахъ и во дворахъ выброшены ветошь и разный хламъ, который бѣжавшіе не сочли нужнымъ взять съ собой.

Въ татарской д. Орумбай мы сдѣлали привалъ. Бушенъ и я расположились въ саду одного изъ лучшихъ дворовъ, подъ вѣтвями тутоваго дерева, тяжело обвѣшеннаго плодами; подъ ногами журчалъ по свѣтлымъ камешкамъ ручей. Въ домѣ и на дворѣ валялась домашняя утварь, еще годная къ употребленію. Бѣгство было, вѣроятно, поспѣшное; тутъ же на дворѣ лежало небольшое ядро — очевидно турецкое, такъ какъ въ нашей артиллеріи такихъ снарядовъ давно уже нѣтъ. Казаки наловили для обѣда множество всякой птицы. Судя по опрятности жилыхъ помѣщеній, по обширности хозяйственныхъ построекъ и количеству стоговъ сѣна и хлѣба въ скирдахъ, можно заключить, что татары этой деревни были зажиточны. Но слѣдующіе за русскими войсками болгары немного оставятъ изъ покинутаго мирными жителями имущества. При мнѣ два болгарскихъ семейства обшаривали дома бѣжавшихъ сельчанъ и накладывали на арбы все, что попадалось на глаза. Я не препятствовалъ имъ, затрудняясь рѣшить, правы ли они въ данномъ случаѣ или нѣтъ.

Дорогой мы часто взбуживали зайцевъ, казаки съ гикомъ бросались за ними, и одного удалось имъ приколоть пикой. По дорогѣ попадались довольно большія черепахи. Я подобралъ одну, длиною до полуаршина, и приказалъ положить

въ котелъ на въюкѣ, но это возбудило такое неудовольствіе между казаками, говорившими, что она опаганитъ имъ котелъ, что я велѣлъ переложить ее въ свои переметныя сумы; я разсчитывалъ проготовить изъ нея настоящій turtle soup и представлялъ себѣ, какой успѣхъ будетъ имѣть это новое блюдо среди черезчуръ уже однообразнаго нашего обѣденнаго меню.

Пройдя около пятидесяти верстъ по горамъ и оврагамъ, кустарникамъ и полямъ, мы дошли, наконецъ, до д. Гайдаръ, гдѣ на бивакѣ расположился нашъ полкъ.

Черепаху, чтобы не ушла, я опрокинулъ на спину и поспѣшилъ въ палатку командира полка, откуда уже доносился аппетитный запахъ щей.

Командиръ бригады, командиръ полка, состоящіе въ распоряженіи графа, флигель-адъютантъ капитанъ Милютинъ, ротмистръ Бушенъ и я условились продовольствоваться изъ общаго котла на подобіе артели, раздѣляя въ концѣ мѣсяца расходы на пять равныхъ частей. Готовили намъ по очереди повара графа и командира полка, а провизію мы закупали сами.

Обѣдъ продлился довольно долго; когда я возвратился къ своей палаткѣ, черепахи тамъ больше не было перевернулась ли она сама, или уйти помогли ей услужливые казаки — я никогда не дознался.

На утро, въ одинъ небольшой переходъ, мы пришли въ с. Карталъ, гдѣ стоялъ уже нѣсколько дней отрядъ генерала Шамшева: казачья дивизія, Лейбъ-Бородинскій полкъ и артиллерія. Нашъ полкъ сталъ сзади общаго бивака, и въ одно мгновеніе въ Карталѣ стало одной мельницей меньше, но за то громадные костры запылали въ нашихъ сотняхъ.

26-го іюня, воскресенье. По случаю праздника у насъ была отслужена обѣдня. На большой площадкѣ между биваками пѣхоты и казаковъ войска построились въ каре, по срединѣ котораго былъ поставленъ аналой, пѣвчіе были отъ Лейбъ Бородинскаго полка, и богослуженіе началось среди мертвой тишины. Горячими тонами южнаго солнца освѣщались строгія лица молившихся.

Всѣ знали, что турки занимаютъ почти неприступную позицію вдоль Троянова вала, у города Меджидіе, знали, что

черезъ три-четыре дня придется сбивать непріятеля съ этихъ позицій. Вотъ, можетъ быть, отчего такъ усердно молились солдаты и казаки и отчего клались частые поклоны.

Священникъ служилъ прекрасно; молитва, взывающая къ Богу войны о помощи сражающимся во имя Его, молитва о принятіи убіенныхъ въ лоно Господне произносилась имъ внятно, съ подобающимъ выраженіемъ. Отъ времени до времени солдаты и казаки отдѣлялись по одиночкѣ отъ строя и послѣ земного поклона клали на аналой свои скромныя пожертвованія.

Раздалось: „Спаси Господи люди Твоя". Священникъ окропилъ знамена и войска. Полки молча разошлись, долго еще сохраняя серьезное выраженіе, навѣянное торжественнымъ богослуженіемъ.

Казаки моей сотни передали мнѣ для храненія 20 рублей и списокъ жертвователей для покупки иконы, по возвращеніи въ родныя станицы.

27-го я дежурилъ по отряду. Дежурство мое началось пожаромъ загорѣлись въ селѣ 3 стога сѣна. Отправленная мною команда, благодаря полившему дождю, скоро потушила разгорѣвшееся сѣно и не дала огню распространиться на деревню. Только что я успокоился отъ произведенной пожаромъ тревоги, какъ выстрѣлъ, раздавшійся въ артиллерійскомъ бивакѣ, опять всполошилъ всѣхъ. Оказалось, что застрѣлился одинъ артиллерійскій офицеръ. На произведенномъ тотчасъ же дознаніи было выяснено, что застрѣлившійся былъ еще очень молодой, веселый и беззаботный офицеръ; мучимый предчувствіемъ, что будетъ убитъ въ первомъ дѣлѣ, онъ сталъ вдругъ тосковать, и когда атака Меджидіе была уже рѣшена и предвидѣлось серьезное дѣло, онъ почти наканунѣ этого дня рѣшился на самоубійство.

По приказанію корпуснаго командира, 2-ая сотня отдана въ распоряженіе капитана генеральнаго штаба Гершельмана для рекогносцировки дороги на Кюстенджи. Бушенъ получилъ разрѣшеніе идти съ ними, а мнѣ отказано, такъ какъ моя сотня, можетъ быть, будетъ потребована для другой цѣли.

29-го. Вслѣдъ за всѣмъ отрядомъ выступили и мы. Послѣ многихъ остановокъ, мы дошли до покинутаго жителями и

разграбленнаго болгарами татарскаго села Аджикіой. По сторонамъ дороги мы встрѣчали фонтаны, имѣвшіе видъ каменныхъ яслей. Переполнявшая ихъ вода, стекая черезъ край, образовывала въ слоистомъ камнѣ углубленіе на подобіе ванны; въ одной изъ нихъ я выкупался. Это купаніе послѣ большого перехода по пыльной дорогѣ въ жаркій день было рѣдкимъ наслажденіемъ. Около бивака казаки подняли лисицу и началась травля. Длинною цѣпью бѣжали казаки съ гикомъ, одному изъ нихъ удалось убить звѣря ловко подброшенной палкой. Трофей былъ торжественно принесенъ въ полкъ.

Прибѣжалъ какой то болгаринъ, испуганный до того, что еле могъ говорить, и сказалъ, что сейчасъ видѣлъ недалеко отъ бивака четырехъ вооруженныхъ турокъ. Эсаулъ съ 10 казаками поскакалъ за ними въ погоню, но ихъ не настигъ, а захватилъ какого то цыгана, котораго болгаринъ призналъ за проводника этихъ самыхъ турокъ, отъ чего, впрочемъ, послѣдній отпирался. Не придавая никакого значенія всей этой исторіи, мы отпустили цыгана на всѣ четыре стороны.

4-я сотня отправлена на аванпосты; всѣ увѣрены, что она будетъ имѣть стычки съ непріятелемъ.

Ординарецъ корпуснаго командира привезъ приказаніе занять завтра с. Галалы, а послѣ завтра, вмѣстѣ съ другими частями корпуса, атаковать городъ Меджидіе.

Вечеромъ возвратилась изъ рекогносцировки 2-я сотня; она привела двухъ плѣнныхъ турокъ и 3 фуры съ прекрасной упряжью. Турки были вооружены кинжалами, у одного за поясомъ былъ двухствольный пистолетъ.

Разъѣздъ говорилъ, что видѣлъ турецкіе аванпосты, но офицеры этого подтвердить не могли. Между нижними чинами распространился слухъ, что у турокъ повсюду заложены мины: у нихъ будто бы минированы и мосты, и шоссе и постройки. Подобные слухи распускались еще въ Румыніи, но насколько они вѣрны, могло показать только будущее.

Ночью командира полка разбудилъ офицеръ, присланный изъ главнаго караула пѣхоты, и просилъ выслать разъѣздъ къ сторонѣ непріятеля, такъ какъ, по его словамъ, небольшой

отрядъ турокъ, пробираясь по балкѣ влѣво отъ нашего расположенія, пытался прорваться сквозь цѣпь, но былъ оттѣсненъ штыками. Хотя полковнику показалось неправдоподобнымъ, чтобы непріятель могъ проникнуть, не будучи замѣченнымъ, за цѣпь казаковъ, которая стояла впереди пѣхоты, и хотя сообщеніе о странномъ боѣ на штыкахъ, безъ потерь съ той и другой стороны, и безслѣдное исчезновеніе непріятеля было, безъ всякаго сомнѣнія, вымысломъ болѣзненно настроеннаго воображенія, разъѣздъ всетаки былъ высланъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ никого не встрѣтилъ и ничего подозрительнаго не нашелъ.

Раннимъ утромъ мы выступили изъ Аджикіоя и послѣ короткаго перехода прибыли въ село Галалы. Это былъ нашъ послѣдній бивакъ передъ боемъ. 15-й казачій полкъ и 11-я батарея продвинулись впередъ на 12 верстъ въ с. Даныкіой, отстоящее отъ Меджидіе въ 6-ти верстахъ. Есть предположеніе, что имъ придется сбивать турецкіе аванпосты, чтобы занять эту позицію.

За нашимъ столомъ нѣтъ уже болѣе ни хлѣба, ни мяса, пришлось приняться за солдатскіе сухари и консервы. Вино, давно уже разбавляемое водой, прокисло совершенно. Генералъ Яновъ прислалъ графу въ подарокъ одинъ бѣлый хлѣбъ, сухой и твердый, какъ камень. Крохи этого хлѣба тщательно сбирались послѣ каждаго обѣда и сохранялись до слѣдующаго дня. Вода хороша только въ фонтанахъ—колодцы были отравлены падалью.

Завтра для большей части изъ насъ будетъ первое крещеніе огнемъ. По слухамъ, въ Меджидіе семь тысячъ регулярныхъ войскъ, позиція сильна и хорошо укрѣплена, подходы минированы. Вечеромъ начальники частей собирались на военный совѣтъ. Полковникъ передалъ сотеннымъ командирамъ послѣднія указанія. Я, какъ и всѣ, старался глядѣть серьезно, но мнѣ такъ весело, что я готовъ безпричинно смѣяться всему. Иногда только набѣгаетъ тучка, когда придетъ на мысль, что можетъ быть мнѣ то, по какому нибудь особенному несчастью, и не удастся принять участіе въ завтрашнемъ боѣ. Ужинъ нашъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ о томъ, что насъ ожидаетъ завтра.

Выступленіе назначено рано, надо спать, но мысли смѣняются одна другой и отгоняютъ сонъ.

Было еще темно, когда нашъ полкъ выступилъ и рысью объѣзжалъ пѣхоту, которая становилась въ ружье. „Съ Богомъ!“ проговорилъ командиръ полка. Всѣ перекрестились. Войска готовились среди глубокаго молчанія. Безмолвныя массы стояли неподвижно, погруженныя въ одну общую думу. По временамъ,

Наступленіе на Меджидіе.

какъ большія черныя тѣни появлялись всадники и исчезали, сверкнувъ отблескомъ металла или искрой изъ-подъ копытъ. Топотъ лошадей, шорохъ движущейся колонны, бряцанье оружія и другіе знаки, превращенные призраками ночи, проносились и стояли въ отдаленіи. Шопотъ доносился иногда такъ отчетливо, что, казалось, раздавался внутри уха; кто охотился на перепеловъ съ дудкой помнитъ, какъ звучитъ „окрикъ“ подошедшей подъ сѣть влюбленной птицы; кажется, что не тамъ въ хлѣбахъ

раздается этотъ страстный призывъ, а звучитъ въ головѣ, какъ сотрясеніе какой то особой охотничей струны.

Великое таинство совершалось въ эту ночь: тысячи людей, связанныхъ долгомъ службы, любовью къ отечеству и преданностью престолу, готовились предстать предъ Всевышнимъ, если такова будетъ Его воля.

Казаки принарядились, надѣли чистое бѣлье, чтобы „на тотъ свѣтъ явиться по христіански, чистыми плотію и душой. Передъ братской могилой некому будетъ заботиться объ убранствѣ павшихъ въ сраженіи".

Нашъ полкъ, 18-й казачій и 4-я Донская батарея подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова составляли авангардъ лѣвой кавалерійской колонны.

Войдя на свое мѣсто, мы пошли шагомъ, равняясь и въ порядкѣ, какъ на ученіи. Въ сомкнутыхъ частяхъ пѣхоты играла музыка, раздавались пѣсни. Разъѣзды освѣщали мѣстность въ двухъ верстахъ впереди первой линіи.

На высотахъ у д. Даныкіой войска были остановлены для привала. Широкая долина разстилалась передъ нами до подножія невысокихъ возвышенностей Троянова вала, гдѣ рябили скученныя постройки города Меджидіе. Солнце вышло изъ за горизонта и освѣтило бѣлѣвшій на косогорѣ турецкій лагерь, изъ за котораго, вскорѣ по нашемъ появленіи, потянулись къ западу длинныя колонны. Не даромъ раскрылся передъ ними тридцати тысячный корпусъ непріятельскихъ позицій. Противъ насъ на гребнѣ вала возвышался турецкій редутъ и лѣвѣе - насыпь батареи. Подъ горой стушевывалась въ утренней мглѣ деревня „девяти сыновей"—„Докузь-Оглы".

Наконецъ, мы тронулись, но, вмѣсто того, чтобы рысью обогнуть расположеніе турокъ и преградить имъ путь отступленія, какъ то было предусмотрѣно и въ диспозиціи, насъ останавливали и ровняли по ротамъ, построеннымъ въ боевой порядокъ, когда свободный шагъ лошадей опережалъ пѣхоту.

Пройдя деревню Докузь-Оглы, наша колонна свернула влѣво отъ дороги въ Меджидіе и поднялась на холмъ противъ турецкой батареи. Наши орудія снялись съ передковъ, но не

открывали огня, ожидая выстрѣла со стороны непріятеля. Однако турки молчали. Высланный впередъ разъѣздъ донесъ, что батарея, кажется, оставлена, но что переправа черезъ полотно желѣзной дороги, глубокій арыкъ и движеніе по болотистой мѣстности до подножія горъ для артиллеріи невозможно и даже для кавалеріи затруднительно. Опять мы стоимъ, а между тѣмъ турки очистили уже лагерь и скрылись за высотами. „Уйдутъ они и не будетъ намъ сегодня дѣла“, думалось мнѣ и казалось ясно, что пустили бы кавалерію и конную батарею въ обходъ, весь турецкій отрядъ могъ бы быть взятъ въ плѣнъ.

„Васъ проситъ графъ“,—прервалъ мои печальныя мысли ординарецъ бригаднаго командира. Мнѣ приказано съ сотней переправиться черезъ арыкъ, выѣхать на высоты и, если видѣнныя укрѣпленія окажутся незанятыми, то раскрыть отступающаго изъ города непріятеля, въ противномъ случаѣ вернуться назадъ. Вторая сотня должна была слѣдовать уступомъ за мною.

Боясь отмѣны приказанія, я рысью двинулся впередъ, объясняя на ходу офицерамъ, что отъ насъ требовалось. Я былъ счастливъ, что вырвался изъ-подъ опеки начальства и мысленно благодарилъ графа за то, что онъ выбралъ меня.

Высланные впередъ въ карьеръ наѣздники успѣли разыскать лучшее мѣсто для переправы и знаками указывали намъ, куда идти. Пройдя благополучно чрезъ глубокій ровъ съ водою, я остановилъ офицера и казаковъ, имѣвшихъ лопаты для устройства спусковъ для переправы артиллеріи и, построивъ лаву, карьеромъ выѣхалъ на гору, чтобы внезапнымъ появленіемъ не дать туркамъ времени опомниться и отразить огнемъ нашу атаку, если бы укрѣпленія оказались занятыми. Мы очутились въ тылу редута и тотчасъ же вскочили внутрь черезъ широкую горжу, но онъ былъ пустъ — ни одной пушки не оставили намъ турки.

Оглядывая мѣстность кругомъ, я замѣтилъ кучку всадниковъ, слѣдившихъ за нами съ высоты холма; казаки, обладавшіе зрѣніемъ лучшимъ, чѣмъ мое, тотчасъ же узнали въ нихъ

черкесовъ. Я скомандовалъ маршъ-маршъ, но, либо моя лошадь была рѣзвѣе другихъ, либо казачьи лошади отупѣли, въ этотъ день я далеко опередилъ свою сотню и, нагнавъ своихъ наѣздниковъ, продолжалъ съ ними вмѣстѣ атаку. Впереди послышались пушечные и ружейные выстрѣлы. Думая, что тамъ идетъ бой, мы прибавили карьеру и вынеслись на гору. На вершинѣ стояла группа турецкихъ офицеровъ, можетъ быть, главныхъ начальниковъ со свитою, которые при нашемъ

Дѣло у Меджидіе.

появленіи скрылись за бугромъ; преслѣдуя ихъ, мы наткнулись на пѣхотную цѣпь, прикрывающую отступленіе. Раздался залпъ и сотни пуль просвистѣли надъ головами, не задѣвъ, къ счастью, никого. Насъ всѣхъ было только шестнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ я и мой трубачъ. Не чувствуя себя довольно сильными, чтобы атаковать цѣпь, поддержанную вблизи густою массою пѣхоты, мы отошли немного и остановились подъ прикрытіемъ бугра. Я подалъ своей сотнѣ сигналъ

наступленія, но вмѣсто того, чтобы присоединиться ко мнѣ, она повернула назадъ и рысью удалилась. Посланный въ догонку казакъ, по возвращеніи донесъ, что сотня отступила по приказанію командира полка; 2-я сотня, разсыпанная лѣвѣе первой, подалась тоже назадъ. Въ это время сзади, со стороны города, показался небольшой отрядъ; если то былъ непріятель, онъ могъ бы легко насъ отрѣзать; казакъ, поскакавшій на развѣдку, сообщилъ, что это передовые люди нашей пѣхоты, занявшей безъ боя городъ Меджидіе.

Съ того мѣста, гдѣ мы остановились, не былъ виденъ ближайшій спускъ въ глубокую лощину, по которой слѣдовали турецкія войска, такъ что мы сами не были замѣчены тѣми, которые были отъ насъ на близкомъ ружейномъ выстрѣлѣ; впереди открывалась только противоположная покатость волнообразныхъ возвышенностей, на которой показалась голова отступающей колонны, мы стали обмѣниваться выстрѣлами и пули, однѣ съ своимъ однообразнымъ „тью-тью“ шлепались въ землю, другія послѣ рикошета жужжали, какъ майскіе жуки. Непріятельская батарея сдѣлала намъ даже честь сняться съ передковъ и пустить нѣсколько гранатъ, которыя послѣ зловѣщаго шипѣнія падали далеко сзади насъ. Я подошелъ ближе къ гребню горы и предо мною, какъ на ладони, раскрылись всѣ силы непріятеля: шагахъ въ трехстахъ отступала шагъ за шагомъ цѣпь и сомкнутая часть, за ними тянулся длинный обозъ съ рядами пѣшихъ и конныхъ солдатъ по сторонамъ, впереди взбиралась на гору большая колонна, а батарея съ небольшимъ прикрытіемъ стрѣлковъ переѣзжала съ позиціи на позицію и посылала наѣздникамъ и показавшимся въ отдаленіи 3-ей и 4-ой сотнямъ, къ которымъ присоединилась и моя, не разрывавшіяся гранаты. Этотъ отрядъ, отступавшій по направленію Варны, былъ численностью въ 4 табора пѣхоты, съ одной сотней черкесовъ и съ 2-мя двухъорудійными батареями, другой отрядъ, болѣе значительный, скрывался уже за высотами по направленію Силистріи. О видѣнномъ я написалъ въ донесеніи командиру бригады и просилъ поспѣшить высылкою сотенъ нашего полка, отошедшихъ

назадъ по непонятной мнѣ причинѣ, и батареи, которая съ высоты, гдѣ я стоялъ, могла бы причинить большой уронъ и привести въ замѣшательство поспѣшно отступавшихъ турокъ; на долю кавалеріи досталось бы тогда преслѣдованіе и окончательное пораженіе разстроеннаго непріятеля.

Въ ожиданіи отвѣта отъ командира бригады, я оставался при наѣзднікахъ, чтобы не терять соприкосновенія съ непріятелемъ. Мы продолжали перестрѣливаться съ пѣхотною цѣпью; раненыхъ нами турокъ товарищи подбирали и сносили на повозки своего обоза; нѣсколько отсталыхъ было зарублено казаками. Такъ какъ насъ было немного, то и я взялъ у трубача Жукова винтовку и первой пущенной пулей свалилъ одного пѣхотинца. Одинъ турокъ отсталъ отъ своихъ, можетъ быть раненый. Подъ вліяніемъ какого то хищническаго инстинкта, внезапно вызваннаго уходящей добычей, я закинулъ винтовку за плечи, вынулъ револьверъ и поскакалъ къ нему съ намѣреніемъ захватить въ плѣнъ, но въ ту минуту, когда я его уже настигалъ, онъ вдругъ обернулся и уперъ въ меня дуло ружья; не разсчитывая и самому избѣгнуть смерти, я выстрѣлилъ въ него изъ револьвера въ упоръ. Турокъ упалъ замертво, выронивъ изъ рукъ неразряженное ружье, которое я подобралъ, какъ трофей перваго моего дѣла, и торопился уходить, такъ какъ подбѣгали товарищи убитаго и были уже близко. Въ это время подоспѣлъ Жуковъ и остановилъ меня вопросомъ: „а гдѣ же патроны, нешто бердянскими патронами можно будетъ изъ ихняго ружья стрѣлять?“ Видя, что у меня ихъ нѣтъ, онъ соскочилъ съ лошади, передалъ мнѣ поводъ и преспокойно отстегнулъ ремень патронной сумки, висѣвшей черезъ плечо у убитаго редифа. Мы поскакали назадъ — еще немного, и было бы слишкомъ поздно: турки были отъ насъ не далѣе пистолетнаго выстрѣла; видя, что мы отъ нихъ ускользали, они остановились и стали стрѣлять, пули провожали насъ до самаго перевала, гдѣ были остальные казаки. Убитый мною солдатъ имѣлъ темный цвѣтъ лица и напоминалъ мнѣ типъ феллаховъ, которыхъ я видѣлъ въ Египтѣ. Впослѣдствіи оказалось, что я не ошибся

у Меджидіе, дѣйствительно, находились египетскія войска подъ начальствомъ принца Гассана. Подобранное мною ружье было системы Снайдера. Замокъ былъ попорченъ, слѣдовательно несчастный редифъ цѣлился въ меня только для острастки и выстрѣла сдѣлать ужъ не могъ. Если бы я зналъ, что мнѣ самому не грозила опасность смерти, то не поступилъ бы съ нимъ такъ безпощадно. Съ той минуты, когда я его свалилъ, охотничья страсть, которая руководила мною до тѣхъ поръ, сразу упала и я негодовалъ на себя за то, что лишилъ жизни человѣка изъ страха быть имъ убитымъ. Въ пылу боя не думаешь объ этомъ, но нужно совершенно озвѣрѣть, чтобы не чувствовать состраданія къ невиннымъ жертвамъ войны.

Меня удивляло, что турки ограничивались перестрѣлкой, не высылая противъ насъ черкесовъ, которые шли впереди и по сторонамъ обоза; вѣроятно, они думали, что мы составляли разъѣздъ авангарда, слѣдовавшаго непосредственно за нами, т. к. волнистая мѣстность не позволяла непріятелю разсмотрѣть, что насъ такъ мало, а поддержка осталась далеко позади.

Сзади насъ послышалось какое то странное, все болѣе усиливавшееся гудѣніе и что то высоко пролетѣло надъ нашими головами, вслѣдъ за тѣмъ появилось впереди бѣлое облачко и раздался металлическій звонъ разорвавшейся гранаты. Она угодила въ отступающую колонну и произвела большой переполохъ: толпа разбѣжалась во всѣ стороны, а десять тѣлъ лежало неподвижно. „Ура!“ крикнули мы нашей батареѣ, такъ удачно стрѣлявшей. Мы боялись, что насъ могли бы тоже принять за непріятеля, но потомъ разсудили что едва ли наши стали бы тратить снаряды по столь незначительной цѣпи. Не смотря на дальность, наши орудія стрѣляли мѣтко и должны были производить большія потери, но тѣлъ убитыхъ на нашемъ пути было мало, ибо турки, по всей вѣроятности, уносили не только раненыхъ, но и мертвыхъ. Турецкія батареи хотя и отвѣчали нашей, но все слабѣе и слабѣе, цѣпь же сыпала массу пуль, но не причиняла намъ никакого вреда. Мы видѣли, что нѣкоторые стрѣляли не прикладывая даже ружей къ плечу и потому они поражали только случайными выстрѣлами на

дальнемъ разстояніи. Этимъ объяснилось, что стрѣляя въ насъ менѣе чѣмъ на 300 шаговъ, они не попадали и большая часть пуль пролетала надъ нашими головами.

Непріятель видимо приходилъ въ разстройство, отступленіе обращалось въ бѣгство. По дорогѣ стояли телѣги съ патронами, галетами, палатками, мебелью и другими вещами, по сторонамъ валялись сумки и мѣшки съ патронами, предметы снаряженія, обувь, только что снятая съ ноги, однимъ словомъ, сбрасывалось все, что замедляло и затрудняло движеніе солдатъ, утомленныхъ зноемъ, непосильной ношей и быстрымъ отступленіемъ. Вотъ когда нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ съ близкой дистанціи и атака лавою четырехъ сотенъ и даже меньше могли довершить пораженіе, но мнѣ съ моими наѣздниками, конечно, нельзя было сдѣлать ничего. Я не могъ даже оставлять караулы при брошенныхъ турками телѣгахъ и другихъ вещахъ за неименіемъ достаточнаго числа людей, и они достались двумъ сотнямъ 18-го казачьяго полка, которыхъ, при обратномъ слѣдованіи, я засталъ занятыми осмотромъ захваченной нами добычи.

Лошади были утомлены, патроны разстрѣляны, а надежду на поддержку отряда я давно потерялъ. Мы отошли назадъ къ кургану, съ котораго открыла огонь девятифунтовая пѣшая батарея по направленію скрывшихся уже турокъ.

На курганѣ я засталъ бригаднаго и полкового командировъ, одного казачьяго генерала и другихъ офицеровъ свиты. Командиръ полка сказалъ мнѣ, что сотни были задержаны по его личному распоряженію, что онъ послалъ мнѣ приказаніе вернуться и что онъ не понимаетъ, почему я этому приказанію не подчинился. „Теперь ваши сотни — сказалъ онъ — направлены мною въ обходъ непріятеля и вы должны были быть при нихъ“.

Находя, что не время было вступать въ дальнѣйшія объясненія, я поскакалъ догонять свою часть, хотя мнѣ было хорошо извѣстно, что въ томъ направленіи, куда были посланы сотни, настигнуть непріятеля никакимъ образомъ не удастся. Преслѣдующій отрядъ шелъ шагомъ въ походномъ порядкѣ, не выславъ даже ни одного разъѣзда въ стороны, не смотря на то, что справа тянулся рядъ холмовъ, съ высоты которыхъ

пожалуй еще можно было видѣть хвостъ уходившей въ другую сторону турецкой колонны.

Въ страстномъ увлеченіи этимъ первымъ нашимъ дѣломъ я только порывами ощущалъ всю горечь обманутаго ожиданія. Теперь же, подъѣзжая къ сотнямъ, которыя оставались при мнѣ и могли бы, можетъ быть, выполнить блестящій военный подвигъ, я чувствовалъ только досаду, злобу и негодованіе.

Ординарецъ привезъ приказаніе вернуться назадъ, однако, я провелъ отрядъ далѣе до с. Ески-Балабилеръ, такъ какъ люди и лошади страшно страдали отъ жажды: въ деревнѣ должны были быть колодцы, а на обратномъ пути воды не было нигдѣ. Селеніе было пусто, выли собаки, свѣжая падаль, валявшаяся на улицѣ, доказывала, что жители бѣжали недавно, порѣзавъ скотъ, который не могли угнать. Изъ глубокихъ цистернъ мы черпали манерками желтую вонючую воду и пили микроскопическими пріемами, чтобы хватило на всѣхъ.

Когда люди утолили жажду и начали выбирать оставшуюся воду, чтобы освѣжить немного лошадей, на днѣ оказалась дохлая собака. Третій ординарецъ явился уже съ требованіемъ немедленно возвратиться, и мы пошли назадъ.

Подходя къ Меджидіе, мы услышали бой тревоги. Я скомандовалъ „рысью“, чтобы поспѣшить къ мѣсту, гдѣ появился непріятель и куда этимъ сигналомъ вызывались всѣ войска.

Доѣхавъ до аванпостовъ, мы узнали, что одинъ бинбаши (маіоръ турецкой службы) и 4 турецкихъ кавалериста подъѣхали къ казачьему посту; увидѣвъ русскіе мундиры, они поскакали назадъ, но были скоро настигнуты и взяты въ плѣнъ. Дѣло не обошлось безъ перестрѣлки, услыхавъ которую, пѣхота ударила тревогу. Плѣнные показали, что они были посланы изъ Силистріи въ Меджидіе и никакъ не предполагали, что Меджидіе уже занятъ русскими.

Въ 9 ч. вечера мы прибыли на бивакъ нашего полка близъ Меджидіе, у с. Али-Баиръ. Я засталъ членовъ нашей артели за самоваромъ; на мои поздравленія съ крещеніемъ огнемъ они едва отвѣчали. Всѣ были нахмурены и не скрывали, что они мною недовольны.

Я разсчитывалъ хорошо поужинать, такъ какъ голодъ уже чувствовался давно—за цѣлый день пришлось проглотить только одну кружку вонючей воды изъ отравленнаго колодца, но мнѣ достались только объѣдки и стаканъ чаю, холоднаго, какъ пріемъ моихъ начальниковъ и товарищей.

Не смотря на то, что я 16 часовъ не слѣзалъ съ лошади, я долго не могъ заснуть, такъ какъ меня волновали впечатлѣнія пережитаго дня. Мало по малу мысли стали путаться, въ ушахъ продолжали пѣть разными тонами пули, какъ дисканты какого то демоническаго хора. Вдругъ появилась передо мною фигура убитаго мною турка съ зіяющей на головъ черепѣ темной раной. Этотъ тяжелый сонъ повторялся не разъ и въ послѣдующія ночи.

2-го іюля нашему полку и 2-ой батареѣ приказано было не медленно выступить и идти на Кюстенджи и завладѣть имъ во чтобы то ни стало. Лазутчики доносили, что въ Кюстенджи только 300 человѣкъ регулярныхъ войскъ, одна осадная, двѣ полевыя батареи и партія черкесовъ. Но правда ли это?! Мы ожидали брать городъ штурмомъ.

На слѣдующій день, проходя черезъ пѣхотный лагерь, мы увидѣли, что вся пѣхота выведена на линію; намъ передали, что въ этомъ лагерѣ ночью была произведена ложная тревога съ воображаемымъ непріятелемъ, что завязалась даже перестрѣлка и рукопашный бой, окончившійся пораненіемъ нѣсколькихъ человѣкъ, и теперь, по приказанію корпуснаго командира, производили дознаніе по этому дѣлу.

Съ бивака полкъ выступилъ очень рано. Пройдя двѣ версты, мы остановились поить лошадей на берегу большого озера, по которому плавали многочисленныя стаи пеликановъ. Получивъ разрѣшеніе начальства, офицеры стрѣляли по птицамъ изъ винтовокъ, но такъ же неудачно, какъ турки стрѣляли въ насъ третьяго дня.

Подходя къ станціи Мурфатларъ желѣзной дороги Кюстенджи Черновода, мы были поражены появленіемъ поѣзда, шедшаго изъ города, занятаго турками.

Приготовленія къ встрѣчѣ были сдѣланы быстро: батарея снялась съ передковъ, а авангардъ, разсыпанный вдоль рельсо-

Встрѣча поѣзда.

ваго пути, потребовалъ остановки поѣзда, что и было немедленно исполнено. Изъ оконъ вагоновъ высунулись пассажиры, махавшіе платками, съ криками: „Hurra for Tzar Alexandre!“ и вслѣдъ за тѣмъ соскочили на насыпь нѣсколько человѣкъ, далеко не воинственной наружности, съ бутылками и стаканами въ рукахъ. Они намъ представились и оказались англичанами, составлявшими депутацію членовъ правленія желѣзной дороги, и „нотаблями“ Кюстенджи, ѣхавшими въ Меджидіе просить генерала Циммермана защитить ихъ городъ отъ черкесовъ и башибузуковъ.

Эта депутація поднесла намъ, въ знакъ мира, замороженное шампанское и имбирное пиво. Она мнѣ напомнила путешественниковъ, предлагавшихъ дешевые подарки дикарямъ, чтобы ихъ задобрить и не быть ими съѣденными. Жара была нестерпимая и мы съ удовольствіемъ приняли неожиданное угощеніе.

Англичане сообщили, что турецкій гарнизонъ въ эту же ночь отплылъ въ Варну на судахъ, сдавъ командѣ англійскаго военнаго шлюпа „Rapid“ посты для охраненія города (до прибытія русскихъ) отъ бродящихъ турецкихъ шаекъ.

Послѣ обмѣна любезностей депутація сѣла снова въ вагоны и поѣздъ тронулся при крикахъ: „hip, hip, hurray!“

Пройдена была половина пути, полуденное солнце жестоко припекало, а тѣнь маленькаго сада у ст. Мурфатларъ манила къ себѣ. Да къ чему было торопиться—городъ мы занимали безъ боя,—придти часомъ позже или раньше было безразлично. Сдѣланъ привалъ, разложена закуска; члены артели перестали на меня дуться и въ веселомъ разговорѣ время пролетѣло такъ быстро, что не успѣли оглянуться, какъ пришлось опять лѣзть на коня и плестись по жарѣ вдоль пыльной дороги, скучной и однообразной. Но вдругъ за холмомъ сверкнуло море и всѣ оживились. Кюстенджи представилось кучкой некрасивыхъ построекъ на голой непривѣтливой скалѣ, безъ малѣйшаго признака зелени.

За городомъ встрѣтили насъ: духовенство въ облаченіи, съ развѣвающимися хоругвями во главѣ, городской голова съ хлѣбомъ-солью, консулы, офицеры и матросы съ англійскаго

военнаго судна и многочисленная толпа народа. У входа въ предмѣстье англійскій караулъ отдалъ намъ честь. Трезвонили въ колокола, какъ на святой недѣлѣ; ура не умолкало; дамы намъ подносили букеты и вѣнки, другія кидали съ балконовъ цвѣты, которые мы поднимали, нагибаясь съ сѣдла до земли. Мы благодарили мѣстныхъ красавицъ по восточному обычаю, прикладывая руку къ сердцу и губамъ, что имъ очень нравилось.

Полкъ продефилировалъ по главнымъ улицамъ города и остановился фронтомъ къ греческой церкви, гдѣ служился благодарственный молебенъ. Горожане окружали казаковъ, выражая восторженно сочувствіе и радость избавленія отъ турецкаго владычества, цѣловали имъ руки, ноги, края одежды, фески, какъ принадлежность турецкаго костюма, бросали подъ ноги и съ крикомъ „ура, урусъ хорошо, турокъ не хорошо“ топтали ихъ.

Муниципалитетъ предложилъ размѣстить насъ по квартирамъ, но командиръ полка не забывалъ осторожности и настоялъ на томъ, чтобы полкъ расположился внѣ города бивакомъ на позиціи, прикрытой съ моря, на случай бомбардированія города, высокой насыпью батареи, могущей намъ служитъ траверзомъ.

Мы потребовали въ мѣстномъ ресторанѣ рыбы, овощей и хлѣба, т. е. всего того, чего мы были лишены съ тѣхъ поръ, какъ переправились черезъ Дунай. Одно только мясо, безъ приправы, намъ такъ пріѣлось, что самое неаппетитное кушанье казалось предпочтительнѣе. Вечеръ былъ проведенъ съ консулами въ café concert, настолько не казистомъ, что не удовлетворялъ даже казачьихъ офицеровъ на походѣ.

На другой день казаки смѣнили англичанъ въ караулѣ и на постахъ заведенъ былъ порядокъ охранительной службы. Графъ ввелъ въ городѣ гражданское управленіе: капитанъ Милютинъ, ротмистръ Бушенъ и я составили его штабъ и канцелярію по гражданской части. Германскій консуль Роль, представитель державы, покровительствующей русскимъ подданнымъ въ Турціи, предложилъ намъ свои услуги. Въ его сопровожденіи мы сдѣлали визиты всѣмъ консуламъ въ отвѣтъ на встрѣчу и любезный пріемъ вчерашняго дня. Французскій консулъ Сенакъ и

Занятіе Кюстенджи.

англійскій полковникъ Занкей, командовавшій въ Крымскую войну башибузуками, намъ пришлись болѣе другихъ по сердцу.

Въ Кюстенджи, въ первые дни нашего прибытія, цѣны на продукты стояли баснословно дешевыя, а бумажный рубль, изъ преданности и сочувствія къ русскимъ, принимался за 4 франка, хотя дѣйствительный курсъ былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ. Не смотря на смутное время, переживаемое городомъ, магазины и лавки торгуютъ по прежнему, рестораны и кофейни открыты, морскія купальни содержатся въ большомъ порядкѣ.

Вечеромъ мы отправились на англійскій пароходъ „Rapid", гдѣ насъ встрѣтили съ военными почестями капитанъ судна, лордъ Дрюмондъ, и офицеры. Осмотрѣвъ пароходъ, показавшійся мнѣ менѣе изящно содержимымъ, чѣмъ русскія военныя суда, мы спустились въ каютъ-кампанію, гдѣ ожидали насъ s. and b., т. е. soda and brandy, содовая вода съ коньякомъ и шампанское. Я замѣтилъ, что капитанъ не послѣдовалъ за нами, и показался опять только тогда, когда мы вышли на палубу; онъ пригласилъ насъ обѣдать на слѣдующій день въ 7 час. вечера. Занкей сказалъ намъ, что Дрюмондъ въ ссорѣ со своими офицерами и они, пользуясь тѣмъ, что по англійскимъ судовымъ правиламъ командиръ можетъ входить въ каютъ-кампанію только по приглашенію, никогда его у себя не принимаютъ. Исключенія не было сдѣлано даже при нашемъ посѣщеніи.

Кавассъ Роля сопровождалъ насъ до бивака, замѣняя своимъ фонаремъ отсутствующее въ городѣ освѣщеніе.

Кромѣ насъ были приглашены обѣдать на „Rapid" Сенакъ, Роль и старшій лейтенантъ парохода, Стаффордъ. Столъ былъ накрытъ на ютѣ, отдѣленномъ отъ шканцевъ красной драпировкой. Многочисленная прислуга въ ливрейныхъ фракахъ, въ чулкахъ и башмакахъ, заботилась о наполненіи стакановъ. Обѣдъ длился чрезвычайно долго и былъ изящно сервированъ. Между прочими гастрономическими рѣдкостями подавался индѣйскій кёрей, обжигавшій намъ съ непривычки рты. Сухое шампанское разливалось съ самаго начала обѣда, другія вина въ графинахъ, кружкахъ и крюшонахъ стояли на столѣ между цвѣтами и дессертомъ.

Дрюмондъ держалъ себя чопорно, чинно, на его концѣ стола, гдѣ сидѣли графъ, флигель-адъютантъ Милютинъ и ротмистръ Бушенъ, разговоръ не выходилъ изъ предѣловъ церемоннаго обмѣна любезностей и общихъ мѣстъ, за то у насъ оживленіе и веселый смѣхъ дошелъ до того, что даже Стаффордъ началъ улыбаться; мои товарищи съ завистью поглядывали въ нашу сторону и охотно бы къ намъ примкнули, если бы этикетъ не заставлялъ ихъ слушать съ показнымъ вниманіемъ натянутыя и скучныя рѣчи хозяина. Лакей внесъ на подносѣ бутылку краснаго бордо и маленькія рюмки; Butla (буфетчикъ) осторожно, даже благоговѣйно разливалъ вино въ рюмки и ставилъ передъ каждымъ приборомъ; тогда Дрюмондъ всталъ и сказалъ, что по древнему обычаю въ Англіи первый тостъ долженъ быть выпитъ за здоровье королевы Викторіи. Онъ произнесъ въ полъ голоса „The Queen“, и мы выпили бордо, прокричавъ „hip, hip, hurra!“ Рюмки были отобраны и подано опять шампанское, тогда только Дрюмондъ провозгласилъ тостъ за здоровье нашего Государя. За этимъ тостомъ послѣдовали другіе безъ конца. Поздно вечеромъ вернулись мы на бивакъ.

Командиръ полка нашелъ, что, въ случаѣ бомбардированія съ моря Кюстенджи, нашъ бивакъ былъ мало защищенъ, а потому, съ согласія графа, перевелъ полкъ въ покинутое жителями село Анадолкіой, въ полутора верстахъ отъ города.

Графъ и Милютинъ поселились въ чистенькомъ домикѣ съ нѣкоторымъ подобіемъ сада среди двора, а полковникъ и мы всѣ офицеры, какъ всегда, расположились въ палаткахъ, рядомъ съ своими частями, стоявшими бивакомъ въ полковой сотенной колоннѣ.

Вечеромъ прибыли, по нашему приглашенію, губернаторъ Добруджи, Бѣлоцерковецъ, желѣзнодорожный инженеръ англичанинъ Роффъ и консулы. „Rapid“ ушелъ въ этотъ же вечеръ, получивъ какое то таинственное назначеніе, а потому ни моряки, ни Занкей, ушедшій тоже съ ними, не могли принять нашего приглашенія.

Зажжены костры, грянули пѣсенники, началась пляска; иностранцы приглядывались ко всему съ большимъ любо-

Обѣдъ на шлюпѣ „Rapid“.

пытствомъ. Цѣлый день погода стояла ясная, было тихо, но немного душно, какъ вдругъ налетѣлъ ураганъ съ проливнымъ дождемъ; въ ту же минуту стоявшіе неподалеку два стога сѣна запылали отъ искры, занесенной вѣтромъ изъ костровъ. Пѣсенники и команда, прибывшая отъ полка, побѣжали тушить пожаръ, а мы укрылись отъ дождя въ домѣ графа. Хотя въ комнатахъ было тѣсно и душно, но угощеніе развязало языки и заставило позабыть о неудобствахъ нашего помѣщенія. Впрочемъ, скоро опять прояснѣло и мы вышли на широкую террасу передъ домомъ. Неудачно начатый вечеръ кончился очень весело; было довольно поздно, когда гостей развезли въ офицерскихъ фурахъ, подъ конвоемъ казаковъ.

На другой день въ квартирѣ у Роля консулы дали намъ оффиціальный обѣдъ, на которомъ мы изъ разсказовъ нашихъ хозяевъ ближе познакомились съ нравами и обычаями мѣстнаго народонаселенія: христіанъ и мусульманъ, и ихъ взаимными отношеніями. О туркахъ всѣ отзывались съ похвалами, цѣня ихъ честность, трудолюбіе и воздержанность; не обладая промысловыми и торговыми способностями болгаръ, они бѣднѣе послѣднихъ и ими эксплоатировались.

Татары раздѣлялись на крымскихъ переселенцевъ, живущихъ въ мирѣ со всѣми, и на кабаидовъ—жестокихъ фанатиковъ, легко возбуждаемыхъ противъ преобладающаго сословія болгаръ. Черкесы жили чрезвычайно бѣдно въ своихъ аулахъ, промышляя изрѣдка разбоемъ, причемъ не щадили и своихъ единовѣрцевъ, болгаръ однако грабили чаще потому, что они не оказывали сопротивленія. Угнетеніе турками христіанъ представлялось не какъ хроническое состояніе, а какъ случайное явленіе, вызванное исключительно экономическими причинами, а вовсе не религіознымъ фанатизмомъ, что видно изъ того, что съ некрасовцами переселенцами не только турки и татары, но и черкесы жили въ ладу.

Консулы передали намъ, что депутація англичанъ, встрѣченная нами въ Мурфатларѣ, представлялась корпусному командиру въ Меджидіе, а оттуда, съ его разрѣшенія, проѣхала въ Черноводы, тамъ она была остановлена и выдержана около

часу подъ арестомъ начальникомъ отряда, полковникомъ Раевскимъ, и препровождена обратно въ Меджидіе. Англичане были возмущены этимъ поступкомъ и жаловались генералу Циммерману. „Было совершенно правильно съ вашей стороны", - говорили они намъ, — „что вы остановили поѣздъ, шедшій изъ города, занятаго еще, какъ вы думали, турками, но почему же русскій полковникъ позволилъ себѣ арестовать мирныхъ гражданъ, какъ шпіоновъ, зная, что они слѣдуютъ по дорогѣ, на всемъ протяженіи которой стоятъ русскія войска".

Мы пользовались съ наслажденіемъ морскими купаньями, которыми надѣлила насъ судьба. Жизнь проходила мирно, покойно, какъ дома въ гарнизонѣ; я часто посѣщалъ инженера Роффа, съ которымъ подружился, не смотря на то, что онъ слылъ ярымъ руссофобомъ, — мы другъ другу своихъ мнѣній не навязывали и, вообще, о политикѣ избѣгали говорить. Штабъ 14-го корпуса перемѣстился въ Черноводы вслѣдствіе появившихся болѣзней въ войскахъ, расположенныхъ у болотистой мѣстности около Меджидіе. Милютинъ, ѣздившій по желѣзной дорогѣ къ корпусному командиру для донесенія о занятіи г. Кюстенджи, получилъ приказаніе вступить въ командованіе отрядомъ въ составѣ трехъ сотенъ и двухъ орудій, для занятія города Мангаліи и водворенія въ немъ гражданскаго управленія, такъ какъ его присоединили къ Добруджскому губернаторству. Выступленіе назначено было на завтра.

Вечеромъ пришелъ съ юга „Rapid" и мы отправились на молъ узнать, не привезъ ли онъ новостей изъ Варны, предполагая, что тамъ онъ провелъ всѣ эти четыре дня. Занкей, котораго мы встрѣтили на набережной, сообщилъ намъ, что „Rapid" ходилъ по его требованію въ Дузанъ-Куланъ для того, чтобы подать помощь болгарамъ окрестностей Каварны, сильно пострадавшимъ отъ нападенія кабаидовъ, башибузуковъ и черкесовъ: они насиловали женщинъ и дѣтей, потомъ запирали въ церкви, которыя поджигали, оказавшихъ хотя малѣйшее сопротивленіе умерщвляли послѣ самыхъ невѣроятныхъ истязаній. Занкей говорилъ, что съ моря видны были горѣвшія селенія; видно было, какъ жители, спасаясь отъ безчестія и

смерти, бросались въ море, стараясь доплыть до парохода. Но Дрюмондъ сообразилъ вѣроятно, что, принимая участіе въ спасеніи болгаръ, онъ былъ бы вынужденъ признать, что угнетеніе христіанскаго населенія мусульманскимъ не вымыселъ, какъ полагало англійское правительство, а дѣйствительность, поэтому, не смотря на всѣ протесты Занкея и офицеровъ парохода, онъ приказалъ повернуть и идти обратно въ Кюстенджи, дѣлая видъ, что не замѣчалъ ничего необыкновеннаго на берегу.

Вечеромъ французскій консулъ Сенакъ представилъ графу Орлову-Денисову своего соотечественника капуцина, бывшаго свидѣтелемъ звѣрства мусульманъ въ Каварнѣ, и умолялъ его выслать отрядъ для защиты несчастныхъ болгаръ. Графъ имъ передалъ, что уже назначенъ отрядъ для занятія Мангаліи, который несомнѣнно окажетъ всякую помощь жителямъ окрестныхъ деревень, но что онъ не можетъ пройти далѣе до Каварны безъ особаго приказанія командира корпуса. Сенакъ и Занкей изъявили желаніе идти съ нами, чтобы лично убѣдиться и засвидѣтельствовать передъ своими правительствами о жестокостяхъ турецкаго населенія.

11-го іюля въ 6 часовъ утра отрядъ, состоявшій изъ 1-й, 2-й и 3-й сотенъ со взводомъ № 4 батареи выступилъ въ Мангалію подъ командою капитана Милютина. Бѣлоцерковецъ, Сенакъ и Занкей насъ сопровождали верхомъ.

Въ Муссуратѣ мы остановились на ночлегъ, занявъ боевую позицію; я проѣхалъ далѣе съ частью 1-й сотни для расположенія аванпостовъ. Подъѣзжая къ с. Урлыкіой у озера Тузла (соленое озеро), мы увидѣли каруцу, наполненную людьми, гнавшими лошадей во всю мочь, что показалось подозрительнымъ, и я поскакалъ за ними, приказывая остановиться, но они продолжали стегать лошадей еще сильнѣе и тогда только исполнили мое требованіе, когда я съ трубачемъ заскакали имъ на перерѣзъ. Въ каруцѣ сидѣло 12 человѣкъ болгаръ, всѣ были вооружены кремневыми ружьями, пистолетами и ятаганами; они сказали, что ѣдутъ на защиту своихъ собратій въ Каварну и ранѣе не остановились потому только, что не

понимали, что отъ нихъ требовалось; я не рѣшился ихъ задержать, хотя отвѣты ихъ казались неправдоподобными.

Разставивъ аванпосты, я вернулся въ Муссуратъ. Наступила ночь, отрядъ уже собирался отдыхать, какъ вдругъ на горизонтѣ, за цѣпью нашихъ сторожевыхъ постовъ, засвѣтилась яркая точка, быстро увеличиваясь въ своемъ объемѣ, и часть небосклона окрасилась въ красное зарево; немного далѣе появилось то же явленіе, далѣе еще и еще —то запылали пожары,— горѣли впереди болгарскія и татарскія села; тамъ вѣрно расположился непріятель.

Для разслѣдованія причинъ этихъ пожаровъ немедленно былъ отряженъ взводъ подъ командою офицера; остальные люди отряда тоже готовились сѣсть на коней, еслибы того потребовали бы обстоятельства. Черезъ два часа разъѣздъ вернулся съ донесеніемъ, что горѣли мирныя татарскія и болгарскія села, подожженныя партіей вооруженныхъ болгаръ, вѣроятно тѣхъ, которыхъ я встрѣтилъ на дорогѣ и слишкомъ опрометчиво выпустилъ изъ рукъ.

Мы выступили на разсвѣтѣ. Занкей, страдавшій астмой, сильно занемогъ и вернулся въ Кюстенджи. Около с. Первелы дежурная 3-я сотня настигла мародеровъ, которые говорили мнѣ, что ѣдутъ въ Каварну, тогда какъ, по показаніямъ жителей, они грабили и жгли окружныя деревни.

Бѣлоцерковецъ приказалъ начальнику этой шайки дать 50 плетей для примѣра и назиданія другимъ. Наказаніе было наложено въ присутствіи жителей с. Первелы, болгаръ и татаръ, причемъ послѣднимъ было сказано, что мы, русскіе, относимся ко всѣмъ безпристрастно и не только не обижаемъ магометанскаго мирнаго населенія, но и будемъ охранять его отъ всякаго насилія наравнѣ съ христіанами.

Далѣе, разъѣзды дали знать, что замѣченъ идущій на встрѣчу отрядъ конницы. Мы подтянулись къ своимъ рысью, но это оказалось фальшивой тревогой: гнали гуртъ быковъ въ Меджидіе для продовольствія войскъ. На наши разспросы о непріятелѣ гуртовщики болгаре отвѣчали, что турки отошли къ Варнѣ и къ Базарджику сегодня утромъ.

За полдень мы выступили въ г. Мангалію. Дома были раззорены, лавки разграблены, жители бѣжали. Когда стало извѣстнымъ, что наступали русскіе, то многіе вернулись въ городъ обратно; между ними было нѣсколько человѣкъ, бѣжавшихъ изъ Каварны, и всѣ они были изранены. Полковой врачъ Сергѣевъ приступилъ къ ихъ перевязкѣ. Рѣшился ли бы Дрюмондъ отвергать истязанія, перетерпѣваемыя болгарами, при видѣ ужасныхъ пораненій, представившихся нашимъ глазамъ.

Первою перевязывали дѣвочку, у которой были прострѣлены половые органы, край раны опаленъ выстрѣломъ въ упоръ; ее смѣнилъ благообразный старикъ, онъ протянулъ доктору руку съ отрубленными пальцами, потомъ подставилъ къ осмотру плечи и спину, исполосованныя ударами ятагана, и наконецъ, просилъ размотать повязанный подъ шапкою платокъ. На головѣ зіяла глубокая рана, края которой разступались на палецъ, черепъ былъ разсѣченъ ятаганомъ вершка на четыре въ длину, при дыханіи было замѣтно колебаніе мозговой оболочки. Старикъ выдержалъ перевязку, не моргнувъ, и поблагодаривъ насъ, пошелъ скорымъ шагомъ назадъ въ Каварну, чтобы узнать какой участи подверглась его семья, не успѣвшая во время бѣжать. Остальные носили такіе же слѣды жестокой турецкой расправы.

Въ прошлую ночь одинъ изъ казаковъ, стоявшихъ на сторожевомъ посту, задремалъ на сѣдлѣ; внезапно разбуженный топотомъ приближающагося разъѣзда, онъ, не сдѣлавъ оклика, выстрѣлилъ, принявъ своихъ за непріятеля, но къ счастью ни въ кого не попалъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы указать казакамъ, какъ важно исполненіе обязанностей службы на сторожевыхъ постахъ, даже когда не угрожаетъ опасность отъ непріятеля.

Мы стали бивакомъ впереди города, лѣвымъ флангомъ къ морю. Противъ насъ въ возвышенныхъ излучистыхъ берегахъ лежало большое живописное озеро, съ прекрасной прѣсной водой. На западномъ берегу вливался въ него сѣрный источникъ, надъ которымъ построенъ двухъэтажный деревянный домъ, для пользующихся сѣрными ваннами. Черкесы его также не пощадили: полъ надъ источникомъ былъ раззоренъ, тюфяки и

подушки —необходимая принадлежность бань и купаленъ на востокѣ, были порваны и разбросаны, самый источникъ засоренъ пухомъ и разными обломками. Съ помощью казаковъ мы наскоро исправили и очистили купальни, такъ какъ намѣрены были ими пользоваться,—мягкая вода этого источника необыкновенно освѣжала и укрѣпляло тѣло.

Недалеко отъ купальни прислонился къ каменному утесу хорошенькій домъ съ садомъ, вилла бывшаго губернатора Мангаліи.

Мангалія.

Озеро славилось обиліемъ рыбы; наши донцы справили уже рыболовныя снасти изъ телеграфной проволоки и распутанныхъ фуражирокъ, нашли завѣтныя мѣста и рыбачили съ полнымъ успѣхомъ. Особенно умѣніемъ или счастіемъ отличался мой фаворитъ, трубачъ Жуковъ.

Когда, возвращаясь назадъ, мы поднялись на возвышенность, съ которой былъ виденъ бивакъ, насъ поразило неожиданное зрѣлище: вмѣсто нашего маленькаго отряда, занимавшаго по фронту не болѣе ста шаговъ, бивакъ раскинулся вправо еще

на четверть версты, а въ промежуткѣ между разбитыми коновязями, кромѣ нашихъ двухъ орудій, стояла четырехъ-орудійная батарея. Придя на мѣсто, мы узнали, что командиръ корпуса, получивъ извѣстіе о наступательномъ движеніи турокъ, выслалъ 16-й казачій полкъ и дивизіонъ Донской казачьей батареи, подъ командой генерала Адріанова, для поддержки насъ при отступленіи изъ Мангаліи.

Вечеромъ капитанъ Милютинъ и Бѣлоцерковецъ съ разъѣздомъ отъ второй сотни провѣряли сторожевые посты. По возвращеніи они застали ожидающаго ихъ съ нетерпѣніемъ генерала Адріанова: ему только что сообщилъ корпусный штабъ, что, по словамъ лазутчиковъ, пятнадцать тысячъ турокъ занимало Базарджикъ, а непріятельская кавалерія направлена на встрѣчу нашего отряда въ Мангалію.

Ложась спать, я нашелъ въ постели два большущихъ скорпіона, вслѣдствіе чего, должно быть, и во снѣ мнѣ грезились всевозможныя чудовища, а когда вдругъ я былъ разбуженъ метавшимся надо мной съ визгомъ какимъ то большимъ звѣремъ, то я съ просонья вскочилъ, какъ шальной, забывъ, что палатка натянута низко надъ головой, и поднялся, вырвавъ всѣ колышки изъ земли. Раздался смѣхъ Милютина, который помогъ мнѣ высвободиться изъ подъ палатки. Объяснилось, что во время отсутствія Милютина, какая то бродячая собака расположилась въ нашей общей палаткѣ на его постели и только нагайкой удалось ее оттуда прогнать.

Утромъ отрядъ генерала Адріанова ушелъ обратно въ Меджидіе, не дождавшись окончательнаго введенія гражданскаго управленія въ Мангаліи. Бѣлоцерковецъ и Сенакъ тоже вернулись домой, подъ предлогомъ неотложныхъ дѣлъ.

Болгаре, бѣжавшіе изъ окрестностей Каварны, дали знать, что турки въ большихъ массахъ идутъ на Мангалію и должны быть теперь близко. Батарея выѣхала на позицію: одно орудіе направлено на узкую дорогу, пролегающую между моремъ и озеромъ, другое — на дорогу въ Базарджикъ. Сотни посѣдлали коней и стали въ готовности къ бою. Вьюки ожидали приказаній. Однако разъѣзды, высланные верстъ на пять впередъ и

въ сторону, донесли, что нигдѣ непріятель не былъ замѣченъ. Лошадей разсѣдлали и развьючили, и мы снова расположились бивакомъ, но не на прежнемъ мѣстѣ, а на позиціи, избранной для боя, представлявшей хорошій обстрѣлъ во всѣ стороны и прикрывавшей нашъ путь отступленія. 14-го іюля на разсвѣтѣ мы выступили обратно береговой дорогой. Въ двадцати пяти верстахъ отъ Кюстенджи, въ с. Ассы-Дерлюкъ, оставленъ взводъ, который долженъ былъ служить заставой, выставленной отъ Кюстенджійскаго отряда для наблюденія за непріятелемъ.

Кюстенджи былъ неузнаваемъ: на берегу моря возвышалась свѣжая насыпь и за нею сторожила девятифунтовая батарея; дальше, между Анадолкіой и городомъ, протянулся рядъ бѣлыхъ палатокъ пѣхотнаго лагеря, съ караулами у знаменъ и съ обычнымъ оживленіемъ на передней линейкѣ. Передъ нами былъ Бѣлевскій полкъ. Начальникъ дивизіи и командиръ бригады, прибывшіе съ полкомъ, поселились въ городѣ и приняли бразды правленія; наши добрыя отношенія съ консулами и жителями охладились; введенъ строгій порядокъ, многихъ подозрѣвали въ шпіонствѣ, цѣны возвысились втрое, курсъ бумажнаго рубля понизился, начали появляться пожары, были жалобы на воровство и грабежъ и, какъ водится, начальство, по примѣру прежнихъ лѣтъ, обвиняло въ этомъ казаковъ, не смотря на то, что, по заявленію консуловъ и членовъ муниципалитета — казаки вели себя примѣрно и до прибытія пѣхоты никакихъ безпорядковъ и насилій не было. Начальникъ дивизіи, вступая въ командованіе кюстенджійскимъ отрядомъ, подчинилъ себѣ нашъ полкъ и № 4 батарею.

По случаю дня рожденія командира нашей батареи, Персіанова, казачье начальство и офицеры приглашены къ нему на кулебяку. Столы накрыты впереди офицерскихъ палатокъ. Послѣ обѣда пѣсенники смолкли и разступились; образовалась свободная площадка, на которую вступили четыре ряженныхъ казака; одинъ изъ нихъ, молодой, безусый, почти мальчикъ, нарядился дѣвушкой, другіе въ фантастическихъ костюмахъ изображали традиціонныхъ дѣйствующихъ лицъ казачьей „камеди“: атамана, эсаула и шута. Сюжетъ былъ мало понятенъ,

хотя и было объяснено зрителямъ, что дѣйствіе происходитъ во время пугачевщины; тѣмъ не менѣе игра была, дѣйствительно, забавна: актеры, въ особенности шутъ, перекидывались остротами и прибаутками, выраженіями самаго живого народнаго юмора; дѣвица кокетничала въ высшей степени комично. „Камедь“ окончилась пляской подъ веселую игру пѣсенниковъ. Послѣ танцевъ началась борьба и разныя игры: особенно всѣхъ увлекла игра въ „муху“: два казака становились другъ противъ друга, одинъ закрывалъ руками лицо, изображая муху и подражалъ ея жужжанію; онъ старался ударить товарища по носу, противникъ отстранялся и самъ билъ его по щекѣ, когда „муха“ открывала лицо, чтобы нанести ударъ. Зрители и даже участники находили это очень забавнымъ. Такъ кончился праздникъ.

Некрасовцы, знавшіе еще въ Россіи славное на Дону имя графа Орлова-Денисова, прослышавъ, что Кюстенджи занято начальникомъ этой фамиліи, отправили къ нему ихъ Тульчи депутацію для поздравленія съ завоеваніемъ края и предложенія цѣнимыхъ донцами подарковъ: осетровъ, балыковъ и зернистой икры. Некрасовцы остались очень довольны пріемомъ графа и вернулись къ себѣ тоже не съ пустыми руками.

17-го іюля показались на горизонтѣ броненосецъ и пароходъ, на которомъ былъ поднятъ турецкій адмиральскій флагъ. Это происшествіе произвело страшное смятеніе въ городѣ. Толпа народа и всѣ офицеры собрались у девятифунтовой батареи № 1, возведенной на высотѣ по дорогѣ въ Мангалію, сюда же явился и начальникъ отряда и приказалъ открыть огонь по непріятелю. Командиръ батареи доложилъ ему, что разстояніе до судовъ такъ велико, что снаряды не могли бы долетѣть до нихъ; графъ тоже замѣтилъ, что наши выстрѣлы не сдѣлали бы противнику никакого вреда, но обнаружили бы только присутствіе нашей батареи и слабый калибръ орудій. Генералъ, однако, приказалъ стрѣлять. При наиболшемъ углѣ возвышенія даны были четыре выстрѣла, но снаряды, какъ и слѣдовало ожидать, падали въ двухъ верстахъ отъ судовъ. Броненосецъ не отвѣчалъ.

Жители собрались большой толпой у батареи, возлагая, должно быть, на нее всѣ свои надежды, но видя напрасныя попытки нашей артиллеріи, всѣ разбѣжались по домамъ, чтобы скорѣе уложить свои пожитки и убираться изъ города, котораго мы, по ихъ мнѣнію, защитить были не въ силахъ.

Появленіе непріятельскихъ судовъ подтверждало слухъ, что турки, въ числѣ девяти тысячъ, заняли уже Мангалію и шли на Кюстенджи, который собирались атаковать одновременно съ моря и съ суши.

Въ 6 часовъ утра мы были разбужены пушечными выстрѣлами; одна бомба ударилась возлѣ бивака и перелетѣла рикошетомъ черезъ наши головы. Другая, третья и четвертая слѣдовали по тому же направленію и ложились дальше на косогорѣ. При пролетѣ громадныхъ снарядовъ, издающихъ какое то унылое завываніе, лошади съ испуга чуть не сорвались съ коновязей. Командиръ полка счелъ не безопаснымъ оставаться на этомъ мѣстѣ и перевелъ полкъ дальше.

Съ разрѣшенія полковника я поѣхалъ на батареи №№ 3-й и 4-й, расположенныя на сѣверо-востокъ отъ города. Тамъ все начальство было въ сборѣ. Генералъ Циммерманъ, извѣщенный телеграммой о появленіи турецкихъ судовъ, прислалъ къ намъ флигель-адъютанта Раевскаго.

Мнѣ передали, что турецкія суда стояли до утра далеко въ морѣ, но, примѣтивъ фелуку, шедшую вдоль берега изъ Сулина въ Кюстенджи, направились ей на перерѣзъ на всѣхъ парахъ. Захватить ее имъ, однако, не удалось—фелука благополучно пристала у Кюстенджи, за то турки, увлекшись преслѣдованіемъ, подошли такъ близко къ батареѣ, еще сохранившей инкогнито, что ей представилась возможность открыть огонь. Броненосецъ отвѣтилъ, и тогда то его бомбы, перелетая черезъ батарею, падали ниже, противъ бивака казачьяго полка. Послѣ одного изъ нашихъ выстрѣловъ на пароходѣ стало замѣтно замѣшательство; пустивъ въ городъ два снаряда, какъ бы въ отместку, онъ былъ взятъ на буксиръ броненосцемъ и оба поспѣшно отошли въ море. Мы узнали потомъ, что пароходъ этотъ, на которомъ находился самъ Гобартъ-паша, былъ поврежденъ выстрѣлами нашей батареи.

Бомбардировка Кюстенджи.

И такъ, бомбардированіе Кюстенджи ограничилось четырьмя бомбами, пущенными въ отвѣтъ на вызовъ нашей батареи, и двумя ядрами, брошенными въ городъ; одно изъ нихъ пронизало бакалейную лавку купца-англичанина и перебило только нѣсколько бутылокъ вина.

Во время бомбардированія городъ казался пустымъ, магазины запертыми, много жителей бѣжало. Мы съ трудомъ добились, чтобы намъ дали чего нибудь поѣсть въ „Hôtel de Byzance“.

Возвращаясь въ Анадолкіой, я пошелъ разыскивать турецкія бомбы и нашелъ одну недалеко отъ мѣста нашего послѣдняго бивака. Она стояла головной частью вверхъ и, такъ какъ послѣ двухъ или болѣе ударовъ о землю разрыва не послѣдовало, то я не счелъ нужнымъ вывинчивать ударную трубку. Налегая всѣмъ тѣломъ, мнѣ съ трудомъ удалось опрокинуть бомбу и скатить ее подъ горку, во дворъ графа О. Д. Тамъ, съ помощью деньщика, бывшаго артиллериста, я вывинтилъ трубку прусскаго образца и тогда только замѣтилъ, что чеки, предохраняющей отъ воспламененія капсюлемъ боевого винта, не было, а потому разрывъ снаряда могъ бы послѣдовать отъ малѣйшаго толчка. Опрокинувъ бомбу и высыпавъ изъ нея немного рыжеватаго порошка, мы рѣшили, что не было разрыва оттого, что порохъ былъ подмоченъ. Однако, когда одинъ изъ служителей графа, желая знать, горитъ ли этотъ составъ, поднесъ къ нему зажженный фитиль, то маленькій взрывъ, опалившій ему лицо, убѣдилъ его достаточно, а насъ надоумилъ быть осторожнѣе. Бомба стояла тутъ же рядомъ, наполовину наполненная еще порохомъ. Она имѣла около аршина длины и вѣсила 7 пудовъ 20 фунтовъ.

Вечеромъ привезли изъ Черноводъ, по желѣзной дорогѣ, двѣ 24-фунтовыя пушки. Онѣ были встрѣчены выраженіями радости многочисленной публики и торжественно отвезены на батарею № 1. Генералъ Циммерманъ со штабомъ прибылъ въ томъ же поѣздѣ.

Корпусный командиръ нашелъ, что авангарднаго взвода, выставленнаго въ Ассы-Дерлюкъ, было слишкомъ недоста-

точно, а потому приказалъ нашему полку, оставивъ полсотни въ Анадолкіой при своемъ обозѣ, присоединиться къ своему взводу въ Ассы-Дерлюкъ и выставить сторожевые посты отъ моря до с. Беукларъ, на протяженіи 8 верстъ.

19-го іюля турецкія суда удалились и генералъ Циммерманъ уѣхалъ обратно въ Черноводы. Въ этотъ же день мы пришли въ Ассы-Дерлюкъ и расположились на возвышенной площадкѣ, на югъ отъ селенія. Графъ поселился въ низенькой избушкѣ, покинутой жителями. Лѣвѣе насъ находился большой фруктовый садъ, огороженный канавой, впереди и параллельно нашему фронту тянулся отъ села до деревни глубокій ровъ. Садъ и ровъ могли представлять прекрасныя закрытія при оборонѣ.

Командиръ полка нашелъ, что 2-я сотня, состоящая по большей части изъ казаковъ Раздорской станицы — лихихъ, но безпокойныхъ, вела себя слишкомъ шумно, и передвинулъ ее къ саду, гдѣ поставили свои палатки командиръ и офицеры сотни. Но и тамъ пѣсни не умолкали. Сотникъ Дукмасовъ, большой любитель пѣсенниковъ, предлагалъ мнѣ, взамѣнъ моего запѣвалы, артиста въ своемъ искусствѣ, любого изъ урядниковъ сотни, а урядниками мы очень дорожили. Въ полкахъ второй очереди часто попадались урядники, произведенные временными начальниками за усердное служеніе въ должности деньщика, а урядниковъ, окончившихъ курсъ въ учебной командѣ и знающихъ строевую службу, было очень мало. Командиръ полка ставилъ самъ сторожевые посты, не довѣряя никому этой обязанности, отъ которой зависѣла общая безопасность.

Моя палатка высилась надъ крутымъ обрывомъ. Внизу разбросана деревушка, съ вербами, затѣняющими ручей, со скирдами и стогами во дворахъ; тамъ волы лѣниво шагали подъ неуклюжимъ ярмомъ, а кругомъ разстилалась волнистая зеленая степь. Эта картина напоминала мнѣ родные украинскіе хутора. Впереди двѣ вѣтряныя мельницы часто смущали насъ своей стукотней, поразительно схожей съ отдаленной перестрѣлкой, а далѣе, на горизонтѣ, горбились курганы съ неподвижными точками на вершинахъ, то были часовые сторожевой цѣпи, зорко слѣдившіе за врагомъ.

Вечеромъ казакъ привезъ извѣщеніе корпуснаго командира, что турки, въ числѣ 2,500 человѣкъ пѣхоты, 800 человѣкъ кавалеріи и четырехъ орудій, наступали на Кюстенджи. Изъ приложеннаго письма мы узнали, что тамъ начальство считало нашъ отрядъ въ критическомъ положеніи. Шла даже рѣчь объ отступленіи на Бабадагъ и Мачинъ. Намъ приказано быть бдительными и при появленіи непріятеля немедленно дать знать въ Кюстенджи, куда отступать и самимъ.

Ассы-Дерлюкъ.

Ночь прошла спокойно. Утромъ командиръ полка говорилъ съ казаками въ каждой сотнѣ, давая наставленія на случай столкновенія съ сильнѣйшимъ противникомъ.

Я предложилъ графу Орлову-Денисову произвести рекогносцировку съ полусотней казаковъ, съ цѣлью узнать, гдѣ въ настоящее время расположены турецкія войска; это свѣдѣніе дало бы намъ возможность провѣрить сообщенія лазутчиковъ и судить о намѣреніяхъ противника.

Командиръ полка и Милютинъ поддержали мое предложеніе и, послѣ нѣкотораго колебанія, я получилъ согласіе, но съ

условіемъ вернуться непремѣнно къ вечеру слѣдующаго дня. Это значило, что я болѣе чѣмъ на одинъ переходъ не долженъ былъ удаляться; этого обѣщать я не могъ, такъ какъ нужно было во что бы то ни стало дойти до расположенія непріятеля, чтобы лично собрать о немъ свѣдѣнія.

Ротмистръ Бушенъ отпросился идти со мною. Не медля ни минуты, я выбралъ пятьдесятъ казаковъ моей сотни, включая въ это число вахмистра и урядниковъ, и черезъ часъ, минуя наши аванпосты, вступилъ со своимъ отрядомъ въ мѣстность, гдѣ на каждомъ шагу мы могли встрѣтиться съ противникомъ.

Мы шли полнымъ шагомъ, безъ дорогъ, по стремя въ высокой степной травѣ. Это нетронутое царство разнообразной дичи. Изъ подъ ногъ поднимались тяжелыя дрофы, со свистомъ вырывались стрепета; надъ головами парили хищныя птицы, выжидая вспугнутыхъ нами перепеловъ и жаворонковъ, но вытоптанныя лошадьми проворныя птички тутъ же садились, зная, что опасность грозила только надъ поверхностью скрывающей ихъ растительности. Съ наглостью бросались малые ястреба, какъ кинутые съ неба камни, и, промахнувшись, взвивались опять къ верху порывистымъ движеніемъ крыльевъ. Спасаясь отъ преслѣдованія врага, птички часто залетали между нашими рядами. Взбуженные русаки, брыкнувъ задними ногами, пускались на утекъ, заложивъ уши за спину. А на курганахъ, какъ часовые, сидѣли голые грифы.

Изъ Ассы-Дерлюкъ мы выступили въ полдень, по береговой дорогѣ, направляясь къ Балчику. Въ Курлыкіой я оставилъ пять казаковъ для смѣны летучки (конной почты).

За с. Первелы, на вершинѣ холма показалось нѣсколько всадниковъ, — вѣроятно, разъѣздъ черкесовъ. Пользуясь водомойней, я, съ небольшимъ разъѣздомъ, рысью поѣхалъ „съѣзжать“ непріятеля, какъ въ Россіи съѣзжалъ на псовой охотѣ мышкующую лису. Когда мы выбрались на бугоръ, тамъ не было никого, только вдали по дорогѣ не улеглась еще пыль отъ скрывшихся лошадей.

Когда стемнѣло, мы подошли къ с. Аджеларъ, впереди котораго расположились на ночлегъ. Двумъ небольшимъ разъ-

ѣздамъ приказано объѣхать все пространство, верстъ на пять кругомъ; бригадному командиру отправлено донесеніе; нужно было подумать объ ужинѣ. Въ татарскомъ селѣ фуража и овецъ было довольно, чтобы прокормить даже цѣлый полкъ, но жители далеко не охотно дѣлились своимъ добромъ. Сотенные артельщики говорили потомъ: „дорого заплатили, ваше высокоблагородіе, насилу выторговали двухъ барановъ за цѣлковый, да и то только потому, что насъ было шесть душъ!“

Мы прошли сорокъ верстъ; завтра намъ предстояло, можетъ быть, гораздо больше, я берегъ силы моего маленькаго отряда и потому выставилъ только 4 поста: два конныхъ, подальше, въ лощинахъ, удобныхъ для скрытаго движенія непріятеля, и два пѣшихъ у бивака; эти послѣдніе ночью не успѣвали отгонять голодныхъ псовъ, которые, пробираясь между спавшими, таскали у нихъ хлѣбъ и мясо, оставленные отъ ужина на завтрашній день. Вотъ завыла одна собака, ей отвѣтили вдали, подхватили въ разныхъ концахъ другія и вдругъ застонало все вокругъ отъ воя сотенъ собакъ. Тяжелое впечатлѣніе производили эти жалобные звуки и невольно напоминали о значеніи народнаго повѣрья.

Я часто просыпался и глядѣлъ на часы, чтобы во время поднять свой отрядъ. Въ три часа утра я приказалъ часовымъ будить людей.

Пала сильная роса, было такъ холодно, что зубъ на зубъ не попадалъ. Пока поили лошадей и подвѣшивали имъ торбы съ ячменемъ, мы отогрѣвались немного у костра.

Въ Аджеларѣ намъ передали, что турки разграбили Мангалію и отошли къ югу.

Для очищенія совѣсти я предложилъ ротмистру Бушену съ 20 казаками обрекогносцировать этотъ городъ, а самъ направился прямикомъ къ с. Хаджларъ, на пути изъ Мангаліи въ Базарджикъ. Этимъ маневромъ я думалъ отрѣзать путь отступленія тѣмъ отсталымъ мародерамъ, которыхъ Бушенъ своимъ появленіемъ могъ погнать изъ города.

До сихъ поръ мы странствовали по мѣстности знакомой, но теперь намъ приходилось вступить въ невѣдомый край.

Австрійская карта, которую мы предпочитали Артамоновской, показывала на этомъ пространствѣ многочисленные кружки съ окончаніями названій на „кіой“, на „ларъ“ или „лыкъ“; теперь это были пустынныя села и деревни, не только не оживлявшія мѣстности, но придававшія ей видъ отжившаго, вымершаго царства.

Въ Хаджларѣ присоединился къ намъ Бушенъ, найдя въ Мангаліи только четыре человѣка жителей; остальные бѣжали или были перерѣзаны черкесами. Дурную услугу оказали мы имъ введеніемъ гражданскаго управленія,

Греки, оставшіеся въ живыхъ въ Мангаліи, сообщили Бушену, что 700 черкесовъ и 4 орудія стоятъ на бивакѣ между Каварной и Балчикомъ, а главныя силы расположены у Базарджика.

Всѣ окружныя деревни пусты, но живности въ нихъ оставалось порядочно. Казаки, по прибытіи въ Хаджларъ, устроили, съ моего разрѣшенія, охоту на домашнихъ гусей, утокъ и индѣекъ. Живо зарумянились у костровъ шашлыки; мы наскоро закусили и двинулись по дорогѣ въ Хаджи-Оглу-Базарджикъ. Шесть казаковъ при урядникѣ шли верстахъ въ двухъ лѣвѣе, прикрывая наши движенія со стороны Каварны.

Дорога и прилегающая трава сохраняли отпечатки свѣжихъ слѣдовъ многочисленнаго стада крупнаго и мелкаго скота, прошедшаго, вѣроятно, не задолго до насъ. Мы настигли его послѣ двухъ часовъ марша. Десятка два всадниковъ гнали на югъ нѣсколько тысячъ быковъ и овецъ; при нашемъ появленіи всадники бросились бѣжать, а мы пустились за ними въ погоню. Версты три длилась эта скачка, разстояніе между нами все болѣе сокращалось и мы думали вотъ-вотъ ихъ настигнуть, когда вдругъ они скрылись, словно провалились сквозь землю. Дорога здѣсь круто спускалась въ лощину, на днѣ которой пріютилось село, оживленное рѣдкими въ этой мѣстности деревьями.

Эти всадники были башибузуки; они исчезали уже за первыми постройками. Казаки обскакали и оцѣпили деревню, а я спустился съ Бушеномъ на площадь, гдѣ волновалась толпа

народа, болгаръ, турокъ и татаръ; стояло десятка три запряженныхъ арбъ и сбивалось въ кучу большое стадо овецъ.

Раздалась то тамъ, то сямъ рѣдкая перестрѣлка, и скоро приведены ко мнѣ нѣсколько плѣнныхъ башибузуковъ, которые пытались прорваться сквозь нашу цѣпь. Между ними былъ старикъ лѣтъ подъ сто, разрядившій по нашимъ во время преслѣдованія свою винтовку и два пистолета; онъ обратился къ толпѣ, указывая на насъ сверкающими отъ злобы глазами, уговаривая ихъ, вѣроятно, расправиться немедля съ дерзкими гяурами. Я заставилъ его молчать, наведя на него дуло револьвера. Большею частью окружавшіе насъ жители были одѣты какъ башибузуки, но ихъ широкіе пояса, за которыми обыкновенно носится оружіе — были пусты; если бы не стояли тутъ же на привязи около сорока засѣдланныхъ коней, мы могли бы думать, что имѣемъ дѣло только съ мирными жителями. Я зналъ, что отсутствующіе за поясами ятаганы и пистолеты попрятаны не далеко, но искать ихъ не счелъ нужнымъ, такъ какъ забрать это оружіе съ собой было бы обременительно, а уличить жителей въ томъ, что они скрыли башибузуковъ, было безцѣльно, такъ какъ мы не имѣли возможности ихъ за то покарать; отдѣлять же большой караулъ для отвода многочисленныхъ плѣнныхъ я не могъ, а перестрѣлять безоружныхъ никто изъ насъ не согласился бы.

Обозъ принадлежалъ крымскимъ татарамъ, переселявшимся изъ сѣверной Добруджи. Нѣкоторые изъ нихъ порядочно говорили по русски. Отъ нихъ я узналъ, что мы находимся въ с. Сулеманлыкъ. Пока я наводилъ справки о непріятелѣ, мой вахмистръ Быкадаровъ успѣлъ съѣздить на сосѣдній холмъ и вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, онъ отозвалъ меня въ сторону и передалъ, что съ вершины видны маячившіе *) турецкіе аванпосты. Не показывая вида, что сообщеніе вахмистра имѣло какую либо важность, я обратился опять съ распросами къ татарамъ, а потомъ медленно отъѣхалъ и напра-

*) Конные часовые даютъ знать другъ другу, что показался непріятель, дѣлая вольты разными аллюрами или зажиганіемъ соломы, подвязанной на шестахъ — это называется „маячить“.

вился стороной къ холму. Обширная степь открылась передо мною, верстахъ въ двухъ стояли аванпосты, растянутые вправо и влѣво на значительное разстояніе, всадники собрались по три и по четыре на вершинахъ кургановъ; вдали видны были свѣтлыя пятна палатокъ большихъ лагерей. Горѣвшіе маяки и необычайное движеніе на сторожевыхъ постахъ доказывали, что наше присутствіе обнаружено: въ двухъ мѣстахъ по дорогамъ показалась пыль двигающейся кавалеріи. Я обозначилъ на картѣ расположеніе аванпостовъ и биваковъ и поспѣшилъ вернуться къ своимъ, чтобы принять мѣры къ отступленію. Положеніе моего отряда становилось довольно затруднительнымъ: до ближайшей поддержки — въ Ассы-Дерлюкѣ, не менѣе семидесяти верстъ, лошади, утомленныя длиннымъ переходомъ и продолжительной погоней за башибузуками, ни въ какомъ случаѣ не могли бы уйти отъ преслѣдованія, вступать же въ неравный бой при такихъ условіяхъ было немыслимо, да притомъ и задача наша была уже выполнена и намъ оставалось только вернуться домой.

Чтобы скрыто уйти отъ сильнѣйшаго непріятеля, я рѣшился прибѣгнуть къ слѣдующему маневру: я велѣлъ татарамъ заворотить свои арбы и скотъ по дорогѣ въ Мангалію и немедленно тронуться въ путь. На ихъ возраженіе я замѣтилъ, что за малѣйшее ослушаніе имъ грозитъ смерть. Для конвоированія и наблюденія за татарами отряжено 6 казаковъ, которымъ назначено сборнымъ мѣстомъ с. Первелы, куда они должны были направиться по доставленіи транспорта въ Мангалію или въ случаѣ, если бы непріятель сталъ ихъ настигать. Мое ожиданіе увѣнчалось успѣхомъ: арбы и, въ особенности овцы, подняли такую пыль по дорогѣ, что изъ за нея ничего нельзя было разглядѣть; турки, извѣщенные о нашемъ присутствіи, естественно, должны были принять ихъ за большой отрядъ отступающей конницы. Мы послѣдовали шагомъ за татарами, чтобы убѣдить жителей, которые, вѣроятно, передали о томъ непріятелю, что нашъ путь лежитъ на Мангалію, но, когда село скрылось за пригоркомъ, мы круто свернули влѣво и глубокою лощиною, на рысяхъ пробрались скрытно до дороги

изъ Базарджика въ Меджидіе, по которой и продолжали отступленіе. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ лощина заворачивала колѣномъ къ югу, я осторожно выглянулъ наверхъ. Турецкіе аванпосты, видѣнные мною съ фронта, представлялись теперь съ боку, что дало мнѣ возможность провѣрить нанесенное уже на картѣ расположеніе непріятеля. Большая колонна направлялась крупнымъ аллюромъ въ сторону Мангаліи намъ удалось ввести непріятеля въ заблужденіе и я надѣялся, что когда онъ замѣтитъ свою ошибку, мы будемъ далеко.

Судя по пространству, занимаемому аванпостами, по числу постовъ и по силѣ резерва, выдвинутаго противъ насъ, нужно было полагать, что войска эти охраняли отрядъ около трехъ тысячъ человѣкъ, расположенный верстахъ въ 6—8 далѣе къ югу, т. е. впереди г. Базарджика, что согласовалось вполнѣ съ показаніями болгаръ.

Скотъ, брошенный башибузуками, и лошади, найденныя въ Сулеманлыкѣ, по праву войны должны были составить нашу добычу, но при поспѣшномъ и притомъ скрытомъ отступленіи, не представлялось никакой возможности доставить ихъ на бивакъ. Мы повели съ собою только плѣнныхъ, захваченныхъ съ боя.

По выѣздѣ изъ деревни насъ нагналъ мальчикъ болгаринъ, умоляя взять его съ собой и спасти отъ преслѣдованій черкесовъ, которые увели его отъ родныхъ, изъ окрестностей Меджидіе. Ему дали лошадь убитаго башибузука и онъ послѣдовалъ за нами. Онъ упрашивалъ насъ ѣхать назадъ въ деревню, обѣщаясь выдать скрывшихся среди жителей башибузуковъ и указать, гдѣ попрятано оружіе. Изъ его разсказа мы узнали, что когда Сулеманлыкъ былъ окруженъ казаками, въ немъ было около сорока конныхъ башибузуковъ; захваченные врасплохъ, они не успѣли бѣжать по сосѣдству къ турецкимъ войскамъ и попрятали оружіе въ домѣ одного изъ болгаръ, чтобы скрыть свое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Подходя къ болгарскому селу Эссенчикіой и не видя въ немъ турецкихъ войскъ, я построилъ казаковъ растянутой цѣпью для охвата и обыска села, въ которомъ могли скрыться

небольшія непріятельскія шайки или одиночные люди. Пока казаки разъѣзжались по мѣстамъ, я съ трубачемъ въѣхалъ въ село. Война какъ будто не касалась этого мирнаго угла: жители вѣяли и молотили, заготовляя на зиму запасы, не тревожась близостью безпокойныхъ сосѣдей. Впослѣдствіи мы узнали, что болгары этой деревни, какъ и многихъ другихъ,

Черкесы.

жили въ ладу съ шайками грабителей, предоставляя имъ вѣрныя убѣжища и сбытъ награбленнаго имущества.

При нашемъ появленіи жители бросили работу и съ любопытствомъ оглядывали незнакомыхъ пришельцевъ. Въ одномъ дворѣ, гдѣ стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, вдругъ появились два молодца въ папахахъ и въ длинныхъ кафтанахъ, съ патронами на груди; это были черкесы. Не зная,

сколько ихъ было тамъ, я приказалъ трубачу подать сигналъ „аппель“, но черкесы насъ тоже узнали и, вскочивъ на коней, выѣхали изъ другихъ воротъ со двора. Я поскакалъ за ними и одного убилъ выстрѣломъ изъ револьвера, другого зарубилъ подоспѣвшій казакъ.

Въ Эссенчикіой черкесовъ болѣе не оказалось. Двое убитыхъ, по словамъ болгаръ, принадлежали къ шайкѣ въ двѣсти человѣкъ, которую содержалъ на свой счетъ богатый черкесскій бекъ (князь).

Количество плѣнныхъ, отбитыхъ лошадей и оружія увеличивалось; разъѣзды, высылаемые для рекогносцировки видѣнныхъ вдали деревень, встрѣчались съ башибузуками и послѣ короткой перестрѣлки возвращались съ военной добычей или плѣнными.

Желая окружить село Чераджи, показавшееся вдали, прежде чѣмъ наше приближеніе будетъ замѣчено, я отправилъ часть казаковъ подъ командою ротмистра Бушена въ обходъ. Они спустились въ глубокій оврагъ, который пролегалъ правѣе, а мы укоротили шагъ, чтобы дать время товарищамъ заѣхать въ тылъ деревни. Мои казаки разсыпались въ стороны на версту и подвигались облавою осторожно впередъ, чтобы не выдать раньше времени своего присутствія.

Мы шли пологимъ скатомъ возвышенности, по верхней грани которой разъѣздъ наблюдалъ за нашимъ лѣвымъ флангомъ; вдругъ тамъ раздался выстрѣлъ, казаки съѣхались на бугрѣ и открыли огонь внизъ по ту сторону; имъ отвѣчала отдаленная пальба. Не видя, что происходитъ за бугромъ, я съ вахмистромъ поскакалъ туда. Онъ думалъ, что намъ встрѣтился разъѣздъ № 18 казачьяго полка, занимавшаго аванпосты впереди Меджидіе и что мы принимаемъ другъ друга за непріятеля. Выѣхавъ на вершину возвышенности, я пришелъ къ тому же заключенію: конная колонна, въ составѣ около сотни, слѣдовала въ порядкѣ, на хвостѣ, по дорогѣ, параллельной нашему пути, но въ обратную сторону. Приказавъ своимъ казакамъ прекратить огонь, я самъ поскакалъ къ разъѣзду и кричалъ что было силы: „не стрѣляйте, мы казаки“, но тѣ не

унимались. Наконецъ, когда я былъ отъ нихъ не далѣе двухсотъ шаговъ, человѣкъ десять всадниковъ отдѣлились отъ строя и понеслись ко мнѣ на встрѣчу. Тутъ только, вглядѣвшись въ нихъ пристальнѣе, я узналъ черкесовъ и поскакалъ обратно, разрядивъ по нимъ мой револьверъ. Казаки бросились на выручку и черкесы повернули назадъ. Мнѣ, какъ оказалось потомъ, кричали раньше, чтобы я воротился, что тамъ непріятель, а не наши, но я за ружейной трескотней ничего не слыхалъ, а поскакавшіе за мною не могли меня нагнать. Ординарецъ былъ посланъ за ротмистромъ Бушеномъ и его командой; между тѣмъ черкесы, видя, что насъ тутъ немного, но не зная, сколько можетъ быть за переваломъ, шагомъ перешли въ наступленіе, не прекращая огня.

У насъ уже убито шесть лошадей; Масловъ, раненый въ ляжку, едва держался въ сѣдлѣ; у сотеннаго писаря, Морозова, пробита на вылетъ правая рука (онъ и здоровый не умѣлъ писать, что же будетъ теперь?). Казакъ, стоящій рядомъ со мною, прицѣлился, приговаривая „помоги, Господи“, и спустилъ курокъ. Одинъ изъ черкесовъ, выстрѣлившій съ нимъ единовременно, упалъ, но не успѣлъ я похвалить сосѣда за мѣткій выстрѣлъ, какъ его лошадь взвилась на дыбы съ сильнымъ храпомъ и тяжело рухнула на землю, сраженная пулей въ лобъ. Оба попали въ цѣль.

Черкесы подходили все ближе и ближе, казаки начинали стрѣлять учащенно и безпорядочно, еще минута -и непріятель насѣлъ бы на насъ, и тогда не было бы спасенія. Команды ротмистра Бушена все еще не видно; я приказалъ трубачу повторить сигналъ „аппель“ и въ „карьеръ“.

Но вотъ одинъ изъ черкесовъ, въ желтой черкесскѣ, съ богатымъ серебрянымъ уборомъ, выѣхалъ впередъ, вызывая джигита на одиночный бой; онъ кричалъ, махая папахой „сюда урусъ, сюда урусъ!“ (Вѣроятно переселенецъ Кавказа).

Въ эту минуту подошли наши. Я скомандовалъ: „съ гикомъ маршъ-маршъ“ и мы бросились на врага. Первымъ попался мнѣ подъ выстрѣлъ джигитъ, выжидавшій достойнаго соперника. Онъ держалъ шашку на голо, въ готовности къ

Бой подъ Эссенчикіой.

бою, но мнѣ было не до поединка, нужно было во чтобы то ни стало опрокинуть непріятеля прежде чѣмъ онъ осмотрится и замѣтитъ, что имѣетъ дѣло съ слабѣйшимъ отрядомъ. Револьверъ опять сослужилъ службу, я свалилъ черкеса и поскакалъ дальше. Стремительная атака съ внезапно появившимися изъ за бугра свѣжими силами ошеломила непріятеля, который смотрѣлъ уже на насъ, какъ на вѣрную добычу; они повернули и поскакали назадъ, преслѣдуемые казаками. Морозовъ съ отвисшей рукой, безъ оружія, кричитъ: „брось винтовки, въ шашки ихъ, станичники!“, и самъ летитъ впередъ.

Когда мы перешли въ наступленіе, черкесы были отъ насъ шагахъ въ пятидесяти; они подвигались шагомъ, а не рѣшительной атакой, вѣроятно потому, что горсть стоявшихъ противъ нихъ молодцовъ не отступала ни на пядь и своимъ видомъ заставляла думать, что имѣется сзади сильная поддержка.

Казаки помнили слова командира, что въ бѣгствѣ нѣтъ спасенія; держались они стойко, поджидая помощи товарищей. Не было бы имъ пощады, еслибы они дрогнули, но не щадили и они теперь.

Во время преслѣдованія непріятель покинулъ двѣ каруцы и плѣнныхъ болгаръ, не поспѣвавшихъ за ними. Очутившись между двухъ огней, братушки попрятались подъ повозки и крестились, чтобы избѣгнуть участи врага.

Версты три мы уже проскакали. Лошади окончательно выбились изъ силъ. Я остановилъ свой отрядъ, спѣшилъ, велѣлъ положить коней и стрѣлять не торопливо, но мѣтко. Черкесы тоже остановились и отвѣчали на наши выстрѣлы. По нашему примѣру они пытались валить своихъ лошадей, но подъ ними были не кабардинцы, привычные къ этому маневру, а добруджскіе маштачки, которые кружились на мѣстѣ, но ложиться не хотѣли. Послѣ десятиминутной перестрѣлки непріятель, подобравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ, сталъ отходить назадъ, подгоняемый нашими пулями.

Скрытые высокой травой и имѣя выгоду командной позиціи, мы не потеряли въ послѣдней перестрѣлкѣ ни одного человѣка. До турецкихъ аванпостовъ было еще настолько

близко, что могло бы быть выслано отъ нихъ подкрѣпленіе черкесамъ. Мы повернули и направились въ обратный путь.

Раненыхъ несли на пикахъ, продѣтыхъ въ рукава шинелей, что составляло удобныя носилки.

Освобожденные болгаре сообщили намъ, что убитый мною джигитъ былъ тотъ самый бекъ, о которомъ намъ говорили въ Эссенчикіой.

Можетъ быть, его смерть была одной изъ причинъ пораженія втрое сильнѣйшаго непріятеля. У бека на груди висѣла серебряная медаль на красной лентѣ ордена Меджидіе.

У с. Гераджи насъ поджидали казаки съ плѣнными, которые во время дѣла пробовали обезоружить караулъ, но безуспѣшно. Мальчикъ болгаринъ передавалъ съ увлеченіемъ впечатлѣнія боя. Но гдѣ же Болдыревъ со своимъ разъѣздомъ. Онъ не могъ не слышать жаркой перестрѣлки, длившейся довольно долго; ужъ не захваченъ ли онъ непріятелемъ? Я безпокоился и не рѣшался уходить до возвращенія разъѣздовъ? высланныхъ за нимъ въ разныя стороны. Но вотъ на высотахъ показались всадники съ пиками —это могли быть только казаки, такъ какъ у черкесовъ пикъ не имѣется. Черезъ нѣсколько минутъ явился самъ Болдыревъ и откровенно признался, что, не будучи увѣренъ въ успѣхѣ нашихъ, онъ предпочелъ оставаться до поры до времени безучастнымъ зрителемъ. Я немедленно арестовалъ его, т. е. приказалъ спѣшить и вести за колонной, съ тѣмъ, чтобы по приходѣ на бивакъ отдать подъ судъ за уклоненіе отъ самой важной обязанности во время боя: идти на поддержку своихъ.

Во время дѣла я замѣтилъ, что казаки отъ меня сторонились и смотрѣли на мое приближеніе неохотно. Вахмистръ, къ которому я обратился за объясненіемъ, передалъ мнѣ, что такъ какъ я одинъ былъ въ бѣлой гимнастической рубахѣ, тогда какъ другіе были въ мундирахъ, то я вызывалъ на себя выстрѣлы непріятеля и тѣмъ навлекалъ ихъ на сосѣдей. Въ бою, въ особенности по движущимся цѣлямъ, гораздо больше попадаетъ случайныхъ выстрѣловъ, чѣмъ выцѣленныхъ: ошибка въ глазомѣрѣ или побочная причина отклоненія пули будетъ

имѣть послѣдствіемъ промахъ, тогда какъ выстрѣлъ случайный или невѣрно выцѣленный могъ достигнуть назначенія. Не оттого ли генералъ Скобелевъ на бѣломъ конѣ и одѣтый въ бѣлый китель обращалъ на себя выстрѣлы непріятеля, но не былъ даже раненъ, хотя и потерялъ много людей изъ своей свиты. Не оттого ли трубачамъ, которыхъ въ случаѣ убыли замѣнить трудно, даны сѣрыя лошади.

Переноска раненыхъ крайне утомляла людей и отнимала много времени. Я послалъ казаковъ воротить арбы болгаръ, которые поспѣшили удалиться, когда были нами освобождены.

День былъ очень жаркій и жажда насъ такъ томила, что начиналъ чувствоваться упадокъ силъ. У д. Касьянджіой мы спустились по крутой тропинкѣ въ оврагъ, на днѣ котораго виднѣлся колодезь. Плѣнные и раненые остались наверху.

Жителей въ селеніи не было, а слѣдовательно не было и ведеръ. Колодецъ былъ такъ глубокъ, что пришлось спустить котелокъ на трехъ связанныхъ вмѣстѣ фуражиркахъ *). Зачерпнутая вода выплескивалась на половину при ударахъ котелка объ стѣнки колодца, но воды, добытой такимъ образомъ съ большой потерей времени, едва хватало для раненыхъ. Установлена была очередь — и каждый получилъ по крышкѣ воды. На лошадей, не пившихъ съ утра, жалко было смотрѣть: онѣ лѣзли къ колодцу, грызли сухое корыто и протягивали морды къ котелку, который обходилъ кругомъ казаковъ. Какъ я сожалѣлъ, что не имѣлъ въ полку парусинныхъ ведеръ.

Казаки просили выпить по второй крышкѣ, но въ это время посланный отъ задняго разъѣзда донесъ, что вдали, за с. Чераджи, показалась большая кавалерійская колонна. Наши кони не были въ состояніи скакать, а потому было бы опасно вступать еще разъ въ бой съ непріятелемъ, надъ которымъ мы могли имѣть успѣхъ только рѣшительной атакой.

Къ счастью арбы были разысканы и приведены, раненые на нихъ уложены и отправлены впередъ, вмѣстѣ съ плѣнными; тогда и мы тронулись за ними.

*) Фуражирка — веревка 15-ти аршинъ длины, употребляемая для связыванія пучковъ сѣна при фуражировкахъ.

Судя по картѣ, намъ скоро слѣдовало дойти до с. Геленджикъ, между тѣмъ солнце сѣло, ночь быстро смѣнила сумерки и скрыла всѣ примѣты, способствовавшія оріентированію, однако казаки и ночью не терялись: авангардъ наткнулся на дерево. „Ваше высокоблагородіе, — говоритъ казакъ, — отсюда до ихней деревни съ полъ-версты, больше не будетъ". — „Да ты почемъ знаешь? — „А я вчерась, какъ былъ въ боковомъ разъѣздѣ, такъ это дерево примѣтилъ".

Дѣйствительно, минутъ черезъ пять, по сторонамъ дороги выросли темныя постройки — мы вошли въ село. Какъ способны казаки къ развѣдочной службѣ. Ничто не скроется отъ ихъ зоркаго и памятнаго глаза; имъ часто служатъ примѣтами такіе предметы, которые другими навѣрно пропускались бы безъ вниманія.

Въ одномъ изъ домовъ свѣтился огонекъ; тамъ жилъ мулла, крымскій татаринъ, говорившій немного по русски. Онъ далъ намъ ведеръ, чтобы напоить изъ колодца лошадей, и немного хлѣба, часть котораго казаки удѣлили плѣннымъ. Мулла насъ провелъ до с. Первелы, откуда дорога намъ была хорошо извѣстна.

Подходя къ с. Карлыкіой, я выслалъ впередъ казака для предупрежденія аванпостовъ о нашемъ приближеніи и приказалъ пѣсенникамъ пѣть. Безъ этихъ предосторожностей мы могли бы подвергнуться выстрѣлу оробѣвшаго часового, какъ то случилось у Муссурата, въ отрядѣ капитана Милютина.

Грянула кавказская пѣсня про „набѣгъ удалой". Пріосанились, повеселѣли казаки, какъ будто про нихъ сложена эта пѣсня. Они тоже возвращались домой съ плѣнными и добычей, честно исполнивъ свой долгъ. Счастливыя тѣ минуты, — онѣ служатъ лучшей наградой за перенесенные труды, лишенія и опасности.

Казаки, оставленные наканунѣ въ Карлыкіой, порадовали насъ извѣстіемъ, что полкъ передвинулся изъ Ассы-Дерлюка въ Муссуратъ, что сокращало нашъ путь на пятнадцать верстъ.

Кони, чуя близость бивака, зашагали бодрѣе и мы вскорѣ очутились среди палатокъ товарищей.

Возвращеніе съ рекогносцировки.

Было 2 часа ночи. Графъ и командиръ полка не ложились. Они поджидали насъ, безпокоясь не на шутку о продолжительномъ нашемъ отсутствіи. Мое донесеніе изъ Хаджлара: „Мангалія занята безъ боя, идемъ по дорогѣ въ Базарджикъ до встрѣчи съ непріятелемъ“, не способствовала къ ихъ успокоенію.

За чаемъ слушатели прошли черезъ всѣ волненія, испытанныя нами въ эти два дня, и остались вполнѣ довольны достигнутымъ результатомъ.

Какъ хорошо было раздѣться и вытянуться, съ сознаніемъ, что можемъ спать безъ опасенія и тревоги.

На другой день мнѣ доложили казаки, конвоировавшіе татаръ, что отрядъ турецкой кавалеріи, численностью около двухъ сотенъ, слѣдовалъ за нами на разстояніи двухъ верстъ, не рѣшаясь подойти ближе. Дойдя до Мангаліи, казаки направились къ с. Первелы и, не заставъ насъ тамъ, проѣхали прямо на бивакъ.

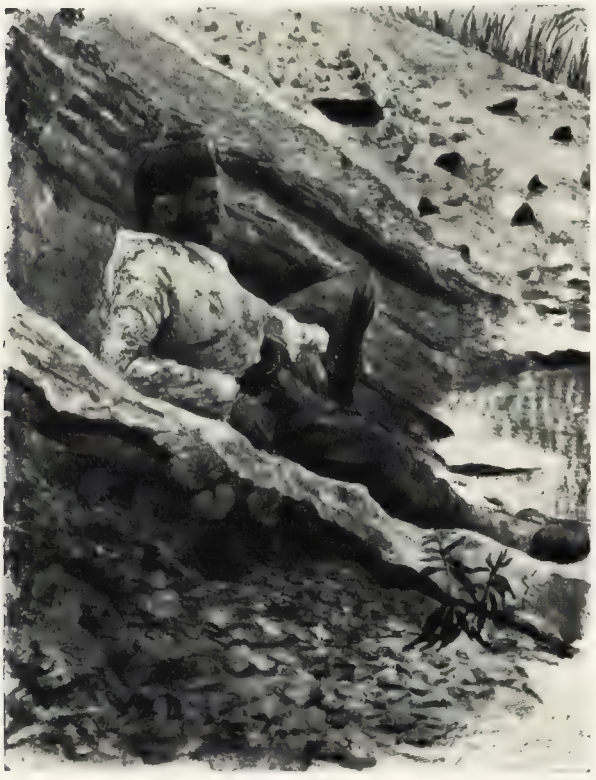
Выборные отъ сотни просили меня не срамить ихъ станицы отдачей подъ судъ казака; они обѣщали сами наказать Болдырева такъ, что будетъ памятно и ему и послужитъ примѣромъ для другихъ. Я согласился, зная, какъ дѣйствительна казачья расправа. Я не спрашивалъ послѣ, что сдѣлали съ Болдыревымъ, знаю только, что долгое время онъ не могъ садиться на коня и въ дневныхъ рапортахъ значился слабымъ.

Въ присутствіи всей сотни я благодарилъ участниковъ вчерашняго дѣла. Морозовъ стоялъ во фронтѣ блѣдный, едва держась на ногахъ отъ большой потери крови; я обнялъ и поцѣловалъ его за выказанное молодечество. Не смотря на полученную рану, онъ увлекалъ другихъ своей беззавѣтной отвагой.

Раненыхъ и плѣнныхъ отправили въ Черноводы, однихъ для доставленія въ Браиловскій госпиталь, другихъ для преданія полевому суду, по обвиненію въ истязаніи и убійствѣ.

Для того, чтобы во время дѣла казаки заботились только объ общемъ успѣхѣ и не увлекались добычей, въ нашемъ полку заведены слѣдующія правила: 1) военная добыча составляетъ достояніе цѣлой сотни, а никакъ не собственность

завладѣвшаго ею; 2) утаившій военную добычу лишается своей части при дѣлежѣ. Въ исполненіе этихъ правилъ назначена аукціонная продажа лошадей и оружія, отбитаго нами у непріятеля, для раздачи вырученныхъ денегъ всѣмъ казакамъ 1-й сотни по ровну. Серебряную шашку и медаль, снятыя съ убитаго мною бека и внесенныя также въ опись продающихся вещей, сотня просила меня принять въ память этого дѣла, но я отказался отъ этого предложенія и купилъ ихъ на аукціонѣ, чтобы поддержать заведенный порядокъ. За отсутствіемъ посторонних покупателей, продажа состоялась по цѣнамъ очень низкимъ: такъ, напр., лошадь съ сѣдломъ продана за 5 руб., винтовка за рубль, пистолетъ—50 копеекъ и дешевле. Всего составилось 244 рубля.



Одинъ изъ плѣнныхъ.

Ротмистръ Бушенъ ѣздилъ въ Черноводы съ донесеніемъ о нашей рекогносцировкѣ. Корпусный командиръ приказалъ передать мнѣ, что казакамъ моего разъѣзда онъ обѣщаетъ исходатайствовать три георгіевскихъ креста, а меня онъ цѣлуетъ.

Въ числѣ взятыхъ нами въ плѣнъ башибузуковъ былъ негръ громаднаго роста. По словамъ болгаръ, явившихся обвинять его въ многочисленныхъ и разнообразныхъ злодѣяніяхъ, онъ былъ грозой Добруджи.

Вечеромъ я поѣхалъ съ вѣстовымъ провѣрять посты моей сотни, которая въ этотъ день заняла аванпосты. Направились мы черезъ поле, безъ дороги, на крайній лѣвый постъ, верстахъ въ восьми отъ бивака. Ночь настала такая темная, что ни зги не видать, и я началъ думать, что напрасно выѣхалъ въ эту пору, но возвращаться назадъ было поздно: въ такую темь при малѣйшемъ поворотѣ теряется всякое представленіе о первоначальномъ направленіи. Шли мы долго, но вотъ впереди мельк-

Бивакъ у Муссурата.

нулъ огонекъ и недалеко раздался окликъ часового. „Казакъ“, отвѣчалъ я и остановился. Къ намъ подъѣхалъ урядникъ и послѣ обычнаго опроса сообщилъ, что мы находимся на пропускномъ посту № 18 полка, занявшаго эту линію только съ утра. Моихъ казаковъ они не видали. Разспросивъ подробно о мѣстоположеніи сосѣднихъ деревень, я опредѣлилъ приблизительно направленіе нашей цѣпи и наудачу опять въѣхалъ въ темноту.

По моему разсчету, до ближайшаго нашего поста было около трехъ верстъ, а ѣхали мы уже болѣе часу — вѣрно

опять заблудились. „Не остановиться ли тутъ и переждать до разсвѣта, думалось мнѣ, а то чего добраго наткнешься на непріятельскій разъѣздъ“... Пока я обсуждалъ, что дѣлать, въ отдаленіи послышался лай собакъ, который вывелъ насъ изъ затрудненія: слѣдуя на ихъ голосъ, мы добрались до какой то деревни, гдѣ жители еще не спали; въ домахъ свѣтились привѣтливые огоньки. Приготовивъ на всякій случай оружіе, мы подъѣхали къ окну одного дома и увидѣли среди большой комнаты человѣкъ десять болгаръ, сидящихъ вокругъ миски съ чорбой *). Я постучался и спросилъ подошедшаго, какъ называется деревня; мнѣ отвѣтили: Топрассаратъ. Эта деревня находилась верстахъ въ пяти впереди нашей цѣпи; по словамъ мѣстныхъ жителей, она служила притономъ для бродячихъ шаекъ черкесовъ и башибузуковъ. Зная, что не всегда безопасно довѣряться братушкамъ, я не рѣшался взять проводника, а требовалъ только, чтобы мнѣ указали рукой направленіе мельницъ, около которыхъ, мнѣ помнилось, проходила дорога въ Мураданъ, гдѣ стоялъ резервъ нашихъ аванпостовъ. Мы нашли мельницы, затѣмъ дорогу и прибыли наконецъ въ Мураданъ безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Рано утромъ прибылъ казакъ отъ графа съ приказаніемъ немедленно снять посты и вернуться на бивакъ, не дожидаясь смѣны. Корпусный командиръ, находя, что наши сотни слишкомъ удалены отъ остального отряда, приказалъ возвратиться снова въ Ассы-Дерлюкъ. Полки дивизіи генерала Шамшева отходили тоже назадъ по всей линіи. Графу предложено переѣхать въ Кюстенджи, но онъ не хотѣлъ насъ покидать. За отсутствіемъ полковника Пономарева, уѣхавшаго въ Кюстенджи по дѣламъ службы, я вступилъ въ командованіе полкомъ и повелъ его на мѣсто прежняго бивака. Полку, въ составѣ трехъ съ половиною сотенъ, поручено занять двѣнадцать верстъ цѣпью передовыхъ постовъ, для охраны Кюстенджійскаго отряда отъ нечаяннаго нападенія непріятеля, который дѣлался съ каждымъ днемъ болѣе предпріимчивымъ. Въ виду

*) Чорба—похлебка изъ фасоли, болгарское народное блюдо; отсюда слово „Чорбаджи“ — староста, человѣкъ съ достаткомъ, тотъ, кто каждый день можетъ ѣсть чорбу.

нашихъ часовыхъ черкесы распоряжались по хозяйски въ ближайшихъ деревняхъ, узнавъ, вѣроятно, отъ мѣстныхъ жителей, что заставы не въ силахъ ихъ преслѣдовать. Нельзя было прекратить прохожденія жителей черезъ наше расположеніе, а между тѣмъ намъ было извѣстно, что они то и давали знать туркамъ о всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. При столь растянутой линіи на посты выходилъ большой расходъ людей, *) а въ резервѣ оставалось такъ мало, что нельзя было дать отпоръ, если бы непріятель явился въ силахъ и атаковалъ насъ рѣшительно. Бивакъ составлялъ несмѣняемый главный караулъ, высылавшій ежедневно треть своего состава на заставы и посты. Служба тяжелая - люди и лошади требовали хоть сколько нибудь отдыха.

26-го іюля бивакъ былъ встревоженъ оживленной перестрѣлкой, раздавшейся, какъ казалось намъ, на аванпостахъ. Пока казаки снаряжались и сѣдлали лошадей, я проѣхалъ къ ближайшему кургану, съ высоты котораго надѣялся разглядѣть, что происходитъ впереди. Перестрѣлка, смолкнувшая на мгновенье, опять возобновилась, но на этотъ разъ я убѣдился, что виновницами этой тревоги были давно опустѣвшія мельницы, въ которыхъ снова закипѣла работа: трескотня грохотовъ, заглушенная деревянными стѣнами амбаровъ, была принята за отдаленный перекатный огонь цѣпи. Не въ первый разъ эти мельницы играли съ нами подобныя шутки, но никогда еще обманъ слуха не доходилъ до такой степени; даже на близкомъ разстояніи нельзя было не быть введеннымъ въ заблужденіе.

На случай нечаяннаго нападенія приняты слѣдующія мѣры: дежурный по отряду, одинъ изъ сотенныхъ командировъ, выводилъ впередъ дежурную часть, чтобы дать время остальнымъ снять бивакъ, уложить обозъ и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, - либо отступить на Кюстенджи, прикрывая обозъ, либо идти на поддержку авангарда. Сигналъ „тревога“ замѣненъ „генералъ-маршемъ“, что также означаетъ готовиться

*) Тактика находитъ возможнымъ занять цѣпью отъ эскадрона до 16 рядовъ, во взводахъ (128 человѣкъ) до 5 верстъ, мы же, имѣя только по 12 рядовъ (96 человѣкъ), занимали одной сотней 12 верстъ.

къ походу, но не производитъ, какъ „тревога“, неизбѣжной, даже въ мирное время, суеты, при которой всѣ заняты только мыслью скорѣе поспѣть на сборное мѣсто, люди нервно возбуждены, а сѣдловка производится небрежно и часто въ торопяхъ забываются нѣкоторыя вещи.

29-го іюля. Недѣли двѣ тому назадъ сотня черкесовъ производила усиленную рекогносцировку позицій противъ г. Меджидіе, причемъ одинъ казакъ 16-го полка былъ взятъ ими въ плѣнъ. Теперь жители окрестныхъ деревень разсказывали, что среди шайки черкесовъ ѣздилъ одинъ русскій, который повидимому жилъ съ ними въ ладу; одѣтъ онъ былъ въ татарскій халатъ, его же мундиръ и фуражку носилъ черкесъ, вѣроятно, кунакъ*); казачью пику несли они впереди, какъ знаменное древко. Казаки, знавшіе плѣннаго, говорили, что онъ такой пройдоха, что и черкесовъ обворуетъ и самъ вернется назадъ, когда отдохнетъ у непріятеля отъ службы въ своей части. Такъ и вышло; спустя нѣсколько дней казакъ вернулся къ своимъ на хорошемъ конѣ и съ прекраснымъ черкесскимъ вооруженіемъ.

1-го августа Рофъ и Занкей пріѣхали къ намъ охотиться съ лягавой собакой на перепеловъ. За завтракомъ разговоръ коснулся вѣроятія нападенія на насъ непріятеля. Англичане думали, что турки едва ли рѣшатся двинуться изъ Базарджика и сожалѣли, что не представится имъ случай взглянуть на интересный спортъ войны. Не успѣли они вымолвить это желаніе, какъ на взмыленной лошади подскакалъ казакъ и доложилъ графу, что шесть сотенъ турецкой кавалеріи съ артилеріей атакуютъ наши аванпосты со стороны Урлыкіой. Большая партія черкесовъ обходитъ нашъ правый флангъ и грозитъ отрѣзать путь отступленія главному караулу.

Командиръ полка былъ въ этотъ день въ Кюстенджи и, за его отсутствіемъ, графъ принялъ на себя всѣ распоряженія. Прежде, чѣмъ дежурный трубачъ затрубилъ „генералъ-маршъ“, собранные пѣсенники 1-ой сотни разбѣжались къ коновязямъ; мнѣ приказано предупредить обходъ праваго фланга и затѣмъ

*) Кунакъ—другъ, пріятель.

Передъ дѣломъ 1-го августа.

слѣдовать по своему усмотрѣнію. Черезъ 10 минутъ моя сотня на рысяхъ исчезла по направленію къ с. Муссуратъ. Я выбралъ этотъ путь, чтобы воспользоваться лощиной, по которой мы могли подойти незамѣченными къ непріятелю, оставшемуся влѣво, и внезапной атакой съ фланга и тыла уравновѣсить то преимущество, которое давало непріятелю превосходство его силъ. Сотня шла по дну лощины, а я ѣхалъ верхнимъ краемъ, высматривая противника, чтобы во время перейти въ наступленіе; мое вниманіе было вдругъ привлечено раздавшимся впереди топотомъ лошадей. Черезъ мгновеніе изъ за лощины появился въ колоннѣ эскадронъ регулярной турецкой кавалеріи съ разсыпанною на флангѣ полусотнею черкесовъ. Я скомандовалъ „маршъ-маршъ“ и мы не перестраиваясь, толпой бросились на врага. Турки, такъ неожиданно встрѣченные, въ безпорядкѣ бѣжали по направленію къ Базарджику, преслѣдуемые казаками. На карьерѣ я передалъ приказаніе командиру второй полусотни, сотнику Шумкову, отдѣлиться отъ первой полусотни и слѣдовать за мною рысью, чтобы имѣть резервъ въ сомкнутомъ строю и въ порядкѣ, на случай появленія свѣжихъ силъ непріятеля. Сомкнутость для резерва признается необходимой, потому что только въ такомъ строѣ люди будутъ выдержаны въ порядкѣ и, находясь подъ непосредственною властью начальника, могутъ быть употреблены соотвѣтственно требованіямъ минуты, тогда какъ при движеніи въ сферѣ огня въ разсыпанномъ строю, сигналы и команды утрачиваютъ свое значеніе, а люди подчиняются только нравственному вліянію и слѣдуютъ личному примѣру, брошенные же въ атаку — они совершенно ускользаютъ изъ рукъ начальника.

Во время преслѣдованія, казаки и турки на скаку перестрѣливались, но почти безуспѣшно; доставалось только тѣмъ непріятельскимъ всадникамъ, чьи кони отставали; ихъ зарубали или прикалывали и пойманныхъ лошадей отправляли въ арьергардъ. Мы остановились только въ двадцати верстахъ отъ бивака у д. Амзачи. Отрѣзавъ такимъ образомъ встрѣченную нами часть отъ остального отряда, мы могли теперь обратиться

къ оставшемуся позади непріятелю и довершить пораженіе, если бы наши имѣли надъ нимъ успѣхъ, или выручить своихъ, если имъ самимъ приходилось плохо.

Настала ночь. Я поспѣшилъ идти назадъ. Проходя черезъ Мураданъ и услыхавъ ржаніе лошадей, которыхъ у мирныхъ жителей не имѣлось (всѣ были отняты башибузуками), я приказалъ сдѣлать наскоро обыскъ дворовъ, но, не найдя никого, мы продолжали путь. Вѣроятно, турки удалились глубокимъ оврагомъ, перерѣзавшимъ селеніе.

Въ готовности къ бою мы подвигались молча, со всѣми предосторожностями, требуемыми ночными передвиженіями вблизи непріятеля, котораго мы желали застигнуть врасплохъ, но нигдѣ не видѣли ни одного огня и не слышали ни одного звука, который бы обличалъ его присутствіе.

Раздался окликъ: „кто идетъ!“, и подъѣхалъ разъѣздъ 4-ой сотни; они передали намъ, что аванпосты остались на передней линіи, резервъ отошелъ къ Ассы-Дерлюку, а турки отступили къ д. Тузлы, у берега моря; вотъ почему мы ихъ не встрѣтили на обратномъ пути.

Было за полночь, когда мы слѣзли съ коней у костра, вокругъ котораго грѣлись угрюмо графъ и другіе офицеры полка. Не смотря на удачное дѣло, я самъ не могъ не опечалиться, узнавъ причину общаго неудовольствія: командиръ П. Пономаревъ былъ извѣщенъ въ Кюстенджи зажженными маяками и летучкой *) о нападеніи турокъ въ значительныхъ силахъ. Думая, что мы будемъ вынуждены отступать, онъ послалъ приказаніе доставить немедленно обозъ въ Кюстенджи. Возвратясь на бивакъ, наши нашли только оголенную поляну тамъ, гдѣ прежде стояли палатки —весь нашъ обозъ ушелъ въ Кюстенджи, и вмѣсто сытнаго ужина мы должны были удовольствоваться лукомъ и чуреками, найденными у жителей селенія.

Когда я удалился съ бивака для обхода непріятельской позиціи, графъ принялъ командованіе остальными сотнями и повелъ ихъ впередъ имѣя въ авангардѣ капитана Милютина съ наѣздниками.

*) Конная казачья почта.

Дѣло 1-го августа.

Съ возвышенности, гдѣ стоялъ главный караулъ, открывалась волнистая степь, пересѣченная балками, у которыхъ живописно лѣпились татарскія села и деревушки. На лѣво бушующее море, дѣйствительно черное въ погоду, отдѣлялось узкой песчаной полосой отъ голубой глади озера Тузла. Посты, стягиваясь къ центру шагъ за шагомъ, образовали длинную цѣпь, которую черкесы мелкими партіями старались прорывать, для охвата одиночныхъ людей. Непріятель появился такъ внезапно, что застава, на которой варилась въ то время пища, вскочила на коней для поддержки своей цѣпи, не успѣвъ подобрать котелковъ и развернутыхъ шинелей; оттѣсненная въ свою очередь превосходными силами, она была принуждена покинуть вещи, доставшіяся такимъ образомъ непріятелю.

При появленіи нашего резерва, турецкая кавалерія, въ составѣ шести эскадроновъ, построилась въ боевой порядокъ; одинъ эскадронъ направился въ сторону нашего лѣваго фланга съ явнымъ намѣреніемъ насъ обойти. Для поддержки цѣпи, туда была направлена 2-ая сотня; 4-ая же сотня, подъ прикрытіемъ нахздниковъ, продолжала наступленіе. Турки повидимому готовы были встрѣтить насъ атакой, но раздавшаяся со стороны Муссурата перестрѣлка моей сотни съ турецкой кавалеріей заставила ихъ отойти къ д. Тузла. Весьма вѣроятно, что малый отрядъ графа былъ принятъ за демонстрацію, а главная атака ожидалась съ фланга, откуда уже доносился звукъ выстрѣловъ; это предположеніе подтверждалось и тѣмъ, что турки отошли не на Карлыкіой, куда лежалъ прямой путь ихъ отступленія, а къ позиціи, представлявшей выгодныя условія для отраженія сильнѣйшаго непріятеля.

Когда стемнѣло, графъ, подъ завѣсою цѣпи постовъ, вернулся къ мѣсту бивака.

„Гдѣ же Занкей!“ спросилъ меня Рофъ, когда я подошелъ къ костру, у котораго сидѣли наши офицеры. Оказалось, что услыхавъ перестрѣлку и зная, что у меня завязывалось дѣло, Занкей поскакалъ на выстрѣлы, чтобы поглядѣть на „capital sport“, какъ онъ выражался, но съ тѣхъ поръ никто болѣе его не видалъ.

На другой день казаки, сопровождавшіе обратно обозъ, сообщили, что Занкей былъ виденъ подъ утро на краю города; впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ намъ свои приключенія въ эту памятную для него ночь.

Очутившись одинъ среди степи, когда смолкла перестрѣлка, по которой можно было оріентироваться, и не надѣясь нагнать меня, онъ свернулъ въ сторону Кюстенджи; ночь застигла его однако прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выбраться до какой либо дороги, оставалось только предоставить себя инстинкту коня. Занкей часа три плелся безсознательно въ темнотѣ ночи и думая, что заблудился, рѣшился заночевать тутъ же въ ожиданіи разсвѣта. Онъ слѣзъ съ лошади, привязалъ поводъ къ своей ногѣ и пристроился, какъ могъ лучше, но черезъ мгновеніе встрепенулся, услыхавъ топотъ приближающагося отряда. „Будь это казаки или турки", подумалъ онъ, мнѣ смерти не миновать; ночью не станутъ разбирать кто я такой, а порѣшатъ безъ церемоніи, какъ шпіона. Хотя въ такую темь легко скрыть свое присутствіе, но тутъ явилась другая опасность: лошадь могла заржать или могла залаять собака, которая была при немъ, и тѣмъ его выдать. Онъ не зналъ, что дѣлать - то придерживалъ морду собаки, то оглаживалъ коня, чтобы не вздумалось ему привѣтствовать приближавшихся собратій. Въ такомъ волненіи провелъ онъ цѣлую ночь, не смотря на то, что слышанный топотъ давно уже стихъ въ отдаленіи; когда же стало свѣтать, онъ увидѣлъ передъ собой знакомый фасадъ собственнаго дома; проѣхалъ бы онъ еще нѣсколько шаговъ и лошадь его уперлась бы въ знакомыя ворота.

Занимая аванпосты первой сотней, намъ пришлось проѣзжать по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вчера кипѣлъ бой; тамъ лежали еще тѣла убитыхъ. Турки съ разсвѣтомъ удалились по дорогѣ въ Мангалію. Принявъ всѣ мѣры для отраженія нечаяннаго нападенія и безпрепятственнаго отступленія къ Ассы-Дерлюку, если бы непріятель превосходилъ насъ численностью, я направился въ главный караулъ. Мелкій, пронизывающій дождь сѣялъ съ утра, температура значительно понизилась. Меня трясла лихорадка, я едва держался въ сѣдлѣ, а когда прибылъ на мѣсто

и слѣзъ съ лошади, то почувствовалъ себя такъ плохо, что пришлось лечь на размокшую землю, завернувшись въ бурку. Цѣлую ночь дождь лилъ по буркѣ, скоро оказавшейся недостаточной защитой; однако подъ утро лихорадка прошла и я вернулся на бивакъ совершенно здоровый. Въ этотъ день продавались съ аукціоннаго торга оружіе и лошади, отбитыя моей сотней у непріятеля третьяго дня. Лошадей, годныхъ для службы, я купилъ для казаковъ, у которыхъ были убиты лошади въ дѣлѣ подъ с. Чераджи. Изъ холоднаго оружія достались намъ на этотъ разъ увѣсистые стальные палаши англійской работы.

Мы слышали, что изъ казачьей дивизіи отправленъ тоже отрядъ для рекогносцировки непріятеля, въ составѣ трехъ сотенъ и 2-хъ орудій, но они непріятеля не видали.

Съ аванпостовъ доносили, что трехмачтовое судно идетъ съ юга вдоль берега, подъ краснымъ флагомъ, какъ предполагали, турецкимъ. Я проѣхалъ на берегъ моря, чтобы лично удостовѣриться въ справедливости донесенія, и узналъ стараго знакомаго — шлюпъ „Rapid“. Не успѣлъ я успокоить своихъ извѣстіемъ, что намъ не грозитъ опасность ни отъ бомбардировки, ни отъ десанта, какъ жаркая пальба, раздавшаяся среди самаго бивака, снова всѣхъ всполошила: загорѣлась подстилка въ палаткѣ офицерскихъ драбантовъ, отчего сложенные тутъ же патроны стали лопаться одинъ за другимъ, а мѣдныя гильзы разлетались во всѣ стороны.

7-го августа появились на горизонтѣ и скоро исчезли три турецкіе монитора, не сдѣлавъ по городу ни одного выстрѣла.

Капитанъ Милютинъ отправленъ корпуснымъ командиромъ въ главную квартиру съ донесеніями.

Получено приказаніе полку выступить 9-го въ г. Тульчу, отдѣливъ одну сотню для занятія постовъ по взводно въ Гирсовѣ, Браиловѣ и Галацѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что со дня на день ожидалась атака Сулина, изъ чего заключили, что нашъ полкъ приметъ въ ней участіе. Отходить назадъ всегда грустно, но на этотъ разъ насъ всѣхъ утѣшала надежда на славное дѣло.

8-го августа, рано утромъ, графъ, командиръ полка и всѣ сотни, за исключеніемъ 1-й, занимавшей въ этотъ день аван-

посты, ушли изъ Кюстенджи. Я ждалъ смѣны отъ 18-го полка. Она прибыла только въ два часа пополудни и я послалъ приказаніе постамъ отходить къ мѣсту прежняго бивака. Посланный казакъ, Хомутовъ, поскакалъ съ запиской въ рукахъ, но, не доѣзжая нѣсколько шаговъ до начальника передовыхъ постовъ, его лошадь споткнулась и онъ, перелетѣвъ черезъ ея голову, ударился грудью объ землю и умеръ на мѣстѣ. Грустное впечатлѣніе произвела на насъ эта внезапная смерть въ ту минуту, когда мы прощались съ боевой жизнью въ этой мѣстности.

Пространство, занимаемое нашими тремя съ половиною сотнями, будетъ охраняться 18-мъ казачьимъ и Кинбурнскимъ драгунскимъ полками, но, повидимому, имъ нечего ожидать наступленія турокъ. Болгарскій попъ, зашедшій къ намъ по дорогѣ изъ Базарджика, сообщилъ, что послѣ усиленной рекогносцировки русскихъ позицій, произведенной какимъ то пашой, принцъ Гассанъ уѣхалъ въ Шумлу, оставивъ въ Базарджикѣ только 200 человѣкъ.

И такъ, наше дѣло 1-го августа имѣло послѣдствіемъ отступленіе отъ Базарджика значительной части турецкаго отряда и наши войска въ Добруджѣ могли теперь на долгое время оставаться въ покоѣ.

9-го августа, на зарѣ, мы выступили изъ Кюстенджи на Тульчу черезъ Бабадагъ. Однообразная дорога тянулась по пустынной мѣстности, наводившей тоску. На 12-й верстѣ колонна подошла къ крутымъ, глинистымъ берегамъ озера Бурлы, чернѣющаго подъ многочисленными стаями дикихъ утокъ. Началась охота. Офицеры стрѣляли, а казаки, слѣдя за полетомъ каждой пули, громкими выраженіями одобренія привѣтствовали удачные выстрѣлы.

Въ с. Татаръ-Палассъ, гдѣ былъ заготовленъ обѣдъ прибывшими заранѣе кашеварами, мы застали эсаула Фатѣева и его сотню, которымъ слѣдовало въ это время быть въ Татаръ-Орманѣ, по дорогѣ въ Браиловъ. „Тьфу ты пропастъ“, говорилъ Фатѣевъ, „вѣдь надо же было глядѣть въ карту—и тутъ Татаръ и тамъ Татаръ, ничего не разберешь; безъ карты ужъ я бы не заплуталъ“.

На привалѣ моя лошадь, бродившая по обгорѣлымъ бугрямъ, пощипывая кое-гдѣ скудную травку, вдругъ провалилась въ родъ погреба, служащаго для склада зерна. Съ помощью шанцеваго инструмента сотни былъ сдѣланъ спускъ, по которому выведена лошадь, нисколько не пострадавшая отъ паденія. Упавшій въ него случайно выбраться на свѣтъ Божій безъ посторонней помощи не можетъ; эти погреба устроены на подобіе среднеазіатскихъ клоповниковъ (подземныхъ тюремъ) съ отверстіемъ на верху болѣе узкимъ, чѣмъ дно.

Подъ вечеръ, во время второго перехода, выводокъ куропатокъ высыпалъ изъ хлѣбовъ на дорогу и болѣе версты бѣжалъ въ двадцати шагахъ впереди пѣсенниковъ, какъ будто не пуганной охотниками птичкѣ нравились казачьи пѣсни.

Скрылось солнце, стало быстро темнѣть, загорѣлись на небѣ звѣзды, а на землѣ свѣтляки; повѣяло прохладой, стало веселѣе, одинъ только командиръ полка кажется озабоченнымъ — ему сдается, что мы не туда идемъ, что нашъ путь лежитъ правѣе. При свѣтѣ восковой спички мы провѣрили направленіе по картѣ, а по звѣздамъ могли опредѣлить, что идемъ вѣрно и, дѣйствительно, дошли благополучно до мѣста ночлега въ с. Потуры, гдѣ и расположились у ручья, притѣненнаго густой листвой чинара, орѣшниковъ и другихъ деревьевъ южнаго пояса.

На другой день мы шли до Бабадага живописной дорогой по холмамъ, покрытымъ яркой зеленью разнообразныхъ породъ лѣса и роскошными коврами полянъ. Въ теченіе всего лѣта только у Кюстенджи видѣли мы скудную растительность подъ густымъ слоемъ сѣрой пыли. Съ наслажденіемъ отдыхалъ теперь глазъ на пестрыхъ цвѣтахъ природы, какъ отдыхаетъ весной послѣ унылыхъ дней зимней агоніи.

Съ жадностью пили люди и лошади у прекрасныхъ каменныхъ фонтановъ, изъ которыхъ струилась холодная, зеркальная прозрачная вода.

Бабадагъ расположенъ у подножія конусообразной горы, поросшей кустарникомъ, съ вершины которой видны обширныя соленыя озера, отдѣленныя отъ моря, синѣющаго на

горизонтѣ, узкой береговой полосой. Подъ горой, недалеко отъ города, большое прѣсное озеро переливалось огненными тонами заходящаго солнца.

Бабадагскій исправникъ, поручикъ Полосковъ, явился къ командиру полка и одновременно явились ко мнѣ младшія власти этой мѣстности — болгаринъ Чорбаджи и двое старшинъ, и предлагали мнѣ тѣ же повинности, которыя, вѣроятно, взимались турецкими начальствующими лицами. Ихъ очень удивило, что я отказался воспользоваться тѣмъ, что въ старину называлось: „Les droits du seigneur".

Тульча.

Изъ Бабадага въ Тульчу дорога идетъ степью. Полуденное солнце пекло невыносимо, нигдѣ отъ него не было спасенія, только наша колонна накидывала мимоходомъ узкую полоску тѣни на раскаленную почву. Переходъ крайне утомителенъ; мы были счастливы, добравшись до Тульчи, укрыться въ тѣни сада, на скатѣ возвышенности, обращенной къ Дунаю, гдѣ отведено намъ мѣсто бивака. Между двумя деревьями я подвѣсилъ свой гамакъ, расположился въ немъ поудобнѣе и кинулъ взоръ вокругъ. Рядомъ съ нами, на краю пустынной площади, украшено флагами изящное зданіе „Comission europèene du Danube". Внизу Дунай, огибающій мѣстные

острова, зеленѣетъ опрокинутымъ отраженіемъ деревьевъ, а далѣе, по мѣрѣ удаленія въ сторону Киліи, сливается съ тонами неба. На право, на холмѣ, плавно взмахиваютъ крыльями вѣтрянки, подъ ними, по обѣимъ сторонамъ широкой улицы выровнялись избы русскихъ сектантовъ. Собственно турецкій городъ тянулся внизу, гдѣ рядъ ресторановъ, кофеенъ и питейныхъ заведеній отдѣлялся отъ рѣки набережной, загроможденной разнообразными товарами. Часть города, занимаемая русскими переселенцами, болѣе походитъ на богатое великорусское село, чѣмъ на кварталъ турецкаго города: чистыя, нарядныя срубленныя избы красуются рѣзными ставнями, перильцами и коньками. На лавкахъ у воротъ бѣлокурые, стриженные въ скобку мальчуганы и дѣвочки, съ заплетенными косами, грызутъ что то, бойко перекидываясь чисто русской рѣчью. У Комаровки, какъ называется это предмѣстье города, построена давнымъ давно маленькая церковь, въ которой во время самыхъ тяжкихъ гоненій на христіанъ не прекращалось богослуженіе. Трудно вѣрить, что русскіе жители этого русскаго уголка—подданные султана. У многихъ я спрашивалъ, не желали ли они вернуться въ Россію. „Зачѣмъ намъ въ Россію“, отвѣчали они, „здѣсь наша родина, мы тутъ родились, тутъ и помремъ“. На мусульманское населеніе и даже на турецкую администрацію они не жаловались.

Я обѣдалъ раза два у губернатора Бѣлоцерковца, имѣвшаго здѣсь устроенное хозяйство, такъ какъ до войны онъ занималъ въ Тульчѣ должность консула.

Мы часто купались въ Дунаѣ; остальное время жаркаго дня проводили за книжкой, въ тѣни тутовыхъ деревьевъ нашего бивака; по вечерамъ посѣщали иногда кафе-шантаны, гдѣ выплясывали записные танцоры расположеннаго въ Тульчѣ пѣхотнаго полка.

14-го августа появились у набережной: большой пароходъ подъ русскимъ военнымъ флагомъ, вооруженный горнымъ единорогомъ и мортирами, и нѣсколько миноносокъ. Эта флотилія предназначалась для поддержки со стороны Киліи, атаки на Сулинъ, возложенной на отрядъ генерала Веревкина. Мы

тоже надѣялись принять участіе въ этомъ дѣлѣ, но только что полученное приказаніе отойти обратно въ Бабадагъ разстроило эту надежду.

Наканунѣ Успенья Бѣлоцерковецъ предложилъ мнѣ ѣхать на храмовой праздникъ въ женскій монастырь Чиликъ-Дере (стальная долина), основанный русскими монахинями въ 15-ти верстахъ къ юго-западу отъ Тульчи. Я сѣлъ въ коляску Бѣлоцерковца, въ другой ѣхалъ греческій митрополитъ со своей свитой. Такъ какъ разнесся слухъ, что разбойники собирались произвести нападеніе на монастырь во время стеченія тамъ народа по случаю праздника, то командиръ нашего полка отрядилъ туда 25 казаковъ при офицерѣ, которые джигитовали, обскакивали нашъ поѣздъ по узкой проселочной дорогѣ.

Монастырь скрывался въ густой заросли, на днѣ глубокой долины. Четыре длинныхъ зданія съ церковью замыкали большую площадку, посреди которой набрасывалъ обширное пятно тѣни развѣсистый орѣхъ; вокругъ его ствола, въ пять-шесть обхватовъ, были устроены широкія нары, гдѣ можно было отдохнуть отъ лѣтняго зноя; черезъ дворъ протекала холодная вода спускающагося съ горъ ручья.

У наружной стѣны содержались въ большомъ порядкѣ огороды и цвѣтники; далѣе, на скатахъ холмовъ, монашенки разводили виноградъ, изъ котораго сами выдѣлывали кисловатое, но пріятное на вкусъ, бѣлое вино; оно частью шло въ продажу, частью потреблялось обитательницами монастыря и рѣдкими его посѣтителями. Кромѣ монахинь въ монастырѣ обитаетъ и одинъ представитель некрасиваго пола — игуменъ, отецъ Афонасій, одаренный природою изумительной физической силой и шестью пальцами на каждой рукѣ, сослужившими ему недавно добрую услугу: шайка черкесовъ ворвалась въ монастырь и занялась грабежомъ; монахини успѣли бѣжать чрезъ подземные ходы, но отецъ Афонасій ожидалъ нападающихъ въ своей кельѣ, на вершинѣ крутой лѣстницы. Перваго появившагося на порогѣ черкеса онъ сбросилъ назадъ съ такой силой, что опрокинулъ всѣхъ слѣдующихъ за нимъ; другихъ, пытавшихся проникнуть въ его логовище, постигла та же участь.

— Чѣмъ же кончилось это?—спросилъ я у игумена.

— Да что же, стрѣляли они въ меня, мой батюшка, много, а потомъ ушли, кое-гдѣ продырявили мнѣ шкуру, да теперь уже зажила.

Нѣкоторыя монашенки, бѣжавшія отъ черкесовъ, просидѣли болѣе сутокъ въ сосѣднемъ озерѣ, скрываясь подъ широкими листьями водяныхъ растеній.

Греческ. митрополитъ.

Обѣдъ былъ поданъ въ большой залѣ, раздѣленной на три части двумя рядами колоннъ, поддерживающихъ потолокъ. Мясо, нѣсколько перемѣнъ рыбы и овощи подавались въ разнообразныхъ видахъ и подъ затѣйливыми приправами. Обѣдъ длился долго, заздравные тосты не умолкали. Мать игуменья, еще молодая женщина, всѣмъ распоряжалась, хозяйничала и, потчуя гостей виномъ, не отказывалась и сама выпить стаканъ, другой.

Намъ приготовили высокія, пуховыя постели въ просторныхъ кельяхъ, но Бѣлоцерковецъ и я предпочли ночевать во дворѣ подъ орѣхомъ, гдѣ было прохладнѣе и безопаснѣе отъ нападенія насѣкомыхъ, изобилующихъ въ деревянныхъ постройкахъ.

Когда мы легли, игуменья пришла пожелать намъ спокойной ночи и поставила между нами два стакана и объемистую бутыль, обернутую соломой, называемую здѣсь „Дамьяна“ *). Около ведра бѣлаго вина назначалось для утоленія нашей жажды за ночь. Мать игуменья вѣроятно знала поговорку „человѣкъ не скотина — больше одного ведра не выпьетъ“.

Комары кусали насъ съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ и въ Тульчѣ; мы не бѣжали отъ нихъ въ келью только изъ боязни попасть изъ Харибды въ Сциллу.

Около полуночи раздалось нѣсколько выстрѣловъ, за которыми послѣдовалъ трезвонъ колоколовъ. Набату аккомпанировалъ стукъ въ деревянныя колотушки или трещетки, замѣнявшія колокола во время мусульманскихъ гоненій. Мы догадались, что ожидаемые разбойники дѣйствительно появились

* „Dame-Jeanne“ во Франціи.

и имѣли теперь дѣло съ казаками. Оказалось, что нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ пробовали проникнуть въ монастырь, но наткнулись на казачій секретъ и послѣ перестрѣлки бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ двухъ плѣнныхъ. У насъ раненыхъ не было. Этотъ переполохъ скоро стихъ, но собаки продолжали лаять цѣлую ночь и не давали спать; изъ освѣщенной церкви доносилось заглушаемое стѣнами пѣніе монахинь. Только подъ утро удалось намъ сомкнуть глаза, а потому пробудились мы поздно. Громадная толпа богомольцевъ и любопытныхъ окружала насъ, всѣ были въ праздничныхъ одеждахъ; между ними выдѣлялись городскіе жители, мужчины и дамы, одѣтые въ удивительные наряды, подражавшіе отжившимъ парижскимъ модамъ; были даже кринолины и другія допотопныя принадлежности туалета. Публика оглядывала насъ съ почтительнымъ любопытствомъ, говоръ стихалъ въ переднихъ рядахъ, гдѣ знаками давали знать заднимъ, что не надо шумѣть, чтобы насъ не обезпокоить.

Матушка игуменья, узнавъ, что мы пробудились, пришла освѣдомиться, хорошо ли мы почивали. Не приписала ли она, а также многочисленное общество, насъ окружающее, столь продолжительный сонъ вліянію „Дамьяны“, въ укоръ намъ стоявшей у изголовья. Однако, несмотря на сотни глазъ, устремленныхъ на насъ со всѣхъ сторонъ, нужно было одѣваться; мы не знали, что дѣлать. Наконецъ, Бѣлоцерковецъ нашелъ выходъ изъ этого щекотливаго положенія: при помощи большого зонтика и простыни онъ устроилъ укрытіе отъ взоровъ окружающихъ насъ. Подъ этимъ укрытіемъ мы наскоро одѣлись и затѣмъ, окончивъ свой туалетъ въ отведенной намъ кельѣ, отправились въ церковь. По нашемъ приходѣ началась обѣдня. Митрополитъ и прибывшій съ нимъ діаконъ запѣвали въ носъ по гречески, тогда какъ монашенки стройнымъ хоромъ пѣли церковнославянскую литургію. Бѣлоцерковецъ и я стояли передъ царскими вратами; на Большомъ Выходѣ, послѣ поминанія Царской фамиліи, митрополитъ помянулъ Ивана Бѣлоцерковца и меня.

Сейчасъ послѣ службы мы сѣли за столъ; обѣдъ былъ еще продолжительнѣе вчерашняго, тосты были провозглашены

Пробужденіе въ Успенскомъ монастырѣ.

въ честь каждаго изъ присутствующихъ. Митрополитъ говорилъ рѣчи, въ которыхъ Бѣлоцерковецъ уподоблялся Моисею и другимъ пророкамъ, а меня онъ называлъ архистратигомъ.

Передъ отъѣздомъ мы посѣтили подземелья, въ которыхъ хранились чудотворныя мощи; казаки съ зажженными факелами освѣщали ходъ, расширяющійся въ одномъ мѣстѣ настолько, что все общество могло въ немъ собраться. Митрополитъ запѣлъ: „спаси, Господи, люди Твоя“, казаки составили хоръ, звуки разносились далеко по рукавамъ подземелья, выходящимъ за монастырскими стѣнами.

На обратномъ пути въ Тульчу мы посѣтили одну гречанку, содержательницу духана, которую болгарскіе разбойники недавно пытали, поджигая подошвы на огнѣ; она была спасена отъ смерти появленіемъ обоза, шедшаго по пути, но на всю жизнь останется калѣкою.

По возвращеніи въ лагерь, командиръ полка передалъ мнѣ, что графъ Орловъ-Денисовъ телеграммою требовалъ насъ къ себѣ въ Браиловъ. Пока мы обсуждали, какимъ путемъ отправиться, пароходъ и миноноски, стоявшія въ Тульчѣ, двинулись вверхъ по Дунаю. Явилась мысль: не въ Браиловъ ли они идутъ, и тотчасъ же было рѣшено воспользоваться, если представится возможность, этимъ удобнѣйшимъ средствомъ сообщенія. Я поскакалъ къ берегу Дуная за уходящими судами и, поровнявшись съ ними, крикнулъ: „Куда идете?“ Мнѣ отвѣтили: „въ Измаилъ“. Карьеромъ я вернулся назадъ и засталъ лошадей Пономарева и драбантовъ уже засѣдланными, а наши вещи уложенными въ маленькій ручной чемоданъ.

Хотя изъ Измаила еще далеко до Браилова, но все же по дорогѣ, и лучше часть пути скоротать на палубѣ спокойно скользящаго по рѣкѣ парохода, чѣмъ трястись по ухабамъ проселка. Мы погнали коней за флотиліей, которая успѣла за это время уйти далеко и, догнавъ ее, упросили капитана взять насъ на бортъ. Согласіе получено, но представлено намъ самимъ найти средство взобраться на пароходъ, идущій на всѣхъ парахъ, такъ какъ морякамъ нельзя было терять время, потребное для спуска шлюпки. Къ счастью, впереди мы уви-

дѣли вытащенную на берегъ рыбачью лодку; съ помощью казаковъ она спущена въ воду, мы налегли на весла, черезъ минуту были у парохода, поднялись по трапу и явились командиру судна.

Моряки передали намъ, что слышанная утромъ пушечная пальба, которую мы приняли за бомбардировку Сулина, происходила въ ознаменованіе новаго подвига нашего флота: получено было извѣстіе о взрывѣ турецкаго монитора въ Сухумѣ капитанъ-лейтенантомъ Макаровымъ.

Осторожнѣе съ шестомъ.

Отъ Тульчи до Измаила мы шли вдоль низменныхъ лѣсистыхъ береговъ, совершивъ рейсъ въ $3^1/_2$ часа.

Ночь была очень темная, мы бросили якоръ въ виду Измаила, намъ предстояло сойти на берегъ на миноноскѣ; когда я спускался въ одну изъ нихъ, раздался сверху голосъ вахтеннаго офицера: „осторожнѣе съ шестомъ“. Я зналъ что говорилось о шестѣ, на концѣ котораго прикрѣпленъ боченокъ съ разрывнымъ зарядомъ мины. Со стороны плеска подходящей шлюпки, на высотѣ головы, выдѣлился изъ мрака и медленно

Отъѣздъ въ Галацъ.

надвигался на меня черный предметъ — я узналъ миноносный боченокъ. Отогнулся я назадъ, прижался всѣмъ тѣломъ къ рубкѣ, а боченокъ все тѣмъ же неспѣшнымъ движеніемъ приближался ко мнѣ. Наконецъ, я не выдержалъ и крикнулъ тоже: „Да осторожнѣе съ шестомъ, чортъ васъ возьми!“ и зловѣщій боченокъ отстранился. Потомъ объяснилось, что опасности взрыва я не подвергался; мина можетъ быть взорвана только при соединеніи проволокъ гальванической батареи, а предостереженіе давалось изъ опасенія поломать шестъ, замѣнить который было бы трудно.

Въ Измаилѣ мы остановились ночевать въ гостиницѣ Луки Тафрали, нанявъ съ вечера извощичью коляску, запряженную тройкой, для доставленія въ Браиловъ.

Полъ дня мы ѣхали вдоль восточнаго берега озера Ялпухъ, обѣдали въ Болградѣ, а оттуда, оставивъ вправо границу Россіи, свернули на Рени. Шлагбаумъ и нѣсколько пограничныхъ стражей въ русскихъ мундирахъ обозначали границу; туда устремлены были всѣ наши мысли: жадно вглядывались мы въ пустынную, непривлекательную полосу земли, за которою простиралось родное отечество.

Нашъ путь пролегалъ вдоль строющейся на скорую руку Бендеро-Галацкой желѣзной дороги, производящей впечатлѣніе возведеннаго только для виду сооруженія.

Переночевавъ въ Галацѣ, мы на другой день утромъ прибыли въ Браиловъ и представились бригадному командиру; онъ передалъ Пономареву пожалованный ему Георгіевскій темлякъ на золотую шашку, за дѣла, въ которыхъ участвовалъ № 29 полкъ, а мнѣ Владиміра IV степени съ мечами и бантомъ, за рекогносцировку къ Хаджи-Оглу-Базарджику. Графъ Орловъ-Денисовъ и Милютинъ получили золотое оружіе, а Бушенъ — Владиміра IV степени.

Чтобы вспрыснуть первыя боевыя награды, рѣшено ѣхать ужинать въ Галацъ, къ старому пріятелю Просперу. Меню заказано по телеграммѣ. Отъ вечерняго поѣзда до утренняго просидѣли мы за стаканами вина, вспоминая недавно минувшія событія, связывающія насъ боевымъ товариществомъ. Теперь

же приходилось намъ разставаться, такъ какъ графъ Орловъ получилъ бригаду въ арміи Наслѣдника Цесаревича, куда назначенъ и Милютинъ; Бушенъ возвращался въ распоряженіе командира 14-го корпуса, Пономаревъ въ Бабадагъ, а я, съ разрѣшенія командира полка, командированъ къ походному атаману, чтобы имѣть случай просить о переводѣ въ одинъ изъ полковъ Плевненскаго отряда, не прибѣгая къ черепашьему ходу казенной переписки: подъ Плевной въ скоромъ времени

ожидалась развязка, на которой мнѣ непремѣнно хотѣлось присутствовать.

Изъ Браилова графъ не могъ выѣхать ранѣе 21-го августа, а потому и мы согласились подождать еще два дня, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Бухарестъ, а оттуда ужъ разъѣзжаться кому куда нужно.

Поѣзда съ ранеными приходили все чаще и чаще, производя эвакуацію въ Россію и частью въ Яссы, гдѣ имѣлись обширные госпитали. Раненые прибывали преимущественно изъ за Балканъ.

23-го августа, послѣ продолжительнаго обѣда у Брофта въ Бухарестѣ, мы провели послѣдній вечеръ вмѣстѣ, а на другой день, рано утромъ, Орловъ, Милютинъ и я поѣхали въ Журжево, а Пономаревъ и Бушенъ вернулись къ своимъ частямъ. Не зная, послѣдуетъ ли разрѣшеніе походнаго атамана на мой переводъ въ другой полкъ, я не бралъ лошади, а изъ вещей со мною было только немного бѣлья, которое мой драбантъ успѣлъ кинуть въ дорожную сумку Пономарева, при поспѣшномъ выѣздѣ изъ Тульчи.

Изъ Журжева мы наняли извощичій фаэтонъ до Зимницы. Тамъ не было ни одного свободнаго угла: интендантскіе и другіе чиновники, евреи, искатели приключеній всѣхъ націй и много другого темнаго люда скучилось на рубежѣ военныхъ дѣйствій, тамъ, гдѣ въ совершенной безопасности можно слѣдить почти непосредственно за разыгрывающейся впереди драмой. Въ трехъ или четырехъ гостиницахъ Зимницы спали по нѣсколько человѣкъ въ каждой комнатѣ, спали въ корридорахъ, спали въ галлереяхъ, спали въ столовыхъ на столахъ обѣденныхъ и билліардахъ,—все было набито биткомъ. Но кто и получилъ бы за дорогую цѣну право примоститься куда нибудь, не нашелъ бы возможнымъ сомкнуть глазъ до утра, т. к. во всѣхъ комнатахъ шла азартная картежная игра. Съ безжалостнымъ звономъ пересыпалось золото изъ рукъ въ руки, корысть свѣтилась во всѣхъ глазахъ, руки нервно корчили влажные отъ волненія пальцы, голоса охрипли, волосы взъерошены; протягивающій руку за новымъ выигрышемъ придерживалъ другой карманъ, чтобы не ввести въ соблазнъ нескромнаго сосѣда. Метали банки артисты, видавшіе виды и не разъ знакомившіеся съ боксомъ просвѣщенныхъ мореплавателей. Впрочемъ, понтерамъ проигрышъ нечувствителенъ, деньги у нихъ легко наживныя,—гнилые консервы, заплеснѣлые сухари, прѣлые сапоги, прогнанные безъ расчета мужики-погонщики—все гешефтъ, все служило къ обогащенію этой стаи хищниковъ, слѣдующихъ за войсками. Такія же картины представляютъ вновь открываемые рудники, захваченные искателями приключеній.

Не находя нигдѣ пристанища, мы улеглись подъ навѣсомъ какого то запертаго дома. Ночь была холодная, дождь лилъ какъ изъ ведра; въ густой и жидкой грязи плескались и вязли безпрерывно нескончаемые обозы. На разсвѣтѣ мы отправились разыскивать какой нибудь экипажъ, чтобы добраться до Систова, гдѣ, говорятъ, имѣлись извощичьи коляски для слѣдованія ко всѣмъ пунктамъ, занятымъ нашими войсками. Послѣ многихъ странствованій и хлопотъ была добыта каруца, на которую мы всѣ взгромоздились кое какъ. На мосту черезъ Дунай, благодаря счастливой случайности, насъ задержали только три часа, за то на крутомъ подъемѣ у Систова пришлось долго ожидать, пока вытаскивали застрявшія въ грязи провіантныя повозки, загораждавшія дорогу.

Изъ Систова мы поѣхали въ колескѣ въ Чаушъ-Магала, гдѣ находилась тогда Императорская квартира; тамъ остались графъ Орловъ и Милютинъ, а я проѣхалъ въ Раденицу — штабъ-квартиру главнокомандующаго. Отпустивъ извощика, не хотѣвшаго дожидаться до слѣдующаго дня, я пошелъ искать сослуживцевъ, состоящихъ нынѣ при штабѣ. На лицо оказался только одинъ, любезно предложившій мнѣ половину палатки и кровать отсутствующаго сожителя. Начальникъ полевого штаба отказался меня принять и на мою просьбу приказалъ отвѣтить, что участвовать въ предстоящей атакѣ мнѣ можетъ быть позволено лишь въ томъ случаѣ, если я войду въ составъ Плевненскаго отряда. Я обращался къ двумъ командирамъ казачьихъ полковъ, расположенныхъ въ Раденицѣ, съ просьбою разрѣшить мнѣ остаться на время боя при ихъ частяхъ, но они не нашли возможнымъ на это согласиться, а совѣтовали съѣздить въ Горный Студень, гдѣ лежалъ больной нашъ походный атаманъ, и отъ него получить предписаніе на прикомандированіе къ одному изъ полковъ, находящихся подъ Плевной.

Отъ Раденицы до Горнаго Студеня около 40 верстъ, но не разстояніе пугало меня, а боязнь опоздать къ штурму, который ожидался на послѣзавтра.

Нанять лошадей было негдѣ; заикнулся я было о своей нуждѣ товарищу, но тотъ объяснилъ мнѣ, что у него только

двѣ запасныхъ лошади, что въ виду предстоящаго боя ему необходимо имѣть обѣихъ при себѣ; я болѣе не настаивалъ и, вставъ на другой день чуть свѣтъ, пустился въ путь пѣшечкомъ, въ надеждѣ къ вечеру добраться до Горнаго Студеня, а ночью вернуться обратно, быть можетъ, на конѣ, такъ какъ говорятъ, что у тамошнихъ болгаръ осталось еще 2 или 3 лошади не реквизицированныя. Прошелъ я десятокъ верстъ и собирался уже присѣсть отдохнуть, какъ раздался сзади грохотъ подъѣзжавшаго экипажа. Въ извощичьей коляскѣ ѣхалъ офицеръ съ бѣлымъ околышемъ; поровнявшись со мной, онъ велѣлъ остановиться и любезно предложилъ меня подвезти, если намъ было по дорогѣ. Онъ ѣхалъ черезъ Горный Студень въ армію Наслѣдника Цесаревича. Я съ радостью принялъ предложеніе, избавлявшее меня отъ утомительнаго пѣшеходнаго странствованія, а главное, давало мнѣ возможность скорѣе вернуться подъ Плевно.

Въ Чуашъ-Магала мы кормили лошадей. Во время остановки я зашелъ въ церковный шатеръ, гдѣ служился молебенъ, по случаю дня рожденія Наслѣдника Цесаревича; подъ конецъ службы раздались залпы Плевненскихъ батарей, какъ бы по заказу.

Незнакомые офицеры, стоявшіе здѣсь на бивакѣ, пригласили меня завтракать; таково гостепріимство въ арміи; къ сожалѣнію не могу того же сказать о другихъ частяхъ, тѣмъ паче о штабахъ, гдѣ такой радушный пріемъ не встрѣчался.

Благодаря краснорѣчію трехъ серебряныхъ рублей, извощикъ сократилъ свою сіесту на цѣлый часъ и быстро доставилъ насъ въ Горный Студень.

„Дома ли генералъ?“, — спросилъ я деньщика походнаго атамана, а у самого сердце билось отъ волненія, — а ну какъ онъ уѣхалъ куда-нибудь!

„Генералъ спитъ“, — отвѣтилъ драбантъ. — Боже мой, опять промедленіе. А между тѣмъ будить атамана я не рѣшался, а то, пожалуй, онъ могъ бы мнѣ отказать только потому, что былъ обезпокоенъ несвоевременно.

Я былъ такъ озабоченъ, что не замѣчалъ жарко или нѣтъ и только теперь, когда я сѣлъ въ тѣни на крылечкѣ, по-

чувствовалъ, какъ жгло на солнцѣ. Прошло 10 минутъ, четверть часа, страхъ отказа овладѣвалъ мною все болѣе и болѣе; это мученіе было нестерпимо, я рѣшился разбудить больного генерала и чуть не съ плачемъ умолялъ его не отказать мнѣ въ просьбѣ. Атаманъ согласился, въ канцеляріи написано предписаніе о прикомандированіи меня къ 34-му Донскому казачьему полку, состоящему въ 9-мъ корпусѣ, подписано атаманомъ и я бѣгу въ деревню искать коня для обратнаго путешествія. Послѣ долгихъ поисковъ, нашелся только жеребенокъ на второмъ году, котораго я купилъ вмѣстѣ съ овчиною, замѣнявшей сѣдло, и веревками, служившими уздечкой и трокомъ со стременами. Мнѣ было такъ жалко слабой еще лошаденки, что я большую часть пути шелъ пѣшкомъ, а садился на нее только для кратковременнаго отдыха.

Уже темнѣло когда я подходилъ къ Болгарени, гдѣ стоялъ конвойный эскадронъ Государя, подъ командою полковника Норда, онъ долженъ былъ черезъ часъ идти въ Раденицу и я рѣшился обождать выступленія, чтобы слѣдовать вмѣстѣ, не рискуя заблудиться въ незнакомой мѣстности, среди тьмы осенней ночи.

Въ Раденицѣ я опять воспользовался кроватью отсутствующаго товарища и вытянулъ съ наслажденіемъ, усталыя отъ продолжительной ходьбы ноги.

На другой день, 27-го августа, главная квартира переѣзжала ближе къ Плевно. Ожидали сегодня штурма. Опять я надѣлъ овчину на сбитую и подавшуюся уже спину моей лошаденки и иду по направленію слышанной пальбы. Свернувъ въ сторону отъ большой дороги, я пробирался сквозь рѣдкій кустарникъ, чтобы не попасть на глаза Великому Князю, который въ скоромъ времени долженъ былъ проѣхать впередъ на позицію. Въ запыленномъ, поношенномъ мундирѣ, на неосѣдланной клячѣ я представлялъ комичное зрѣлище и ни за что не согласился бы быть замѣченнымъ въ такомъ видѣ главнокомандующимъ или кѣмъ либо изъ его блестящей свиты; я не ускользнулъ однако отъ взоровъ одного знакомаго дипломата, Михаила Хитрова, состоявшаго при главной квартирѣ. Онъ уди-

вился моей фигурѣ, но не смѣялся, зная, что строевому офицеру мудрено быть изящно одѣтымъ во время войны. Но мнѣ самому было стыдно за себя: кавалеристъ и безъ коня, я чувствовалъ себя приниженнымъ, какъ будто не владѣющимъ всѣми своими органами.

Долго я ѣхалъ и шелъ пѣшкомъ, а выстрѣлы казались все на томъ же разстояніи. Вотъ, на обширной полянкѣ показалась пѣхота на привалѣ; то былъ полкъ подъ командою полковника Татищева. Меня все терзала мысль, что я опоздаю къ штурму или не буду имѣть возможности участвовать въ дѣлѣ, не состоя при какой либо части. Казачій полкъ, къ которому я былъ прикомандированъ, неизвѣстно гдѣ находился и представлялось мало надежды мнѣ, пѣшему, разыскать самую подвижную конницу. Чтобы заручиться участіемъ въ предстоящемъ бою, я просилъ разрѣшенія командира полка, полковника Татищева, слѣдовать съ ними, когда они перейдутъ въ наступленіе; онъ согласился, но предупредилъ, что полкъ его назначенъ быть въ резервѣ; я поторопился откланяться и идти дальше.

По пути встрѣтились мнѣ кіевскіе гусары, идущіе съ водопоя,—знакомый полкъ, т. к. до войны мы служили вмѣстѣ въ Чугуевѣ. Разсказывали мнѣ солдатики, что во время забалканскаго похода много лошадей пало отъ непривычки къ условіямъ походной жизни, отъ непосильной работы и плохого корма. Это вѣчная исторія всей регулярной кавалеріи, испорченной манежной ѣздой и пагубной холей. Мы подошли къ биваку гусарскаго полка. Командиръ полка, баронъ Корфъ и офицеры сидѣли вокругъ ковра, на которомъ кипѣлъ самоваръ; потолковали немного о прежней жизни и о событіяхъ войны и я опять пустился въ путь, получивши нѣкоторыя указанія о мѣстѣ нахожденія 34-го казачьяго полка.

Мѣстность замѣтно понижалась, впереди чередовались холмы, за которыми скрывалась Плевна. Совсѣмъ близко, казалось подо мною, раздался орудійный выстрѣлъ; чрезъ нѣсколько шаговъ я увидѣлъ предъ собою крутой спускъ къ батареѣ, расположенной въ полугорѣ—то была 9 фунт. батарея,

стрѣлявшая куда то въ пространство. Тамъ собралось довольно пестрое общество: военные агенты—Welesley, Gaillard, нѣсколько корреспондентовъ и штабныхъ офицеровъ.

Хотя отъ этой батареи до с. Гривицы было далеко, но въ хорошій полевой бинокль можно было различить кипѣвшій тамъ бой: цѣпь стрѣлковъ подвигалась, извиваясь впередъ, за ними перебѣгали отдѣльныя кучки—частные резервы, сзади шли большія колонны—общіе резервы, дымки безпрестанно вспыхивали въ цѣпи, доносилась отдаленная трескотня, а иногда и невыдержанные залпы, какъ звукъ разрываемой плотной матеріи.

Мелькомъ я увидалъ Милютина, проскакавшаго куда то съ приказаніемъ отъ Государя, но не успѣлъ его разспросить, какимъ образомъ онъ попалъ въ Плевненскій отрядъ.

Услыхавъ, что штабъ 9-го корпуса былъ расположенъ въ с. Згалуйцы, я просилъ указать мнѣ направленіе и, за неимѣніемъ дорогъ, пустился на прямикъ внизъ подъ гору.

Настала ночь. Лошадь моя передвигала еле-еле ноги, я тоже усталъ и вдобавокъ такъ запутался въ кустахъ, что рѣшительно не могъ дать себѣ отчета, откуда я ѣхалъ и куда направиться далѣе. Перестрѣлка смолкла, такъ что оріентироваться по выстрѣламъ болѣе нельзя. Вдругъ послышался топотъ лошадей и раздалось: „гей, казакъ". Я узналъ голосъ товарища, Ризенкампфа, съ которымъ видѣлся раньше въ Плоэшти, я назвалъ себя и мы обнялись, обрадовавшись неожиданной встрѣчѣ. Не зная, гдѣ была моя часть, мнѣ всюду было по дорогѣ, я поѣхалъ съ Ризенкампфомъ. Пробродивши болѣе часу мы наткнулись на артиллерійскій транспортъ, разыскивающій также штабъ 9-го корпуса; я не хотѣлъ пропустить такого удачнаго случая, простился съ товарищемъ и, привязавъ свою лошадь къ одной изъ телѣгъ, самъ комфортабельно устроился въ ней между мѣшками съ ячменемъ. Скоро транспортъ остановился, ѣхать далѣе въ такую темь было невозможно. Послѣдняя надежда на ужинъ исчезла и я рѣшился заснуть въ той же телѣгѣ.

Орудійный залпъ разбудилъ меня. Начинался день 28 августа предварительная бомбардировка плевненскихъ позицій. Солнце

Ночлегъ подъ Плевною.

не всходило, обозъ, на который я набрелъ ночью, еще дремалъ, только кое-гдѣ кони пожевывали заложенное имъ съ вечера сѣно.

Осмотрѣвшись, я узналъ направо, на возвышенности, ту батарею, съ которой вчера наблюдалъ за боемъ у деревни Гривицы, а впереди, въ лощинѣ и самую деревню. Не дожидаясь пробужденія моихъ случайныхъ спутниковъ, я направился къ Гривицѣ, разсчитывая тамъ узнать что либо о своей части — 34-мъ донскомъ казачьемъ полкѣ. Лошадь моя, утомленная усиленнымъ вчерашнимъ переходомъ, едва переступала ногами; пришлось вести ее въ поводу. Въ деревнѣ были только болгары, они сказали мнѣ, что „Московъ-аскеръ“ *) впереди, гдѣ раздаются выстрѣлы, я направился туда, поручивъ коня одному изъ жителей, наружность котораго внушала мнѣ болѣе довѣрія. За деревней поднялся на пологій кряжъ, перебрался черезъ оврагъ и вышелъ на плоскость; не долго, однако, пришлось мнѣ идти по ровному мѣсту, опять оврагъ пересѣкалъ мой путь, на противоположной его сторонѣ поднимался надъ окружающею мѣстностью большой курганъ, съ высоты котораго я надѣялся высмотрѣть расположеніе нашихъ войскъ. По крутому подъему взобрался я на вершину кургана и увидѣлъ шагахъ въ полутораста желтую высокую насыпь укрѣпленія, а за нею головы въ фескахъ. Показались дымки, раздались выстрѣлы и знакомый пѣвучій звукъ прицѣльныхъ пуль и жужжаніе рикошетныхъ убѣдило меня, что я замѣченъ.

Нѣсколько турокъ поднялись изъ близъ лежащихъ ложементовъ и побѣжали ко мнѣ на встрѣчу; я, конечно, не сталъ ихъ дожидаться и пустился на утекъ. Подъ гору я такъ разбѣжался, что не могъ болѣе сдерживаться и владѣть ногами, и если бы камень или комъ земли попался мнѣ подъ ноги, то я навѣрно полетѣлъ бы черезъ голову. Не разсчитывая на обратномъ пути встрѣтить поддержку, я свернулъ влѣво и побѣжалъ по новому направленію. Погоня продолжалась и какъ будто настигала меня, я думалъ, что не миную плѣна или смерти. Утомленный и обезсиленный отъ недостатка пищи и

*) То-есть русскіе солдаты.

недоспанныхъ ночей, я терялъ энергію и готовъ былъ мириться съ ожидавшею меня участью, какъ бы ни была она тяжела. Но вотъ выросли предо мною какія то фигуры и раздались частые выстрѣлы. „Кончено, надо умирать!“ — рѣшилъ я, продолжая бѣжать по крутому скату на встрѣчу врагу, безъ возможности остановиться. На ходу я выхватилъ шашку, замахнулся на преграждавшихъ мнѣ дорогу людей, но они вѣжливо разступились, и я тогда только узналъ въ нихъ румынъ-доробанцевъ. Они

Погоня.

давно уже слѣдили за моими похожденіями изъ траншей, расположенныхъ у двухъорудійной батареи, стрѣлявшей немного въ сторонѣ, и видя мое бѣгство и преслѣдовавшихъ меня турокъ, спустились въ оврагъ и выстрѣлами остановили погоню.

Меня провели къ командиру румынской батареи, выдвинутой въ эту ночь на разстояніе 800 метровъ отъ грознаго Абдулъ-Керима, такъ называемаго Гривицкаго редута, о который разбивались наши штурмующія колонны 8-го и 18-го іюля.

На гребнѣ небольшого холма былъ вырытъ окопъ, по краямъ котораго, прикрываясь тощимъ валикомъ, стояли двѣ

дальнобойныя пушки; по обѣимъ сторонамъ, шагахъ въ пятидесяти, были заложены траншеи для пѣхотнаго прикрытія. Впереди ровная площадь простиралась до турецкаго редута, представляя прекрасный обстрѣлъ. Сзади мѣстность понижалась до оврага, идущаго къ деревнѣ Гривицѣ, а за Гривицей поднимались командующія высоты, на которыхъ вдали расположились наши 12-тифунтовыя и другія батареи. Правѣе и назади энергично и мѣтко стрѣляла та румынская батарея,

Доробанцы выручили.

отъ которой выдвинулись упомянутыя два орудія; этотъ передовой взводъ находился подъ начальствомъ самого батарейнаго командира, маіора Фалькояно. Кромѣ командира здѣсь были четыре офицера и 30 нижнихъ чиновъ артиллеристовъ, а также начальникъ пѣхотнаго прикрытія, капитанъ Прунко. Я представился офицерамъ и объяснилъ имъ, какимъ образомъ сюда попалъ. Меня приняли любезно и предложили подсѣсть къ мискѣ съ какимъ то варевомъ, казавшимся съ голодухи чрезвычайно аппетитнымъ. Офицеры говорили по французски.

Фалькояно брюнетъ, лѣтъ 35; его умные глаза глядѣли привѣтливо, онъ былъ покоенъ, говорилъ мало, но дѣльно и увѣренно. Совсѣмъ иной типъ представлялъ Прунко, небольшого роста, коренастый, сѣдой старикъ, видавшій не мало на своемъ вѣку; онъ былъ въ Мексикѣ съ Максимиліаномъ, дрался въ рядахъ Гарибальдійцевъ и въ герильясахъ Донъ-Карлоса въ Испаніи; грудь его была украшена множествомъ разнообразныхъ орденовъ и медалей; болталъ онъ безъ умолку, разсказывалъ о своихъ довольно фантастическихъ похожденіяхъ и частенько прикладывался къ объемистой фляжкѣ. Остальные офицеры, какъ и всѣ румыны, при постороннемъ не могли воздержаться отъ пустого самохвальства. Впрочемъ, это продолжалось не долго; вскорѣ налетѣлъ на насъ свинцовый ураганъ, который зажалъ имъ губы. Фалькояно сказалъ, что они потому такъ рано закусываютъ (было 6 часовъ утра), что едва ли представится возможность получить горячую пищу нѣсколько позже, такъ какъ непріятель, вѣроятно, сейчасъ же примется за разстрѣливаніе слишкомъ смѣло выдвинувшейся впередъ батареи. Онъ не ошибся; лѣнивая канонада турокъ была только паузой передъ ожесточеннымъ артиллерійскимъ боемъ.

Показался изъ редута дымокъ и высоко надъ нами прошипѣла граната, нѣсколько секундъ спустя, другая впилась въ насыпь нашего ложемента и, разорвавшись, подняла землю снопомъ, затѣмъ уже каждый снарядъ срѣзалъ гребень насыпи или зарывался въ его толщѣ. Кромѣ орудійной прислуги, работавшей безъ перерыва, остальные потѣснились къ слабо защищавшему насъ укрѣпленію. Передки и зарядные ящики стояли немного позади, пользуясь лощиной, скрывавшею ихъ отъ взоровъ непріятеля, но никакъ не отъ его снарядовъ. Чтобы слѣдить за выстрѣлами изъ редута, одинъ изъ фейерверкеровъ сталъ на брустверъ, но былъ почти мгновенно сваленъ двумя изъ нѣсколькихъ десятковъ посыпавшихся на него пуль. Одинъ изъ наводчиковъ былъ тоже убитъ пулей; на его мѣсто сталъ другой и тотчасъ же упалъ прострѣленный пулей въ глазъ. Артиллеристу, нагибавшемуся, чтобы поднять зарядъ, пуля вонзилась между лопатками и спустилась вдоль спины; одинъ изъ

офицеровъ извлекъ ее перочиннымъ ножемъ и поднесъ раненому, который, осмотрѣвъ ее внимательно, припряталъ какъ вѣрный талисманъ. Граната, пролетѣвъ по касательной чрезъ наши головы, бухнулась въ мягкое тѣло одной изъ орудійныхъ лошадей, другая, какъ будто воспользовавшись указанною ею дорогой, разорвалась между лошадьми, убила одну и ранила двухъ. Скучились, перепутались лошади, храпятъ, фыркаютъ. Вотъ здоровая лягаетъ въ брюхо убитой ея пары, раненыя взвиваются на дыбы и опрокидываются. Дышло поломано, зарядный ящикъ опрокинутъ, передокъ подбитъ, люди съ трудомъ удерживаютъ лошадей. Я посовѣтовалъ высыпать тутъ же заряды, а передки и зарядные ящики отвезти назадъ, но почему то нашли это неудобнымъ.

За насыпью имѣлся ровъ только въ три фута глубиной, при незначительной ширинѣ, въ которомъ можно было считать себя внѣ выстрѣловъ; въ немъ сидѣли офицеры и два-три солдата; я растянулся на пологой поверхности холма позади рва, вмѣстѣ съ прочими нижними чинами. Почти съ каждою гранатой насъ обсыпало землей: насыпь была настолько тонка, что снарядами гребень ея былъ уже взбуравленъ на половину. Нѣкоторыя гранаты разрывались въ пяти-шести шагахъ позади насъ, но до сихъ поръ, кромѣ убыли въ лошадяхъ и порчи передковъ, вреда намъ не дѣлали. Вдругъ меня оглушило страшною оплеухой, и что то теплое, мокрое и липкое брызнуло мнѣ въ лицо и засыпало землей; я сталъ отряхиваться, и когда протеръ глаза, увидѣлъ, что мой сосѣдъ лежитъ съ кровавою дырой въ плечахъ, вмѣсто головы, а у меня на лицѣ и на мундирѣ размазались частички мозга; значитъ для насъ стало не безопасно. Не разъ поглядывалъ я въ ровикъ, въ которомъ тѣсно сидѣли румыны; стыдно было просить ихъ еще потѣсниться, а признаюсь, я не могъ не позавидовать имъ. Но не долго и они пользовались сравнительнымъ спокойствіемъ: дальнія турецкія укрѣпленія, заглядывавшія намъ съ лѣваго бока, обратили на насъ вниманіе и, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ выстрѣловъ, угодили какъ разъ въ самый ровъ, гдѣ до сихъ поръ благодушествовали мои случайные товарищи; одному

артиллеристу выбило осколкомъ плечо съ рукой и половиной груди. Съ этой минуты на нашей маленькой площадкѣ не было квадратнаго вершка мертваго пространства, все обстрѣливалось встрѣчнымъ и анфиладнымъ огнемъ дальнихъ батарей; мы служили для нихъ одною общею мишенью. Иные раненые стонали тихо, другіе корчились въ страшныхъ мученіяхъ, завывая, какъ бабы. „Помогите, помогите“, кричали они, просили воды, которую жадно въ себя втягивали, какъ будто съ нею впивали спасеніе; нѣкоторые читали молитвы, слышалось: „Іезусъ, Марія“, и цѣлый рядъ причитаній, многіе крестились.

Въ это время, вѣроятно, и прикрытію пришлось плохо, солдаты сразу вышли изъ своихъ траншей и побѣжали назадъ. Капитанъ Прунко выхватилъ револьверъ и хотѣлъ стрѣлять въ бѣгущихъ, но я остановилъ его, сказавъ, что этимъ не задержишь людей, охваченныхъ паникой, что лучше подвести ихъ опять, когда они оправятся и придутъ въ себя, и тогда положить ихъ позади траншей, въ кукурузномъ полѣ, гдѣ будетъ меньше потерь.

Одинъ изъ офицеровъ замѣтилъ, что тутъ оставаться невозможно, что нужно откатить и увезти чудомъ уцѣлѣвшія орудія, что турки ихъ заберутъ непремѣнно, такъ какъ у насъ нѣтъ болѣе прикрытія для ихъ защиты, а непріятелю пройти 800 метровъ, не подвергаясь ни одному выстрѣлу, конечно не трудно. „Батарея будетъ защищать себя сама“, отвѣтилъ Фалькояно, „а я умру при своихъ орудіяхъ, но отсюда не отойду ни на шагъ“.

Прунко ушелъ, офицеры и нижніе чины пали духомъ, одинъ только Фалькояно какъ будто даже просвѣтлѣлъ отъ сознанія, что исполняетъ свой долгъ.

Въ началѣ боя я думалъ разыскивать своихъ, чтобы съ ними вмѣстѣ раздѣлить удачу или горе дня, но въ эту минуту, когда румынская батарея находилась въ столь бѣдственномъ состояніи, считалъ неудобнымъ ее покинуть.

Одно изъ двухъ орудій было подбито, между лошадьми и ящиками лопнуло уже нѣсколько гранатъ, тамъ была такая каша, что не разберешь, гдѣ раненая, гдѣ здоровая лошадь:

На батареѣ Фалькояно.

подъ одною изъ нихъ лежалъ артиллеристъ съ раскинутыми въ стороны руками; его взглядъ устремился въ синюю глубь небесъ и такъ и замеръ. Фалькояно замѣтно страдалъ тѣми муками, которыя претерпѣвались его подчиненными. Онъ обратился ко мнѣ такъ, не для совѣта, но чтобы облегчить наболѣвшее сердце, чтобы сложить съ себя хоть на минуту тяжелую отвѣтственность за совершающіяся событія. „Что дѣлать", спросилъ онъ, видимо не ожидая отвѣта. Я предложилъ прикрыть шинелями тѣла убитыхъ, производящихъ дурное впечатлѣніе на солдатъ, раненыхъ посовѣтовалъ оттянуть до траншеи, гдѣ помѣщалось пѣхотное прикрытіе, оставшихся же живыхъ и не занятыхъ заряжаніемъ орудій думалъ заставить рыть траверзъ, который бы защитилъ насъ отъ анфиладнаго огня, самихъ же работающихъ отвлекъ бы на время отъ страшнаго напряженія нервной системы.

Однако уносить раненыхъ не нашлось охотниковъ, и первый, который всталъ, чтобы прикрыть тѣла убитыхъ, былъ тотчасъ же уложенъ между ними. Непріятельскіе стрѣлки не зѣвали, стоило лишь приподнять голову надъ брустверомъ и немедленно мимо ушей свистѣли десятки пуль. Рытье траверзовъ пошло удачнѣе, я взялся за лопату, за мною принялись и другіе, и въ короткій промежутокъ времени мы сдѣлали валъ, нѣсколько предохранявшій насъ отъ бокового обстрѣла.

Все время наши орудія стрѣляли безпрерывно, то, у котораго былъ подбитъ лафетъ, тоже не прекращало огня. Но вотъ фейерверкеръ докладываетъ командиру, что всѣ заряды разстрѣляны и что оставлено только по двѣ шрапнели на орудіе на случай вылазки турокъ. Фалькояно отправляетъ своему начальнику, полковнику Ангелеско, второе донесеніе о бѣдственномъ положеніи батареи, оставшейся безъ прикрытія, безъ зарядовъ и безъ лошадей для отвоза орудій. При этихъ условіяхъ турки могли бы легко завладѣть нашими орудіями, такъ какъ послѣ четырехъ выстрѣловъ шрапнелью мы встрѣтили бы ихъ одними шашками и банниками.

Непріятель стрѣлялъ мѣтко, чего нельзя было сказать сегодня про нѣкоторыя русскія батареи: снаряды 12-тифун-

товокъ далеко не долетали до цѣли; намъ можно было со стороны слѣдить за каждымъ выстрѣломъ.

Около двухъ часовъ пополудни отъ полковника Ангелеско получился, наконецъ, отвѣтъ на донесеніе Фалькояно о неимѣніи снарядовъ; онъ писалъ: „Activez le feu!“

Доробанецъ.

Только къ тремъ часамъ дня на рукахъ поднесли заряды, и молчавшія уже болѣе двухъ часовъ пушки снова заговорили. Огонь всѣхъ батарей, русскихъ и румынскихъ, былъ сосредоточенъ на Гривицкій редутъ и, вѣроятно, производилъ въ немъ большія потери. Около 4 часовъ у турокъ взорванъ зарядный ящикъ, наши два орудія каждымъ выстрѣломъ раззоряли его насыпь. Около пяти часовъ мы увидали спускающіяся изъ редута къ укрѣпленному лагерю непріятельскія орудія и колонну пѣхоты. Не покидаютъ ли его турки? Я предложилъ удостовѣриться, дѣйствительно ли опустѣлъ редутъ; восемь человѣкъ доробанцевъ изъ вернувшагося прикрытія изъявили желаніе идти со мною на рекогносцировку. Мы спустились въ тотъ оврагъ, гдѣ я былъ избавленъ румынами отъ преслѣдованія турокъ, и по дну его подошли къ знакомому кургану предъ редутомъ. Я взобрался на него, зная въ этотъ разъ, что впереди не „московъ-аскеръ“, а турецкое грозное укрѣпленіе, но оно не казалось болѣе страшнымъ: глубокое молчаніе царило въ немъ, не было даже видно орудій, и гранаты румынскихъ и нашихъ батарей, казалось, лопались надъ пустымъ пространствомъ Нѣтъ сомнѣнія, редутъ покинутъ непріятелемъ. „Ура!“ крикнулъ я, махая винтовкой, которою запасся про всякій случай. „Ура!“—крикнули румыны, но тутъ оказалось, что мы слишкомъ рано торжествовали побѣду: за брустверомъ появились турки, пробѣжали и слились бѣлые клубки дыма, и рой назойливыхъ пуль просвистѣлъ мимо ушей. Семь румынъ побѣжало назадъ, одинъ барахтался на землѣ около меня, а чрезъ нѣсколько секундъ вытянулся

и умеръ. „Одинъ въ полѣ не воинъ“, я послѣдовалъ за моей командой, отстрѣливаясь на ходу только злобы ради. Въ лощинѣ мы встрѣтили русскую роту стрѣлковъ, которая, дождавшись насъ, повернула обратно.

На позиціяхъ кругомъ перестрѣлка и бомбардировка стихли, солнце садилось. Я простился съ маіоромъ Фалькояно, искренно пожелавъ ему дальнѣйшаго успѣха; въ немного часовъ, про-

Рекогносцировка Гривицкаго редута.

веденныхъ съ нимъ подъ огнемъ, я не могъ не оцѣнить высокихъ качествъ его души.

Не разсчитывая разыскать свою часть въ темную ночь, я вернулся въ Гривицу, гдѣ рѣшился ночевать. Болгаринъ, у котораго я оставилъ лошадь, накормилъ меня чорбою и я залегъ на крылечкѣ, чтобы избѣгнуть нападенія паразитовъ и во время проснуться, въ случаѣ появленія въ деревнѣ турокъ; появленіе это было очень вѣроятно, такъ какъ наканунѣ еще Гривица переходила нѣсколько разъ изъ рукъ непріятеля въ

наши и обратно. Я слышалъ сквозь сонъ, что завязалась перестрѣлка, что она приближалась, мнѣ казалось, что бой кипитъ въ селѣ, я сознавалъ, что могъ быть захваченнымъ, какъ въ западнѣ, но не былъ въ силахъ стряхнуть съ себя тяжелую дремоту и подняться.

Заря стала заниматься когда я, совершивъ намазъ въ сосѣднемъ ручьѣ, побрелъ искать мой 34-й казачій полкъ. Лошадь совсѣмъ отказалась идти и я оставилъ ее у болгарина, предложившаго мнѣ ночлегъ. Отъ встрѣтившихся солдатъ Тамбовскаго полка я узналъ, что бивакъ ихъ неподалеку. Я зашелъ къ полковнику Головину, храброму и любимому командиру тамбовцевъ, котораго зналъ раньше. За стаканомъ чая мнѣ передали что происходило и что ожидается подъ Плевной. Говорили, что 34-й полкъ находится при штабѣ 9-го корпуса, а этотъ послѣдній расположенъ бивакомъ въ пяти верстахъ далѣе, противъ села Радишева. Я пошелъ въ указанную сторону; встрѣчаемые по дорогѣ патрули и разъѣзды, къ которымъ я обращался за справками, каждый разъ указывали мнѣ новое направленіе, такъ что я исходилъ уже болѣе пяти верстъ во всѣ стороны, а своихъ не нашелъ. Въ одной лощинѣ, въ сторонѣ, я увидѣлъ несимметричную группу палатокъ и большой значекъ значитъ тамъ было начальство и, по всѣмъ вѣроятіямъ, штабъ 9-го корпуса; но увы, мои странствованія не пришли къ концу: то былъ штабъ 5-й дивизіи, а 9-й корпусъ, говорятъ, еще шесть верстъ далѣе. Прошелъ я еще съ полчаса; полилъ дождь, занесло все кругомъ туманомъ, и я началъ сомнѣваться, что дойду до цѣпи. Но вотъ подъѣхалъ экипажъ: въ извощичьей коляскѣ сидѣли развалясь двое статскихъ, по наружности англичане; они остановились и любезно предложили подвезти меня, если намъ по дорогѣ; они также искали 9-й корпусъ. Мы поѣхали вмѣстѣ, предварительно назвавъ другъ друга; мои любезные спутники были англійскіе корреспонденты, Форбсъ и Станлей. На вершинѣ возвышенности, на которую мы взбирались шагомъ, намъ представилось курьезное зрѣлище: у стога сѣна работали корреспонденты разныхъ націй подъ разноцвѣтными и разнокалиберными

зонтиками, обливаемыми дождемъ. Между ними былъ и англійскій военный агентъ Welesley, особенно комично, но чрезвычайно практично устроившійся на складномъ стулѣ подъ огромнымъ зонтикомъ. Форбсъ остановился здѣсь, а я со Станлеемъ продолжали путь и скоро попали на мѣсто.

Командиръ Донского 34-го полка, подполковникъ Короченцовъ, къ которому мнѣ слѣдовало явиться, не былъ при штабѣ корпуса, онъ былъ въ свитѣ принца Карла Румынскаго

Корреспонденты.

и, вѣроятно, находился гдѣ нибудь на позиціи. Благодаря любезности адъютанта корпуснаго командира, князя Гагарина, и моего стараго товарища Козлова, мнѣ дали лошадь, казака проводника, и я пустился съ нимъ на поиски моего начальника. Долго бродили мы на удачу по холмамъ и оврагамъ, въ кукурузныхъ поляхъ и виноградникахъ, руководствуясь болѣе инстинктомъ моего проводника. Вдругъ, какъ лягавая, почуявшая присутствіе притаившейся дичи, мой казакъ „потянулъ“, сразу повернулъ коня и рысью рѣшительно поѣхалъ по новому направленію. Онъ не ошибся: въ полуверстѣ мы нагнали свиту принца Карла и при ней Короченцова. Я представился послѣднему и ожидалъ приказаній; но одновременно со мной прибылъ

вѣстовой изъ корпуснаго штаба съ предписаніемъ объ оставленіи меня при штабѣ корпуса. Я догадался, что это назначеніе было мнѣ выхлопотано Козловымъ, знавшимъ о моемъ бѣдственномъ положеніи: я былъ безъ лошади, безъ верхняго платья (мы выѣхали изъ Тульчи въ жаркій лѣтній день) и безъ тѣхъ предметовъ элементарнаго комфорта, которые необходимы даже во время кампаніи.

Я воротился назадъ на бивакъ, представился корпусному командиру и затѣмъ расположился у стога сѣна, отсырѣвшаго отъ постоянныхъ дождей, на половинѣ бурки, предложенной мнѣ Козловымъ. Вскорѣ генералъ Крюднеръ приказалъ намъ ѣхать съ нимъ осматривать позиціи для батарей, выдвигаемыхъ сегодня ночью: на завтра предполагалась общая атака.

Мелкій дождь шелъ безпрерывно, все было окутано туманомъ. Ѣхали мы не долго, но въ какую сторону — я не могъ разобрать; очевидно, мы были на значительной высотѣ, такъ какъ послѣ послѣдняго короткаго спуска былъ продолжительный подъемъ.

Остановились на полянѣ; конвойной сотнѣ велѣно оставаться въ небольшой лощинѣ, скрывавшей ее отъ глазъ непріятеля, который, говорили, находился недалеко. Приказанія отдавались вполголоса изъ опасенія близости турокъ. Генералъ, его свита, командиры выдвигаемыхъ батарей, пѣхотные офицеры и унтеръ-офицеры частей, назначенныхъ для рытья окоповъ и траншей, подъѣхали къ высокимъ кустарникамъ съ пожелтѣвшими, частью опавшими листьями. Всѣ разглядывали что то впереди и дѣлали распоряженія о работѣ на эту ночь; здѣсь уже говорили почти шопотомъ. Я тоже силился разглядѣть что нибудь, но напрасно: впереди съ гребня высоты, на которой мы находились, не было видно ничего, кромѣ сѣраго облака тумана, плавающаго ниже, вѣроятно, въ долинѣ.

Вернулись мы когда стало темнѣть. Ѣсть хотѣлось, но ничего нельзя было достать; у генерала отобѣдали до моего прибытія на бивакъ, а у маркитантовъ все было съѣдено и выпито. Я завернулся въ бурку, уступленную мнѣ благодѣтелемъ Козловымъ, и залегъ спать, чтобы заглушить голодъ.

Дождь лилъ цѣлую ночь и вымочилъ насъ до нитки; я окостенѣлъ отъ холода, а голодъ томилъ по прежнему. Подъ утро натаскалъ я сухого сѣна изъ глубины стога, наложилъ сучьевъ и развелъ огонь. Кукурузы кругомъ было много, и я поджарилъ нѣсколько штукъ въ золѣ, но безъ соли было не вкусно, хотя и сытно; во всякомъ случаѣ она согрѣла немного желудокъ.

Бивакъ штаба 9-го корпуса.

Главною моею заботою было запастись лошадью на сегодняшній день. У Козлова одна захромала, на другой онъ долженъ былъ ѣхать самъ; къ счастью, нашлась лошадь у вѣстового казака, которую онъ охотно уступилъ мнѣ за плату.

Въ 9 часовъ утра началась на лѣвомъ флангѣ бомбардировка и ружейная трескотня—завязалось у Скобелева дѣло 30-го августа. Я думалъ, что мы сейчасъ пойдемъ тоже въ бой, такъ какъ наканунѣ еще была рѣшена общая атака, но ординарцы, вернувшіеся изъ палатки начальника штаба, сообщили,

что, такъ какъ по диспозиціи наступленіе назначено въ 3 часа дня, то мы раньше не тронемся, что бы ни происходило на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Вспомнился мнѣ извѣстный маневръ турокъ во время сербско-турецкой войны: обыкновенно, узнавая о назначеніи какой нибудь общей атаки сербовъ, они за нѣсколько часовъ ранѣе сами переходили въ наступленіе, атаковали всѣми силами одинъ изъ фланговъ и, разбивъ его, разстраивали соображеніе противниковъ. Не то же ли происходило и теперь?

Вотъ подъѣхалъ къ нашему корпусному командиру генералъ Зотовъ, командиръ 4-го корпуса; изъ долетѣвшихъ до меня отрывочныхъ фразъ я понялъ, что Скобелевъ самъ не дождался назначеннаго диспозиціей часа и повелъ свою дивизію въ атаку. „Его побьютъ, и подѣломъ“, слышу я. Жутко мнѣ стало: неужели можно съ злорадствомъ относиться къ пораженію своихъ, неужели не дадутъ имъ помощи или, что проще и дѣйствительнѣе, не начнутъ общаго наступленія ранѣе для выполненія того, что требовалось по смыслу диспозиціи, то есть для дружнаго удара на плевненскій гарнизонъ со всѣхъ сторонъ одновременно. Оставляя теперь Скобелева съ турками одинъ на одинъ, мы рискуемъ быть разбитыми по частямъ. Первая заповѣдь солдата — выручай своихъ, эта священная его обязанность; первое стремленіе начальника — идти на выстрѣлы. Не одинъ я такъ думалъ въ этотъ тяжелый для Россіи день, но не такъ представлялось дѣло другимъ.

Если бы мы знали, какъ то было въ дѣйствительности, что противъ Скобелева выставлена большая часть таборовъ Османа, намъ легко было бы, при одновременной общей атакѣ, овладѣть прочими позиціями. Во всякомъ случаѣ, если бы мы перешли въ общее наступленіе какъ только завязалось дѣло у Скобелева, мы тѣмъ самымъ лишили бы турокъ возможности подкрѣплять ослабѣвающія части, а потому если не тутъ, то тамъ имѣли бы успѣхъ, тогда какъ въ этотъ день всѣ наши постепенныя атаки были отбиты, и мы одержали побѣду только на правомъ флангѣ, когда непріятель, утомленный десятичасовымъ боемъ, былъ не въ силахъ подкрѣпить своихъ свѣжими войсками.

Въ два часа пополудни свита была приглашена къ столу корпуснаго командира. Въ послѣдній разъ я обѣдалъ въ Систовѣ шесть дней тому назадъ. За столомъ шла рѣчь о намѣреніи ротмистра Х.....ва, состоявшаго въ распоряженіи генерала Крюднера, идти на штурмъ съ Архангелогородцами. Это было рѣшено нѣсколько дней назадъ, послѣ праздничнаго обѣда въ Архангелогородскомъ полку, которымъ командовалъ бывшій товарищъ Х.....ва, полковникъ Шлиттеръ.

Около трехъ часовъ мы выѣхали на позиціи; съ мѣста, гдѣ мы остановились, ничего не было видно вслѣдствіе значительнаго разстоянія и тумана, скрывавшаго отъ насъ наши колонны, массированныя на противоположномъ скатѣ, который отдѣляла отъ насъ неширокая лощина. Адъютанты и ординарцы посылались въ разныя стороны съ приказаніями или донесеніями. Я хотѣлъ бы поскакать съ каждымъ изъ нихъ; мнѣ казалось, что отовсюду, кромѣ мѣста, гдѣ мы стоимъ, можно видѣть, что происходитъ, можно принять участіе въ дѣлѣ; всякій разъ какъ генералъ поворачивалъ голову, выбирая кого послать, я пожиралъ его глазами, силясь привлечь его вниманіе. Наконецъ, дошла очередь и до меня; я подскакалъ поближе, чтобы не проронить ни одного слова. Генералъ Крюднеръ приказалъ мнѣ ѣхать къ командиру 5-й пѣхотной дивизіи, генералу Шильдеръ-Шульднеру, и оставаться при немъ во время дѣла, посылая обо всемъ письменныя донесенія съ казаками, которые назначены меня сопровождать.

Я никому не сообщилъ моего тайнаго желанія принять участіе въ атакѣ и потому удивлялся, что меня провожаютъ съ такимъ же участіемъ и съ тѣми же пожеланіями, какъ Х.....ва, который ѣхалъ вмѣстѣ со мною; генералъ Пахитоновъ, тотъ даже обнялъ меня и сказалъ: „Ступай съ Богомъ, съ моей легкой руки тебѣ посчастливится“. Генералъ меня вовсе не зналъ: это „ты“ было знакомъ большого расположенія и искренно тронуло меня. Генералъ Пахитоновъ выказалъ замѣчательную храбрость и распорядительность въ бою подъ Никополемъ, гдѣ заслужилъ георгіевскій крестъ. Онъ пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ.

Когда мы подъѣхали къ долинѣ, гдѣ стояла бивакомъ 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, оба полка тронулись со своихъ мѣстъ. Начальникъ дивизіи приказалъ баталіоннымъ командирамъ разобрать сложенныя въ сторонѣ фашины и штурмовыя лѣстницы. Въ настоящее время штурмовыя лѣстницы рѣдко употребляются; въ Средней Азіи еще приходится подниматься по нимъ на высокія, крутыя стѣны и то только тогда, если штурмъ не подготовленъ артиллеріей. Едва ли онѣ могли потребоваться сегодня, тѣмъ не менѣе воображенію рисовались трудности подъема на гребень укрѣпленія, ощетинившагося оружіемъ защитниковъ. Первый взобравшійся на стѣну получитъ Георгія, но много ли останется въ живыхъ изъ тѣхъ „первыхъ“, которые появятся на верхней ступени и встрѣтятся съ сотнями непріятелей.

Только что голова колонны переправилась въ бродъ черезъ ручей у покинутой мельницы, турки открыли по ней огонь изъ батарей, расположенныхъ на Плевненскомъ шоссе; одна граната разорвалась, далеко не долетѣвъ до насъ; осколки ея продолжали рикошетировать по шоссе, укорачивая прыжки и замедляя полетъ по мѣрѣ приближенія, около насъ они казались прыгающими чудовищными лягушками. Когда мы подходили къ деревнѣ Гривицы, сзади насъ раздался ударъ, подобный громовому: былъ взорванъ непріятельскимъ снарядомъ зарядный ящикъ; высокій столбъ дыма стоялъ въ воздухѣ. Лошади были убиты, но шедшіе около люди отдѣлались легкими контузіями. Однако, это событіе произвело замѣтно дурное впечатлѣніе на солдатъ: они проходили мимо, угрюмо глядя на бившихся лошадей и обломки ящика.

9-ти и 4-фунтовыя батареи обогнали насъ рысью и выѣхали на позицію на возвышенной площадкѣ, впереди деревни Гривицы; онѣ снялись съ передковъ и открыли усиленный огонь по редуту, который предстояло штурмовать. Начальникъ дивизіи сталъ правѣе на холмѣ, съ котораго отчетливо открывался планъ непріятельскаго укрѣпленія и подступовъ къ нему. Всѣ турецкія батареи накинулись на наши двѣ, стоявшія на открытомъ мѣстѣ. Озабоченные только разстрѣливаніемъ

Гривицкаго редута, мы другимъ не отвѣчали. Наиболѣе вреда наносилъ намъ редутъ противъ Радишева, который стрѣлялъ во флангъ, вдоль линіи, занятой нашими орудіями. Группа всадниковъ, окружавшая генерала Шильдера, была тоже избрана мишенью для непріятельскихъ снарядовъ, которые преслѣдовали ее всюду, куда бы она ни перемѣщалась.

Пѣхота миновала наши батареи и спустилась въ оврагъ. Полагая, что движеніе впередъ будетъ безостановочнымъ, я отослалъ къ генералу Крюднеру послѣдняго изъ состоявшихъ при мнѣ казаковъ съ донесеніемъ, что штурмовыя колонны двинулись въ атаку. Что было мнѣ дѣлать далѣе? Оставаясь при начальникѣ дивизіи, я зналъ бы только объ окончательной развязкѣ дѣла, о которой командиръ корпуса былъ бы немедленно извѣщенъ помимо меня, между тѣмъ я упустилъ бы всѣ предшествующія штурму событія. Совѣсть, правда, шептала мнѣ, что, покидая свой постъ, я ослушиваюсь отданнаго мнѣ приказанія, но я не могъ преодолѣть страстнаго желанія участвовать въ штурмѣ и попросилъ у генерала Шильдера разрѣшеніе проѣхать въ Архангелогородскій полкъ, чтобъ оттуда слѣдить за ходомъ боя. Я не прямо поставилъ вопросъ, потому что боялся отказа...

Разрѣшеніе получено, я и мой вѣстовой казакъ спустились въ перерытую канавами долину, черезъ которую не задолго передъ тѣмъ прошли наши колонны.

За небольшимъ переваломъ открывалась обширная поляна, огражденная со стороны турецкаго укрѣпленія пологими скатами къ дер. Гривицы; правѣе на косогорѣ лежали по-ротно Архангелогородцы, лѣвѣе ихъ — Вологодцы. Надъ поляной лопались шрапнели, разрывались гранаты, взбуравливая почву, но отъ этой огненной грозы, свирѣпствовавшей надъ долиной, не страдали войска, защищенныя покатостями возвышенностей; однако, одинъ офицеръ подошелъ ко мнѣ, попросилъ слѣзть съ лошади и отослать ее назадъ, чтобы даромъ не подвергаться выстрѣламъ.

— Ну, жарко здѣсь, — сказалъ мой казакъ, уводя коня на ставку начальника дивизіи.

Среди группы офицеровъ, между которыми былъ и Х—въ, отдѣлившійся отъ меня еще около бивака, сидѣлъ красивый полковникъ съ офицерскимъ Георгіемъ въ петлицѣ, и я догадался, что это командиръ полка, Шлиттеръ. Приложивъ руку къ козырьку, я попросилъ у него позволенія идти съ его полкомъ на штурмъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ очень сухо: „я не имѣю права вамъ отказать". Эти слова не допускали дальнѣйшихъ разговоровъ, я отошелъ въ сторону въ ожиданіи атаки. Вдругъ впереди, какъ казалось, недалеко затрещала оживленная перестрѣлка и раздалось неумолкаемое „ура!" Одинъ изъ офицеровъ объяснилъ мнѣ, что то открытъ огонь въ авангардной ротѣ. Скучно было оставаться безъ дѣла, когда впереди уже дерутся, и я опять обратился къ Шлиттеру за разрѣшеніемъ пройти въ авангардъ.

— Можете, — сказалъ онъ, — но не совѣтую, тамъ пули летаютъ.

Не время было отвѣчать на эту колкость, и я пошелъ на гору, обѣщая себѣ получить удовлетвореніе послѣ дѣла. Я догадывался, отчего Шлиттеръ принялъ меня такъ не любезно и относился недовѣрчиво къ желанію участвовать въ дѣлѣ: онъ счелъ меня за одного изъ тѣхъ штабныхъ „фазановъ", которые охочи до наградъ, но рѣдко бываютъ въ сферѣ ружейнаго огня. Впрочемъ, имъ по роду службы въ этомъ нѣтъ и надобности: приказанія передаются начальникамъ, и тѣ, какъ извѣстно, не должны быть въ цѣпи. Оттого то и не любили штабные ѣздить во время дѣла къ Скобелеву, и когда приходилось у него побывать, то это считалось великимъ подвигомъ, за который награда слѣдовала тотчасъ же. Я не разъ слышалъ потомъ какъ адъютанты и ординарцы, желавшіе пофрантить своею храбростью, говорили, что ѣздили къ Скобелеву или бывали у него на Зеленыхъ Горахъ.

Предо мною развернулась широкая плоскость, на краю которой возвышался знакомый редутъ. Плато перерѣзывалось тѣмъ оврагомъ, по которому я пробирался къ кургану 28-го августа; вотъ и самый курганъ, на вершинѣ котораго залегли наши стрѣлки и открыли огонь по редуту. Ниже ихъ, по по-

катости, обращенной въ нашу сторону, въ сравнительной безопасности, лежали и сидѣли румынскіе доробанцы и стрѣляли вверхъ по невидимой цѣли; „ура“ не смолкало. Я подошелъ къ передовому отряду. Румынскіе офицеры стояли между своими солдатами и поощряли ихъ кричать громче и чаще для того, чтобы турки, ожидая атаки, сами не переходили бы въ наступленіе. Не безъ труда удалось мнѣ убѣдить ихъ, что, слыша „ура“ все на томъ же мѣстѣ, непріятель догадался, что это не торжествующій вызовъ атакующихъ, а нелѣпый крикъ трусовъ, старающихся заглушить охватившее ихъ чувство страха. Какъ не похожи были эти люди на храбрыхъ солдатъ Фалькояно. Каковы начальники, таковы и подчиненные.

Командиръ полка доробанцевъ, полковникъ Фотія, и командиръ баталіона, маіоръ Кандіано Попеско, передали мнѣ, что отъ ихъ полка, назначеннаго для штурма Гривицкаго редута, дошли сюда только двѣ роты, остальныя четыре остановились у артиллерійской позиціи и далѣе идти отказались. Въ этотъ день румыны пытались нѣсколько разъ атаковать редутъ съ сѣверной стороны, но неудачно: подойдя къ непріятелю шаговъ на 300, они поворачивали назадъ и бѣжали, оставляя на пройденномъ пространствѣ массу убитыхъ. Потеря ихъ въ этомъ первомъ дѣйствіи атаки редута простиралась до 3,000 человѣкъ, во второмъ же дѣйствіи они участвовали только въ качествѣ зрителей, а потому и потерь почти не было.

Румыны говорили, что если наши войска не подойдутъ въ скоромъ времени, то они отодвинутся назадъ, такъ какъ считаютъ опаснымъ находиться въ столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля. Я старался успокоить ихъ увѣреніемъ, что наши колонны сейчасъ покажутся. Наши солдаты и офицеры съ презрѣніемъ относились къ этимъ трусливымъ крикунамъ. Со своей стороны они считали атаку достаточно подготовленною артиллерійскимъ огнемъ и говорили, что, совмѣстно съ баталіономъ Вологодскаго полка, расположеннаго лѣвѣе, слѣдуетъ идти на штурмъ, не дожидаясь остальныхъ колоннъ; я уговаривалъ ихъ дождаться главныхъ силъ, которыя не замедлятъ подойти. Я употреблялъ всѣ доводы, чтобы убѣ-

дить однихъ — не отступать, а другихъ — не переходить въ наступленіе.

Время приближалось къ вечеру; если штурмъ долженъ быть произведенъ сегодня, думалъ я, то откладывать его болѣе невозможно. По просьбѣ нашихъ офицеровъ, я написалъ Шлиттеру, что надо торопиться атакой, что румыны собираются покинуть занятую нами позицію, въ которой, пожалуй, одной ротѣ будетъ трудно удержаться, пунктъ же этотъ былъ важенъ потому, что давалъ войскамъ возможность устроиться и привести себя въ порядокъ передъ послѣднимъ ударомъ не далѣе 150 или 200 шаговъ отъ редута и внѣ его выстрѣловъ. Когда солдатъ, которому была поручена моя записка, выбрался на противоположный скатъ, турки участили пальбу; онъ побѣжалъ, и намъ было видно какъ пули бороздили кругомъ него землю. Онъ скрылся за пригоркомъ, и мы остались въ невѣдѣніи спасется онъ или нѣтъ отъ преслѣдованія смерти. Десять длинныхъ минутъ прошло, а на высотахъ, куда устремлены были всѣ взоры, ничего не показывалось — вѣроятно, непріятельская пуля остановила посланнаго. Рѣшено было отправить другое подобное же донесеніе, но предложеніе нести его встрѣчено между солдатами неохотно; никто не вызывался, всѣ помнили, какъ яростно преслѣдовали пули перваго посланца. Наконецъ, ротный командиръ самъ назначилъ одного, и тотъ, перекрестившись, пустился въ опасный путь. Мы слѣдили съ волненіемъ за его участью и вздохнули свободнѣе, когда онъ скрылся отъ нашихъ взоровъ, хотя опасность для него еще не миновала.

Въ это время какія то дальнія батареи вздумали обстрѣливать нашу лощину шрапнелью; румыны стали по одиночкѣ убѣгать назадъ. Попеско объявилъ, что онъ уходитъ, такъ какъ это положеніе невыносимо. Тогда я попросилъ его обождать еще нѣсколько минутъ и обратился къ нашимъ офицерамъ со слѣдующимъ предложеніемъ; такъ какъ самымъ пространнымъ донесеніемъ нельзя доказать своевременности атаки и выяснить выгоды нашей передовой позиціи для послѣдняго дѣйствія штурма, то я предлагалъ одному изъ офицеровъ лично пере-

Румыны передъ штурмомъ.

дать Шлиттеру въ какомъ мы положеніи и объяснить ему, что успѣхъ зависитъ только отъ немедленнаго наступленія колоннъ достаточной силы. Съ моимъ мнѣніемъ всѣ согласились, когда же пришлось выбирать кому идти, ротный командиръ замѣтилъ, что всѣ они при части и удалиться отъ нея не имѣютъ права.

— Идите вы, маіоръ, — сказалъ онъ, — васъ скорѣе послушаютъ, чѣмъ насъ.

Нечего было дѣлать, пошелъ я.

Какъ ни кажется нелѣпою забота о томъ, чтобы не быть убитымъ или раненымъ, когда поворачиваешь тылъ къ непріятелю, но это чувство я испыталъ лично, когда перебѣгалъ площадку, обстрѣливаемую турками; два раза ударили меня пули на излетѣ, но не пробили даже сукна и не причинили никакой боли. Наконецъ, я перевалилъ черезъ гребень и подбѣжалъ, весь запыхавшись, къ Шлиттеру. На этотъ разъ онъ принялъ меня любезнѣе, но сказалъ, что не рѣшается взять на свою отвѣтственность штурмъ укрѣпленія, о которое два раза разбивались уже Архангелогородскій и другіе полки, тѣмъ болѣе, что и въ диспозиціи значится, что 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи должна только поддерживать атаку румынъ, но отнюдь не атаковать сама, поэтому мои донесенія были препровождены къ начальнику дивизіи, на его разсмотрѣніе.

Въ отместку на колкія замѣчанія Шлиттера при первомъ нашемъ знакомствѣ, я сказалъ, что на войнѣ бываютъ случаи, когда частный начальникъ не только не можетъ, но и обязанъ брать на свою отвѣтственность исполненіе которое, можетъ быть, и противорѣчитъ отданному ранѣе приказанію, что всѣ случайности боя не могутъ быть предусмотрѣны заранѣе и что диспозиція есть планъ или программа, которою слѣдуетъ руководствоваться насколько возможно въ общемъ, сохраняя за собой иниціативу дѣйствій въ частности. Въ настоящемъ случаѣ имѣлись въ виду штурмъ и взятіе Гривицкаго редута 30-го августа; тѣ войска, которымъ опредѣлено это исполнить отсутствуютъ, войска же, назначенныя для поддержки, въ совершенной готовности къ нанесенію рѣшительнаго удара непріятелю, разстроенному сосредоточеннымъ бомбардированіемъ

цѣлаго дня. Не нужно терять времени, слагая отвѣтственность на высшихъ начальниковъ, нужно не медля атаковать.

Шлиттеръ улыбнулся; онъ понялъ, что я говорилъ подъ впечатлѣніемъ не любезнаго его пріема. „На Кавказѣ я двадцать разъ перелѣзалъ черезъ завалы и рвы укрѣпленія, — безъ горечи отвѣтилъ онъ мнѣ, — и знаю, что это дѣло не шуточное; я лично за себя не боюсь, я уже не пользуюсь тѣми благами, которыя даетъ жизнь въ молодости, но вести ввѣренный мнѣ полкъ на такое трудное, рискованное и опасное дѣло я не рѣшусь безъ приказанія начальства".

Я рѣшился обождать здѣсь отвѣта начальника дивизіи.

Было сыро, холодно, дождь моросилъ съ утра; люди, согрѣвшіеся было во время движенія, теперь продрогли. Шлиттеръ предложилъ офицерамъ выпить по глотку коньяка изъ фляжки, висѣвшей у него черезъ плечо. Замѣтивъ, что одинъ изъ нихъ слишкомъ усердно прильнулъ къ ея горлышку, онъ остановилъ его словами: „передъ дѣломъ больше глотка пить не слѣдуетъ".

Кружокъ офицеровъ съ командиромъ полка почему то напомнилъ мнѣ азартныхъ игроковъ вокругъ карточнаго стола: одни смѣхомъ и шумною болтовней стараются заглушить терзающее ихъ волненіе; холодные, сдержанные темпераменты ожидаютъ исхода, заранѣе обдумавъ шансы за и противъ; нѣкоторые, можетъ быть, и взяли бы карту обратно, но уже поздно — колода раскрыта и мечется чудовищная талія. За то тамъ есть и опытные, старые игроки, поставившіе все ва-банкъ и не смущающіеся мыслью о потерѣ — таковымъ мнѣ казался Шлиттеръ. Признаюсь, мнѣ нравился только процессъ игры, о проигрышѣ или выигрышѣ я не думалъ.

Отвѣта все нѣтъ — неужели послѣдуетъ отказъ? Тяжело, больно отсутствіе власти, когда чувствуешь, что обладаніе ею неминуемо дастъ побѣду.

Но вотъ изъ за бугра появился бригадный командиръ, храбрый генералъ Родіоновъ, заслужившій уже георгіевскій крестъ подъ Никополемъ. Онъ шелъ пѣшкомъ. — „Поздравляю васъ съ дѣломъ, — обратился онъ къ намъ, — съ Богомъ, впередъ ребята!"

Всѣ встали, одинъ изъ ротныхъ командировъ скомандовалъ: „шапки долой, лбы с.... перекрестите“. Командиръ этотъ былъ убитъ въ первую же минуту атаки.

Какъ лежали люди въ безпорядкѣ, такъ и хлынули впередъ, одни забѣгали на гору, другіе подвигались не торопливо.

„Стой, — закричалъ Родіоновъ, — что это за орава, въ порядкѣ идти!“ Живо пристроились и подравнялись люди въ ротахъ и двинулись опять, но уже въ совершенномъ порядкѣ.

Только что мы выбрались на первую площадку, редутъ сразу окутался дымомъ и огласился ревомъ орудій и перекатнаго ружейнаго огня. Одновременно и всѣ другія непріятельскія батареи, невидавшія насъ до тѣхъ поръ, накинулись на насъ съ ожесточеніемъ. Впрочемъ не однѣ только непріятельскія, — и наши батареи не давали намъ пощады: многіе изъ нашихъ были убиты и ранены осколками нашихъ же снарядовъ, не долетавшихъ до цѣли. Солдаты говорили, что это — „осадная отличается“.

Я оглянулся назадъ — мы перебѣгали одною длинною, волнистою линіей; впереди и въ рядахъ были офицеры; за нами, какъ пастухъ, наблюдающій за своимъ стадомъ, шелъ генералъ Родіоновъ, непоспѣвавшій за бѣгущими. Площадка начала усѣиваться на каждомъ шагу тѣлами падающихъ, но это уже сзади, — впереди только побѣда и слава. Бѣгомъ пустились мы въ оврагъ, тамъ стало тише, только шрапнель звенѣла ежесекундно въ вышинѣ, осыпая насъ чугуннымъ градомъ. Не успѣлъ я крикнуть на нѣсколькихъ солдатъ, притаившихся въ ямѣ, какъ граната ударила между ними и разорвалась, наказавъ ихъ смертью за трусость.

Когда пришлось подниматься по крутому скату оврага къ позиціи, занятой нашею ротой и румынами, первый пылъ остылъ, солдаты пріостановились, не доходя до гребня. „Отдохни ребята,“ раздался кстати голосъ генерала.

Офицеры на курганѣ благодарили меня, какъ будто я оказалъ имъ личную услугу. „Теперь редутъ нашъ, говорили они, вы не можете себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ васъ ожидали; неужели, думали мы, придется вернуться назадъ,

не попытавшись овладѣть редутомъ. А руменешти совсѣмъ уже собрались уходить, опоздали бы вы еще немного и ихъ бы здѣсь не застали".

Прошло пять томительныхъ минутъ. „Скорѣе бы все это кончилось", думалось каждому; то были самыя тяжелыя минуты, нервное возбужденіе дошло до крайнихъ предѣловъ, выдержать долго такое настроеніе было невозможно. Обязанность начальника въ такомъ случаѣ—поддержать словомъ или примѣромъ духъ своихъ подчиненныхъ и не пропустить того мгновенья, когда реакція можетъ ихъ обезсилить. Но генералъ Родіоновъ сроднился съ солдатомъ, онъ чувствовалъ, что тотъ переживаетъ въ эти минуты и, когда настало время, онъ громкимъ, спокойнымъ, слышнымъ для всѣхъ голосомъ проговорилъ: „Теперь пора; съ Богомъ, впередъ ребята". Солдаты поднялись, стали медленно всходить на гребень, подаваясь вправо, пригнувъ головы, какъ бы откладывая еще на мгновеніе необходимость вступить подъ огонь страшнаго редута. Вдругъ опять разразилась стихшая на минуту гроза, орудійная и ружейная пальба слились въ одинъ общій гулъ—чудовищный ревъ ада, вооружившагося для защиты избраннаго клочка земли.

Наши дрогнули, одни попятились назадъ, масса колыхнулась влѣво, не рѣшаясь идти впередъ; въ это мгновеніе Шлиттеръ шагнулъ къ редуту, и всѣ двинулись за нимъ.

Впередъ! крикнулъ я румынамъ, но только успѣлъ разслышать, что отвѣтилъ мнѣ въ догонку Попеско: „Погодите, еще рано". Они остались на прежнемъ мѣстѣ, за прикрытіемъ отлогости оврага.

Наши солдаты бѣжали, держа ружья на перевѣсъ, ряды ихъ рѣдѣли съ каждымъ пройденнымъ шагомъ, не слышно было ихъ торжествующаго „ура", безпрерывный грохотъ выстрѣловъ смѣшивался со стономъ свинцоваго града, пронизывающаго накаленный воздухъ.

Пороховой дымъ застлалъ всю площадку. Мы бѣжали въ темносѣромъ туманѣ, кругомъ ничего не было видно.

Мы бѣжали впередъ, не замѣчая тѣхъ, что спотыкались и ложились сзади скорченными трупами. Однимъ изъ первыхъ

палъ Шлиттеръ, пала большая часть офицеровъ, но теперь могучій, стихійный порывъ не могъ уже быть остановленъ никѣмъ. Бѣжавшіе рядомъ со мною останавливались, вступали въ борьбу съ турками, засѣвшими въ волчьи ямы, но никому до нихъ не было дѣла, всѣ бѣжали впередъ и впередъ изо всѣхъ силъ, какъ будто на перегонку. Дымъ густымъ слоемъ скрывалъ все вокругъ, оглушительный ревъ наполнилъ воздухъ, бѣжалъ я въ какомъ то чаду, съ однимъ лишь сознаніемъ, что этотъ адъ можетъ прекратиться только тогда, когда мы добѣжимъ до мѣста; сквозь сѣрый туманъ дыма не видать, откуда грозитъ опасность, не страшно, и если не падали бы одинъ за другимъ бѣгущіе рядомъ, то не было бы и сознанія опасности. Бѣжали мы должно быть не болѣе минуты, но этотъ короткій промежутокъ времени длился столько, сколько можетъ длиться время для падающаго съ высоты. Въ началѣ мы окунулись въ свинцовый вихрь, какъ бросаются въ холодную воду, потомъ насъ охватилъ чадъ, порывъ, стремленіе впередъ, и это стремленіе было такъ сильно, что могло быть остановлено только истощеніемъ или смертью.

Я боялся опоздать ко взятію редута. Сквозь облако порохового дыма не было видно далеко ли наши впереди; я силился только догнать двухъ солдатъ, скрывавшихся въ сѣрой мглѣ, и чуть не обрадовался, когда одинъ изъ нихъ упалъ, а другой исчезъ куда то, какъ будто провалился сквозь землю и дѣйствительно, провалился; я самъ едва удержался на краю глубокаго чернаго рва, открывшагося вдругъ подъ ногами. Остановившись на мгновеніе, я оглядѣлся. За рвомъ поднималась высокая насыпь, на гребнѣ которой суетливо стрѣляли въ насъ турки; одинъ изъ нихъ громаднаго роста, въ бѣлой чалмѣ, пригнулся ко мнѣ: раздался выстрѣлъ, блеснулъ огонь, и пуля просвистѣла около уха. „Слава Богу, промахъ“, мелькнуло у меня въ головѣ, и я прыгнулъ въ ровъ; тамъ была не то возня, не то борьба; я торопился туда, на верхъ, внутрь укрѣпленія, чтобы не быть изъ послѣднихъ, навѣрно тамъ шелъ уже настоящій бой, одинъ на одного, какъ бой рыцарей среднихъ вѣковъ, а не бойня изъ за угла, гдѣ не видно, откуда налетаетъ смерть.

Въ рукопашномъ бою о револьверѣ не думается, съ малолѣтства привыкли мы для самозащиты дѣйствовать кулаками, и вѣроятно, потому довѣряемъ болѣе силѣ удара, чѣмъ дѣйствію огнестрѣльнаго оружія. Я вынулъ шашку и сталъ карабкаться по скату рва, мнѣ помогали солдаты руками и прикладами; земля мокрая, скользкая, такъ что съ трудомъ взобрался я къ основанію вала. Предо мною была высокая насыпь но лѣвѣе обвалилась земля, то была амбразура, а за нею опять дымъ, выстрѣлы, вѣроятно наши уже тамъ. Въ два прыжка очутился я противъ дула орудія, а съ третьимъ опрокинулъ подвернувшагося мнѣ турецкаго солдата. Одинъ турокъ, съ исковерканнымъ отъ ужаса или злобы лицомъ, бросился ко мнѣ. Моя шашка свистнула и протянутая ко мнѣ рука, перерубленная пополамъ, повисла на сукнѣ его мундира. Только тутъ замѣтилъ я устремившихся на меня со всѣхъ сторонъ турокъ, однихъ турокъ, нашихъ въ редутѣ не было. Я былъ совершенно одинъ. Признаюсь, ужасъ охватилъ меня. Отмахиваясь шашкой, я вскочилъ на пушку, какъ ступень, чтобы сквозь амбразуру выбраться назадъ къ своимъ, и при этомъ крикнулъ что было мочи: „Сюда, братцы, сюда, выручайте“, но наши уже лѣзли въ укрѣпленіе. Въ этотъ мигъ что то ударило меня въ грудь, и я упалъ подъ орудіе. Падая, я видѣлъ, какъ хлынули ко мнѣ турки, но въ то же время услыхалъ надъ собою русское побѣдоносное ура. Голова закружилась, я болѣе ничего не видѣлъ, но почувствовалъ, что нѣсколько рукъ схватили меня; я старался укусить поднимавшихъ меня, боролся отчаянно, думая, что турки хотятъ меня унести; я силился крикнутъ: „помогите, спасите братцы“, но голосъ у меня исчезъ, какъ бываетъ во время страшнаго сна; наконецъ, я понялъ произносимую около меня знакомую рѣчь: „свои ваше высокородіе, свои“. Радость дала мнѣ силы придти въ себя, въ редутѣ были только наши. Съ участіемъ смотрѣли мнѣ въ лицо солдаты; молодой прапорщикъ, бывшій въ передовой ротѣ, тоже здѣсь, онъ обнимаетъ и цѣлуетъ меня. Такъ весело, такъ радостно, если бы только не такъ болѣла грудь, если бы не было того клокотанья подъ мышкой, какъ усилен-

Штурмъ Гривицкаго редута.

ный бой больного сердца. „Вы ранены?“, спрашиваютъ меня офицеры. Я самъ не зналъ, рана ли это или контузія. Подъ мундиромъ, разстегнутымъ во время бѣга, рубашка, съ правой стороны, вся въ крови, но я владѣю, хотя и слабо, правою рукой и дыханіе освободилось, значитъ рана или контузія не опасна.

Меня посадили на пушку, такъ какъ я съ трудомъ стоялъ на ногахъ, и въ такомъ положеніи застали меня румыны, ворвавшіеся въ редутъ, какъ будто брали его съ боя, тогда какъ наши давно прошли черезъ него и дрались теперь у слѣдующаго укрѣпленія. Съ румынами вошелъ въ редутъ и Х.....въ, которому генералъ Родіоновъ поручилъ развернуть и воздвигнуть на валу румынское знамя, такъ какъ наши знамена были въ чехлахъ, да притомъ пронесены далѣе; требовалось же безотлагательно показать нашимъ батареямъ, что редутъ взятъ, такъ какъ онѣ продолжали стрѣлять по насъ и наносили намъ чувствительныя потери. Генералъ Родіоновъ былъ раненъ и, говорятъ, осколкомъ нашей же гранаты.

Фактъ поднятія надъ редутомъ, взятымъ русскими войсками, румынскаго флага былъ выставленъ румынами какъ доказательство, что они, а не русскіе овладѣли имъ.

Тяжелыя складки знамени медленно развернулись подъ напоромъ вѣтра, при торжествующихъ ликованіяхъ и залпахъ румынъ. Попеско скомандовалъ безпорядочной толпѣ „на караулъ“ и крикнулъ: „Vive l'Empereur Alexandre, s'est aujourd'hui sa fête!“

Эта любезность относилась къ намъ.

Трудно повѣрить до чего можетъ дойти самохвальство румына: Попеско донесъ начальству, что редутомъ овладѣли съ боя румыны и что онъ первый въ него вошелъ; онъ, впрочемъ, не отвергалъ, что въ редутѣ уже находился русскій маіоръ, сидѣвшій на турецкой пушкѣ. Этотъ разсказъ, вѣроятно, подалъ поводъ къ появленію въ иностранныхъ, а затѣмъ и въ русскихъ иллюстраціяхъ, картинки, гдѣ я изображенъ сидящимъ на пушкѣ и рубящимъ окружающихъ меня турокъ.

Румыны неистово кололи турецкіе трупы штыками, стрѣляли въ ямы, во всѣ углубленія вала, гдѣ могли скрываться

турки, что грозило опасностью взрыва пороховыхъ погребовъ. Нѣсколько человѣкъ редифовъ, не успѣвшихъ бѣжать, попрятались въ блиндированныхъ нишахъ; они молили о пощадѣ, бросали румынамъ сахаръ, табакъ, деньги, но у трусовъ не бываетъ великодушія: всѣ турки пали подъ десятками выстрѣловъ. Новыя румынскія войска вступали въ редутъ одни за другими, и каждый разъ повторялись сцены жестокаго самоуправства; не рѣдко румыны стрѣляли по своимъ, думая, что имѣютъ дѣло съ непріятелемъ.

До тысячи человѣкъ толпилось уже въ укрѣпленіи, гдѣ царилъ невообразимый хаосъ: выстрѣлы, крики, стоны — все сливалось въ одинъ общій гулъ, офицеровъ никто не слушался.

Наши войска, дравшіяся впереди, услыхавъ, что происходитъ въ редутѣ, подумали, что онъ отнятъ у насъ непріятелемъ и бросились къ нему назадъ, но когда узнали, что это неистовствуютъ румыны, празднуя воображаемую побѣду, то опять обратились къ покинутой позиціи.

Вотъ кучка румынъ набросилась на что то, лежавшее въ грязи у моихъ ногъ, и вновь грянуло ура: то было турецкое знамя, затоптанное нашими солдатами. Я читалъ потомъ въ газетѣ „Orient“, издаваемой въ Бухарестѣ, что знамя это было вырвано изъ рукъ турецкаго знаменщика маіоромъ Попеско, который первый вошелъ на валъ.

Однако, торжество румынъ продолжалось не долго; порядокъ, котораго не могли добиться ихъ начальники, былъ водворенъ непріятелемъ: турецкія батареи узнали, что укрѣпленіе Абдулъ-Керимъ въ рукахъ противника и обратили на него свой огонь; гранаты и шрапнель посыпались на ограниченое насыпями пространство съ удивительною мѣткостью, да и не мудрено: разстоянія между позиціями были, конечно, заранѣе измѣрены. Какъ трусливое стадо барановъ разбѣгались румыны при взрывѣ гранатъ и толпились подальше въ углахъ. И всѣ тѣ наши солдаты, которые искали укрытія сзади атакующихъ колоннъ, были теперь здѣсь, я гналъ ихъ вонъ въ свои части; командирамъ ротъ я совѣтовалъ собрать своихъ людей

и построиться позади укрѣпленія, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть въ совершенномъ порядкѣ свѣжій резервъ.

Темная ночь смѣнила сѣрыя сумерки, огонь впереди сталъ понемногу стихать; бойцамъ 30-го августа нуженъ былъ отдыхъ. Въ редутѣ водворился порядокъ, мы не отдадимъ его назадъ. Занять его было назначено румынамъ, но они согласились на это только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы во рву, обращенномъ къ непріятелю, и въ резервѣ были русскія войска — для первой встрѣчи и для поддержки, на случай попытки турокъ вновь овладѣть редутомъ.

Съ удаленіемъ опасности прекратилось нервное возбужденіе, я почувствовалъ большую слабость отъ обильной потери крови—пора была подумать о перевязкѣ.

Долина и близъ лежащія высоты, по которымъ я проходилъ, направляясь къ перевязочному пункту, усѣяны тѣлами убитыхъ; раненые плетутся или ползутъ въ ту же сторону—но тутъ есть и здоровые, они сидятъ группами и разговариваютъ, вѣроятно, разсуждаютъ о дѣлѣ, въ которомъ не участвовали. Это преимущественно румыны, но увы, есть между ними и русскіе.

Хотя прошло болѣе часа со времени взятія редута, санитаровъ нигдѣ не видать. Раненый въ ногу солдатикъ просилъ меня подвести его—онъ оперся мнѣ на лѣвое плечо, и такимъ образомъ мы медленно подвигались. У Плевненскаго шоссе встрѣчаются первыя носилки—несутъ генерала Родіонова, раненаго въ то время, когда онъ приводилъ въ порядокъ наиболѣе пострадавшія части. Успѣху штурма мы обязаны главнымъ образомъ ему.

Пройдя около двухъ верстъ, мы натѣкнулись на темную группу всадниковъ—это были генералъ Шильдеръ-Шульднеръ со свитою и присланный отъ Государя флигель-адъютантъ Чингизъ-Ханъ. Я доложилъ генералу Шильдеру, что въ редутѣ теперь введенъ порядокъ и можно надѣяться, что туркамъ

отнять его не удастся. Извѣстно, что раненые словоохотливы— мнѣ хотѣлось разсказать подробно о дѣлѣ и о томъ, что я первый вошелъ въ Гривицкій редутъ, но я воздержался.

Здѣсь были лазаретныя фуры, меня посадили на козлы, такъ какъ внутри всѣ мѣста уже заняты. Настала темная ночь, дождь лилъ безпрерывно. Мы тронулись въ путь, раскачиваясь и подпрыгивая на ухабахъ; дорога здѣсь трудно проходима даже днемъ, а въ эту пору не мудрено сбиться съ пути. Постоянные толчки причиняли сильное страданіе. Это испытаніе длилось болѣе часа. Наконецъ, фура остановилась у нѣсколькихъ палатокъ, въ которыхъ мелькалъ свѣтъ фонарей — это былъ 51-й военно-временный госпиталь.

Офицерская палатка была набита биткомъ; прямо на землѣ, съ подстилкой изъ сырой соломы, рядомъ со мною лежали, съ одной стороны, умирающій офицеръ, раненый въ животъ, а съ другой, тоже офицеръ, съ раздробленной, осколкомъ гранаты ногою. Они оба страдали невыносимо, стонали и охали.

Для осмотра раны съ меня сняли мундиръ. Я просилъ снять тоже мокрые сапоги. Обувь и мундиръ мнѣ положили подъ голову, такъ какъ подушекъ не было; по прошествіи нѣкотораго времени мнѣ накинули освободившееся съ умершаго одѣяло. Я лежалъ въ крайнемъ ряду палатки, переполненной ранеными, подъ свѣшивающейся дырявой парусиной, сквозь которую сочились на голову холодныя капли дождя; перемѣнить мѣсто не было возможности, такъ какъ мы лежали вплотную одинъ къ другому — оставлены только узкія проходы между рядами для врачебнаго осмотра. Я силился, но напрасно, укрыться съ головой слишкомъ короткимъ одѣяломъ.

Докторъ обходилъ насъ около часа ночи; онъ осмотрѣлъ мою рану: входное отверстіе пули найдено подъ мышкой съ правой стороны (она меня ударила, когда я замахнулся шашкой), выходное– въ спинѣ, подъ лопаткой. Докторъ, вѣроятно, рѣшилъ, что я принадлежу къ числу безнадежныхъ и прошелъ

мимо, поручивъ меня фельдшеру – съ умирающими не стоитъ тратить время.

Мой лѣвый сосѣдъ, раненый въ животъ, очень безпокойный у него была частая рвота, онъ все время ругался, доставалось въ особенности деньщику, за то, что тотъ неумѣло за нимъ ухаживалъ. Но вотъ деньщикъ ушелъ, врачи и фельдшера тоже, остались въ палаткѣ только больные, умирающіе и мертвые. Мой сосѣдъ оралъ неистово отъ нестерпимыхъ страданій, но никто, кромѣ насъ, его не слышалъ, а мы, конечно, помочь ему не могли. Отъ времени до времени онъ говорилъ мнѣ: „простите, что я васъ такъ безпокою". Немного погодя его, вѣроятно, затошнило, онъ съ усиліемъ поднялся, покачнулся два раза и упалъ мнѣ на плечо. Я вскрикнулъ отъ боли и сказалъ ему съ досадою „будьте осторожнѣе, я вѣдь тоже раненъ", но онъ меня болѣе не слышалъ нижняя челюсть отвисла, глаза помутились—онъ былъ мертвъ. Тщетно просилъ я проходившихъ мимо санитаровъ убрать лежащій на мнѣ трупъ. Отъ слабости, вслѣдствіе потери крови, я самъ шевельнуться не могъ, а на мои мольбы никто не откликался. Такъ пролежали мы рядомъ около четырехъ часовъ. Стало свѣтать, фельдшеръ и санитары появлялись все чаще и чаще и, наконецъ, обратили вниманіе на умершаго, сняли его съ моего плеча, уложили рядомъ на спину и прикрыли лицо простыней. Я былъ въ какомъ то забытьѣ. Послѣ того, что я претерпѣлъ за эту ночь, на меня нашла полная апатія, равнодушіе ко всему, что происходило вокругъ меня.

Вошелъ старшій врачъ. „Кого перевязать?" спросилъ онъ. Со всѣхъ сторонъ раздались крики: „меня, меня!" Врачъ повернулся и, уходя, сказалъ: „хорошо, сейчасъ". Но мы его больше не видали.

Во время перевязки фельдшеръ осмотрѣлъ внимательно мою рану. Онъ нашелъ, что пуля ударила меня въ подмышечной области между реберъ, обогнула ихъ и вышла въ спинѣ подъ лопаткой. Такія раны довольно рѣдки, онѣ объясняются удивительной упругостью реберъ. Теперь только я узналъ, что легкія не задѣты и близкой опасности нѣтъ.

Около десяти часовъ утра зашелъ въ нашу палатку генералъ Крюднеръ со свитою, онъ былъ очень ласковъ со мною и сказалъ, что представитъ меня къ Георгіевскому кресту. Много генераловъ и офицеровъ изъ свиты Государя и Великаго Князя Главнокомандующаго навѣщали меня и всѣ говорили, что я получу Георгія. Государь нѣсколько разъ посылалъ узнать о моемъ здоровьѣ. Онъ спросилъ, тотъ ли я Квитка, что служилъ въ Конной гвардіи.

Меня перенесли въ офицерскую палатку. Противъ моей койки лежалъ полковникъ баронъ Шлиттеръ, смертельно раненый въ голову — пуля ударила его въ лобъ и вышла на затылкѣ, обнаживъ мозгъ. Въ предсмертной агоніи онъ хрипѣлъ ужасно, и это хрипѣніе такъ раздражало уже надломленные нервы другихъ раненыхъ, что они желали, чтобы смерть скорѣе прекратила эту муку.

Шлиттеръ потерялъ сознаніе въ минуту раненія — надежды на излеченіе нѣтъ, а между тѣмъ врачи старались продлить его жизнь, вливая ему въ горло шампанское. Одинъ изъ врачей неумѣстно сострилъ, что Шлиттеръ при жизни такъ любилъ вино, что ему будетъ легче умирать, если его будутъ поить шампанскимъ.

Около полудня санитары принесли намъ чай въ засаленныхъ жестяныхъ кружкахъ, а сахаръ, почернѣвшій отъ грязи, держали въ рукѣ. Мы были такъ голодны, что, не смотря на брезгливость, проглотили съ жадностью чай и сожалѣли только, что намъ не дали хлѣба. Говорили, что хлѣба нѣтъ... Только одному изъ офицеровъ, потерявшему много крови, приказано дать бульону.

Мои товарищи по шатру завидовали мнѣ, что я владѣю ногами и, не смотря на слабость, могъ немного двигаться. Я воспользовался этимъ, чтобы добраться до маркитанта и купить табаку, сардинокъ и сыру, но хлѣба и у него не было. Все, что я накупилъ, было дурного качества, но цѣны баснословны. Я подѣлилъ добытое между тѣми, кто былъ въ силахъ ѣсть или чувствовалъ потребность покурить, меня благодарили, какъ будто я ихъ избавилъ отъ голодной смерти, а одинъ

юнкеръ, въ избыткѣ благодарности, сказалъ мнѣ: „вотъ, вы настоящій русскій офицеръ“. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать, я не понялъ, но былъ тронутъ этими выраженіями симпатіи.

„Вы развѣ голодны?“ -спросилъ насъ зашедшій въ шатеръ смотритель госпиталя, увидя, какъ офицеры вылизываютъ дно сардинныхъ ящиковъ и доѣдаютъ корки заплеснѣлаго сыра. Кто то ему отвѣтилъ: „мы дрались вчера съ утра до поздней ночи и никому не довелось поѣсть вдоволь, а со вчерашняго дня до сихъ поръ намъ дали только по кружкѣ чая безъ хлѣба“. „Ну, хорошо — сказалъ смотритель, я сегодня къ ужину приготовлю для всѣхъ офицеровъ рисовый супъ и битки“... Объ обѣдѣ, значитъ, надо было оставить всякое попеченіе.

Красный крестъ давалъ войскамъ все, что у него имѣлось, но бывала постоянная недостача разныхъ припасовъ, потому что онъ не могъ ихъ подвозить изъ имѣвшихся складовъ въ Никополѣ и Систовѣ, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи перевозочныхъ средствъ.

Раненые жаловались, что врачи не посѣщали ихъ и не присутствовали при перевязкахъ, что они болѣе интересовались хирургическими операціями, которыя, однако, рѣдко удавались. Вотъ что происходило на нашихъ глазахъ: въ большой шатеръ, предназначенный для операцій, вносили на носилкахъ раненыхъ, раздавались стоны, крики, затѣмъ все смолкало и неподвижныя тѣла проносились изъ другого конца шатра прямо въ близъ стоящую покойницкую. Мы долго наблюдали за этимъ шатромъ — много страдальцевъ было внесено туда, но мало возвращалось обратно живыми. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ карболки, запекшейся крови и разныхъ отбросовъ. Въ сосѣдней лощинѣ валялись ампутированныя части человѣческаго тѣла: руки, ноги, пальцы; ихъ еще не успѣли зарыть, цѣлая куча накопилась только съ утра; эти отбросы издавали уже трупный запахъ.

Почти съ благоговѣніемъ относились всѣ больные и раненые къ самоотверженной дѣятельности сестеръ милосердія, находящихся здѣсь въ такихъ тяжкихъ условіяхъ; священника

тоже очень хвалили — всѣми силами старался онъ помочь нуждающимся, но не въ его власти было ввести порядокъ во временномъ госпиталѣ, которымъ завѣдывалъ откомандированный отъ строя офицеръ.

Подъ вечеръ былъ накрытъ столъ позади обоза и поданъ обѣдъ для нѣкоторыхъ врачей и сестеръ милосердія. Мы замѣтили, что не всѣ были приглашены къ этому столу, вѣроятно удостоились только лица болѣе вліятельныя. Мы слышали, какъ смотритель говорилъ потомъ: „Ну теперь жаловаться не будутъ, я ихъ такимъ обѣдомъ угостилъ, что долго будутъ помнить". А мы все тщетно ожидали обѣщаннаго ужина. Въ 10 часовъ вечера смотритель явился къ намъ съ опечаленнымъ видомъ и объявилъ, что поваръ напился пьянъ и нечаянно опрокинулъ нашъ ужинъ въ огонь, но что пожалуй, что нибудь поѣсть найдется, если мы согласимся прождать еще часа два. Никто этой исторіи не повѣрилъ, очевидно, что и на это обѣщаніе нечего было разсчитывать и мы, голодные и взбѣшенные безсовѣстностью смотрителя, заснули, не смотря на раздражающее храпѣніе умирающаго Шлиттера, который смолкъ навсегда только подъ утро.

1-го сентября. Вчера было объявлено, что обозъ съ ранеными, отправляемыми въ Болгарію и далѣе, выступитъ сегодня въ 7 часовъ утра. Фуры уже готовы и мы ждали съ нетерпѣніемъ, когда нашъ поѣздъ тронется—мы надѣялись, что намъ будетъ лучше въ тѣхъ постоянныхъ госпиталяхъ, которые подальше отъ театра войны и гдѣ, вѣроятно, заведенъ строгій порядокъ, совершенно отсутствующій здѣсь. Тяжело раненыхъ сложили на носилки и вынесли изъ палатокъ, но почему то въ фургоны ихъ не укладывали и такъ они оставались на солнцепекѣ безъ прикрытія въ теченіе 6-ти часовъ.

Я не хотѣлъ разстаться съ госпиталемъ, не сказавъ смотрителю все, что у меня накипѣло на душѣ. Отъ моихъ словъ онъ сконфузился, изъ боязни, вѣроятно, что я буду жаловаться, распорядился, чтобы было перемѣнено постельное бѣлье, чтобы офицерамъ была сдѣлана перевязка и чтобы черезъ часъ былъ всѣмъ поданъ завтракъ изъ бульона и куска говядины.

Къ намъ подошелъ уполномоченный Краснаго креста Исаковъ, чтобы освѣдомиться, не нуждаемся ли мы въ чемъ нибудь; жалко, что его не было здѣсь вчера. Исаковъ представилъ меня князю Черкасскому, который любезно пригласилъ меня къ своему раннему обѣду. Я конечно воспользовался случаемъ, чтобы разсказать о безпорядкахъ и лишеніяхъ, которымъ подвергались раненые въ 51-мъ временномъ госпиталѣ.

Нашъ поѣздъ тронулся только въ 3 часа по полудни. Мы подвигались черепашьимъ шагомъ по невозможной дорогѣ,—на каждомъ ухабѣ раздавались стоны. Печальное зрѣлище представлялъ этотъ скорбный обозъ. Трое умерло до перваго привала.

На нашемъ пути вездѣ, гдѣ тому способствовала холмистая мѣстность, построены батареи, траншеи, а на командующихъ высотахъ —редуты. Эти укрѣпленія предназначены для задержанія непріятеля на случай отступленія нашей арміи. Турки сумѣли воспользоваться такими укрѣпленными позиціями, чтобы остановить наши войска на Шипкѣ и подъ Плевною.

Обозъ нашъ остановился поздно вечеромъ въ селѣ Карагачъ. Я и трое другихъ офицеровъ съ неповрежденными ногами, воспользовались нашимъ преимуществомъ передъ другими ранеными, чтобы пойти разыскать сносное мѣсто для ночлега. Увидя свѣтъ въ одной избѣ, мы постучались —послышался сдержанный говоръ за дверью, но насъ не пускали; сквозь свѣтившуюся щель въ двери я просунулъ серебряную монету и просилъ дать намъ уголъ для ночлега и кусокъ хлѣба —но и это тоже не подѣйствовало, тогда я предложилъ три, потомъ пять рублей, но хозяева—болгаре упорно молчали. Нечего было дѣлать. Не разсчитывая найти лучшій пріемъ въ другомъ мѣстѣ, мы рѣшили размѣститься на ночлегъ въ раззоренномъ сарайчикѣ тутъ же во дворѣ. Не успѣли мы прилечь, какъ дверь въ избѣ тихо отворилась и изъ нея вышли осторожно старикъ болгаринъ и болгарка, затворили за собою дверь на ключъ и скрылись въ темнотѣ. Чрезъ нѣсколько времени болгары вернулись, но ужъ въ сопровожденіи пѣхотнаго патруля и, указывая на насъ, жаловались, что мы хотѣли

ихъ ограбить. Когда солдатики узнали, какъ съ нами обошлись братушки, они такъ озлобились, что намъ самимъ пришлось заступиться за тѣхъ, кто на насъ жаловался. Мнѣ не разъ приходилось замѣчать враждебность нѣкоторыхъ болгаръ къ русскимъ. Первыя наши неудачи подъ Плевною произошли, говорятъ, отчасти оттого, что болгаре скрыли отъ насъ дѣйствительное количество турецкихъ войскъ на позиціяхъ. Я слышалъ, что пять болгаръ, уличенныхъ въ измѣнѣ и шпіонствѣ, были повѣшены по распоряженію полевого штаба. Мы, можетъ быть, слишкомъ наивно ожидали благодарности отъ болгаръ и румынъ за ихъ освобожденіе отъ турецкаго гнета. Существовало ли угнетеніе болгаръ турками въ той степени, какъ оно было представлено читающей публикѣ иностранною и нашею печатью, не предпочитала ли часть населенія существовавшіе прежде турецкіе порядки тѣмъ, которые заводились нынѣ пришлыми единовѣрцами?! Приходилось слышать жалобы, что болгары отказывали намъ въ требованныхъ за плату продуктахъ, говоря, что у нихъ все забрали турки. Однако, много болгаръ сохранило свое имущество во время мусульманскихъ гоненій и попрятало его только по приходѣ нашихъ войскъ. Можетъ быть, происходило это изъ боязни мести турокъ за дружеское къ намъ расположеніе. Въ этомъ, можетъ быть, они были правы. Лѣтній походъ генерала Гурко чрезъ Балканы, когда братушки встрѣчали насъ, какъ избавителей, обошелся имъ очень дорого. Мы отступили, а непріятель, занявшій вновь эти мѣста, заставилъ болгаръ горько раскаяться за оказанный намъ радушный пріемъ.

2-го сентября. Нашъ обозъ пошелъ далѣе до Болгарени, куда мы пришли довольно рано. Госпитальные шатры переполнены больными и ранеными. Немногіе лежали на носилкахъ, вмѣсто коекъ, большинство же валялось въ безпорядкѣ на землѣ безъ подстилки и одѣялъ, прикрытые только своимъ окровавленнымъ бѣльемъ и платьемъ. Здѣсь лежалъ тоже генералъ Родіоновъ, раненый въ ногу. Онъ пригласилъ меня обѣдать и былъ очень ко мнѣ внимателенъ. Лихорадка у меня спала, и я пошелъ прогуляться, чтобы промять затекшія ноги.

Велико было мое горе, когда, по возвращеніи, я узналъ, что Государь посѣтилъ госпиталь во время моего отсутствія и я его не видѣлъ. Онъ привезъ въ своей коляскѣ пять раненыхъ, подобранныхъ Имъ по дорогѣ. Они шли уже два дня, не дождавшись очереди на переполненныхъ повозкахъ обозовъ, и ничего за это время не ѣли. Государь приказалъ ихъ немедленно накормить, но даже Царское приказаніе не могло быть исполнено, такъ какъ смотритель госпиталя не имѣлъ готовой провизіи.

Государь лично раздалъ георгіевскіе кресты многимъ раненымъ нижнимъ чинамъ.

Вечеромъ стало свѣжо, раненые жаловались, что имъ нечѣмъ прикрыться. Изъ тысячи двухсотъ раненыхъ въ госпиталѣ Болгарени только шестьсотъ могло быть накормлено, такъ какъ не имѣлось достаточно кухонной посуды, чтобы для всѣхъ заготовить пищу. Я слышалъ, какъ старшій врачъ спрашивалъ у смотрителя бандажей и корпіи, и ему было отвѣчено, что перевязочныхъ средствъ болѣе нѣтъ.

Благодаря заботливости княгини Шаховской мнѣ дали тюфякъ, подушку и одѣяло. Я расположился между рядами офицерскихъ кроватей на землѣ.

3-го сентября. Утромъ пріѣхалъ ординарецъ генерала Крюднера, ротмистръ Х. Ему поручено передать генералу Родіонову, что представленіе къ наградамъ за дѣло 30-го августа должно быть составлено и подписано имъ, такъ какъ онъ командовалъ штурмовыми колоннами.

Желая скорѣе добраться до Бухареста, гдѣ имѣлись прекрасные госпитали съ лучшимъ уходомъ за ранеными, чѣмъ во временныхъ, я отправился въ Систово и тамъ надѣялся найти какой нибудь экипажъ, чтобы добраться до ближайшей станціи желѣзной дороги. Съ большимъ трудомъ получилъ я отъ старшаго врача разрѣшеніе на выѣздъ изъ госпиталя, не смотря на то, что ни мнѣ, ни многимъ другимъ не было мѣста.

Въ Систовѣ я нанялъ бричку и поѣхалъ чрезъ Дунай въ Зимницу. Всѣ госпитали были переполнены, меня нигдѣ не принимали, а между тѣмъ отказывали выдать свидѣтельство

на дальнѣйшее слѣдованіе, такъ какъ на моей санитарной книжкѣ прописано, что я препровожденъ въ госпиталь № 47. Долго я странствовалъ по городу, пока не разыскалъ этотъ госпиталь въ отдаленномъ предмѣстьи. Мѣста въ немъ тоже не оказалось и мнѣ предложили ѣхать въ Фратешти, гдѣ, можетъ быть, найдется свободная койка. Я просилъ, чтобы мнѣ была сдѣлана перевязка, — взялся меня перевязать самъ профессоръ Л. Онъ былъ очень заботливъ и любезенъ. Здѣсь я увидѣлъ моего бывшаго нукера *) осетина Татархана, который служилъ у меня съ 15-лѣтняго возраста. Когда была объявлена война ему было только 17 лѣтъ, но онъ умолялъ меня отпустить его на Кавказъ для поступленія въ дѣйствующую армію. Я выхлопоталъ ему назначеніе въ Владикавказскій Осетино-Ингушскій полкъ, которымъ тогда командовалъ мой пріятель, подполковникъ Акимовъ. Вотъ здѣсь мы теперь встрѣтились оба раненые въ одинъ день 30-го августа. Татарханъ былъ на лѣвомъ флангѣ, въ отрядѣ Скобелева, и былъ раненъ, когда Османъ старался выбить Скобелева изъ отнятыхъ имъ у турокъ позицій. У Татархана на груди знакъ отличія военнаго ордена, полученный за дѣло подъ Ловчей.

Изъ Зимницы я выѣхалъ въ румынской каруцѣ. Въ Петрошани мы прибыли въ полночь, а въ Фратешти только въ 4 часа утра.

Всѣ госпитали также полны и меня нигдѣ не приняли. Я отправился на вокзалъ, чтобы съ первымъ поѣздомъ ѣхать въ Бухарестъ, тамъ навѣрно найдется помѣщеніе въ одномъ изъ госпиталей. На платформѣ я прилегъ на мѣшкахъ съ мукою и заснулъ.

Было уже свѣтло, когда я проснулся; поѣздъ стоялъ на вокзалѣ. Меня окликнулъ мой старый пріятель, Гавріилъ Сухановъ, лейбъ-гусаръ. Онъ не ожидалъ встрѣтить меня въ такомъ видѣ. Два, три часа сна на открытомъ воздухѣ меня еще болѣе ослабили, и я не могъ одинъ подняться. Съ помощью товарища я насилу добрался до вагона.

*) Нукерами на Кавказѣ зовутъ личную прислугу изъ туземцевъ, въ родѣ деньщиковъ; они преданы, не дадутъ въ обиду своего барина, но прислуживаютъ неохотно— ихъ должность скорѣе декоративна.

Къ 12-ти часамъ дня мы прибыли въ Бухарестъ и проѣхали прямо въ „Grand Hôtel du Boulevard“. Тамъ были помѣщены вновь прибывшіе изъ Россіи офицеры гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, они заняли большую залу гостиницы. Мы застали всю компанію въ сборѣ, намъ сейчасъ же предложили присоединиться къ общему дортуару. Между этими офицерами много моихъ товарищей, съ другими я былъ знакомъ уже давно. Меня очень радовало чувствовать себя въ родственномъ кругу. Всѣ меня радушно приняли и отнеслись съ сердечнымъ участіемъ, когда узнали, что я раненъ. Хотя мнѣ слѣдовало, конечно, возможно скорѣе поступить въ госпиталь, но я былъ такъ счастливъ находиться въ средѣ дорогихъ товарищей, съ которыми меня связывало такъ много общихъ воспоминаній, что я отложилъ на время мои заботы о ранѣ, не смотря на то, что она сильно побаливала, и рѣшился не отставать отъ компаніи, куда бы ни шло.

Въ первый вечеръ мы отправились въ національный театръ. Диветта Lea со знаменемъ въ рукахъ пѣла румынскую марсельезу. Румыны не теряли случая напомнить, что они одного происхожденія съ французами. Отчего бы имъ не имѣть тоже своей марсельезы, вѣдь они взялись теперь за оружіе, чтобы отвоевать себѣ независимость. Въ Парижѣ когда то пропѣла марсельезу въ знаменательный вечеръ великая драматическая артистка Рашель передъ восторженной толпой; здѣсь же пошлую поддѣлку марсельезы пропѣла кафе-шантанная пѣвица въ честь хвастливыхъ потомковъ вырожденныхъ латинцевъ.

5-го сентября. Рана сильно разболѣлась; для осмотра раны и перевязки Сухановъ предложилъ свезти меня въ румынскій госпиталь, гдѣ за больными и ранеными ухаживали свѣтскія барыни мѣстной аристократіи. Мнѣ было очень неловко въ первую минуту, когда пришлось снимать рубашку при нарядныхъ красивыхъ румынкахъ, за которыми раненые охотно бы сами ухаживали. Нужно отдать справедливость этимъ милымъ дамамъ, что онѣ прекрасно исполняли принятую на себя работу; при такихъ условіяхъ леченія можно было считать за удовольствіе быть въ числѣ больныхъ.

6-го сентября. Съ вершины балкона нашей гостиницы мы смотрѣли на вступленіе въ городъ гродненскихъ гусаръ и уланъ Его Величества, отправляющихся въ дѣйствующую армію. Это было красивое зрѣлище; на нашихъ гвардейскихъ кавалеристовъ не могли наглядѣться румынки, занявшія мѣста во всѣхъ окнахъ и на балконахъ по пути слѣдованія войскъ. При встрѣчѣ съ командиромъ Гродненскаго полка, принцомъ Альтенбургскимъ, онъ предложилъ мнѣ прикомандироваться къ своему полку по выздоровленіи. Я благодарилъ и сказалъ, что былъ бы очень радъ служить въ такомъ прекрасномъ полку и подъ его начальствомъ, но что едва ли полевой штабъ согласится на это. Принцъ обѣщалъ лично просить генерала Непокойчицкаго о моемъ прикомандированіи и, въ случаѣ успѣха, телеграфировать въ Бухарестъ генералу Голынскому для моего извѣщенія. Какъ я это предвидѣлъ, начальникъ полевого штаба отвѣтилъ принцу отказомъ.

7-го сентября проходили чрезъ Бухарестъ лейбъ гусары и Петергофскіе уланы, не останавливаясь въ городѣ. Съ этими полками уходило двое изъ моихъ лучшихъ друзей. Мелькомъ видѣлся я со многими товарищами по Конной гвардіи, прикомандированными къ полкамъ, слѣдующимъ на войну.

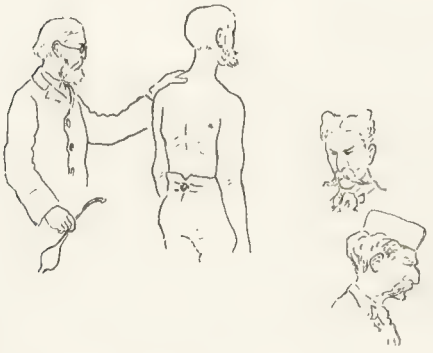
8-го сентября. Всѣ мои товарищи и друзья уходили сегодня, остался только одинъ графъ Густавъ Штакельбергъ. Мнѣ очень грустно; чего бы я не далъ, чтобы имѣть возможность слѣдовать за ними. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ любимой полковой семьей, и вдругъ мы опять зажили прежнею дружною и веселою жизнью. Мнѣ была давно пора приняться за серьезное леченіе, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ, и я не отставалъ отъ товарищей, теперь же я рѣшилъ безотлагательно поступить въ румынскій Бранкованскій госпиталь, который славился въ Бухарестѣ прекраснымъ уходомъ за больными. Я былъ приглашенъ обѣдать у генерала Дрентельна, а послѣ обѣда явился въ госпиталь, гдѣ уже была приготовлена для меня кровать.

9-го сентября. Бранкованскій дворецъ и доходы съ большихъ имѣній были завѣщаны княгиней Бранкованъ, вдовой

князя Бранкована, убитаго на войнѣ, на устройство госпиталя для больныхъ и раненыхъ офицеровъ. Нынѣшній директоръ госпиталя, полковникъ Бибеско, предоставилъ 110 кроватей въ распоряженіе русскихъ офицеровъ.

Полковникъ Бибеско уже не молодой, онъ въ высшей степени симпатиченъ; кромѣ уваженія и любви, которыя всѣ къ нему питали, для насъ русскихъ онъ еще тѣмъ дорогъ, что служилъ въ русскихъ войскахъ и заслужилъ на войнѣ офицерскаго Георгія. Всѣ пользовавшіе насъ доктора—знаменитости, помощники у нихъ—студенты здѣшняго университета, весь же остальной персоналъ—женскій и, благодаря этому, въ госпиталѣ царятъ удивительная чистота и порядокъ. Помѣщеніе госпиталя замѣчательно роскошью, залы, въ которыхъ мы размѣщены высоки, свѣтлы, вездѣ чистота безукоризненная, врачебный персоналъ и прислуга заботливы, обходительны — столъ прекрасный. Не смотря, однако, на такое совершенство, между нашими соотечественниками есть недовольство, замѣчательно, что жаловались всегда тѣ, кто былъ менѣе избалованъ судьбою. Есть и такіе, которые всѣмъ недовольны, имъ даже не нравится наша симпатичная и красивая сестра милосердія „Ванда Бжезинская“. Въ одной палатѣ со мною лежитъ уланъ Его Величества Хрулевъ, мой товарищъ по Пажескому корпусу, и конногвардеецъ Мосоловъ. Они оба больны лихорадкой. Напротивъ меня лежалъ, съ подвязанной къ верху ногою, Верещагинъ, братъ художника; онъ былъ раненъ 31-го августа у Скобелева на Зеленыхъ Горахъ. Между русскими только и разговора, что о Скобелевѣ. Немногіе стоятъ за него, большинство противъ. Я замѣтилъ, что его недоброжелатели встрѣчаются преимущественно между его сверстниками, тогда какъ служившіе подъ его начальствомъ ему преданы до самоотверженія. Я привожу рядъ обвиненій анекдотическаго характера, которыя мнѣ довелось слышать отъ разныхъ лицъ. „Въ Туркестанѣ онъ получилъ георгіевскій крестъ, благодаря невѣрно составленнымъ реляціямъ и шарлатанству“. „За управленіе Ферганскою областью его слѣдовало не отличать, а отдать подъ судъ“.

Жаловались, что Скобелевъ отчаянными и безполезными атаками на Зеленыхъ Горахъ погубилъ лучшія наши войска подъ Плевною 16-й дивизіи и 3-й стрѣлковой бригады. Храбрости его, конечно, никто отвергать не могъ, но находили, что эта храбрость съ его стороны—преступное шарлатанство, за которое платились лица, ѣхавшія въ его свитѣ. Я слышалъ, что Скобелевъ любилъ выводить подъ огонь присланныхъ къ нему изъ полевого штаба адъютантовъ и ординарцевъ, онъ будто бы потѣшался, видя ихъ замѣшательство и желаніе скорѣе покинуть опасное мѣсто. Самые снисходительные изъ критиковъ Скобелева находили, что онъ храбрый офицеръ, но еще не доказалъ, что онъ можетъ быть хорошимъ генераломъ. Скобелевъ, съ своей стороны, обвинялъ полевой штабъ въ томъ, что ему не давали подкрѣпленій, когда онъ въ нихъ нуждался. На это отвѣчали, что Скобелеву самому было извѣстно, что при обширности нашихъ позицій нельзя было ослабить одну часть отряда для подкрѣпленія другой, въ дѣлѣ же 30-го августа Крушеницкій оврагъ, раздѣляющій наши позиціи лѣваго фланга, былъ причиною, что Скобелеву не были высланы подкрѣпленія. Сторонники Скобелева и почти всѣ иностранцы восхищались его заботливостью о солдатѣ, его громадному военному знанію и таланту, его проницательности, неустанной дѣятельности и энергіи.



Бранковановскій госпиталь. Д-ра Petzell и Hermann.

Считаю не лишнимъ передать слышанный мною разсказъ объ одномъ изъ эпизодовъ дѣла 18-го іюля подъ Плевною отъ командира Тамбовскаго полка, полковника Головина. Въ то время, какъ главныя силы нашихъ войскъ съ обозами поспѣшно отступали по направленію къ Систову, а болѣе нервные интендантскіе чиновники скакали, сломя голову, чтобы скорѣе перебраться за Дунай отъ воображаемаго преслѣдованія

турокъ, Тамбовскій полкъ, будучи въ авангардѣ, ночевалъ подъ Гривицей, не тревожимый турками, и намѣревался возобновить неудавшуюся атаку редута. О тамбовцахъ вспомнили только на другой день, и тогда только было имъ послано приказаніе отступать.

11-го сентября. Дамы, которыхъ я встрѣчалъ на улицѣ и въ ресторанахъ, оказывали мнѣ большую заботливость, предлагали мнѣ руку, чтобы подняться или спуститься съ лѣстницы, въ ресторанахъ помогали мнѣ сѣсть, разрѣзывали кушанья и готовы были кормить меня, какъ малолѣтняго. Такъ какъ большая часть этихъ дамъ были молоды и красивы, то я съ удовольствіемъ принималъ ихъ услуги и не тяготился ими.

Конногвардейцы, прикомандированные къ гвардейскимъ кавалерійскимъ полкамъ, прибывшимъ въ Бухарестъ, увлекли меня обѣдать у Фраскати. Я еще разъ поддался соблазну, хотя зналъ впередъ, что это дурно отзовется на моей ранѣ.

12-го сентября. Офицеры, пользующіеся въ Бранкованскомъ госпиталѣ, имѣли право выходить днемъ изъ госпиталя, если со стороны врачей къ тому не было препятствій. Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ, вѣроятно, не очень больные, возвращались поздно ночью, будили прислугу, требовали себѣ ужинъ и, когда получали отказъ, то шумѣли и подъ хмѣлькомъ вели себя неприлично. Вслѣдствіе жалобъ госпитальнаго начальства генералъ Дрентельнъ приказалъ не выпускать больше никого изъ госпиталя до совершеннаго выздоровленія или эвакуаціи. Исправляющій должность бухарестскаго губернатора генералъ Голынскій передалъ мнѣ, что не можетъ сдѣлать исключенія для меня, хотя онъ увѣренъ, что я не навлеку на себя тѣхъ же обвиненій. Пришлось, скрѣпя сердце, запереться въ госпиталѣ, что было очень тяжело: ноги у меня здоровы, а духъ жаждалъ свободы.

13-го сентября. Насъ навѣстили госпожи Демидовы и Оливъ (жена полковника лейбъ-гусара). Это посѣщеніе навело насъ на разговоры о роли женщины во время войны. Мои товарищи выражали мысль, что только тѣ женщины должны были бы слѣдовать за войсками, которыя всецѣло посвятили

себя уходу за больными и ранеными и имѣли на то призваніе, но женамъ, сестрамъ и матерямъ лучше оставаться дома.

14-го сентября. Одинъ за другимъ товарищи покидали меня. Сегодня ушли двое послѣднихъ. Меня разобрала такая тоска, что я тоже рѣшился выписаться, хотя моя рана въ дурномъ видѣ. Сестра Ванда очень на меня сердилась, но я обѣщалъ приходить къ ней каждый день для перевязки. Выйдя изъ ограды госпиталя, я вдохнулъ полною грудью свѣжій воздухъ и почувствовалъ себя счастливымъ, какъ выпущенный изъ тюрьмы.

Я занялъ номеръ въ „Grand Hôtel du Boulevard“, гдѣ жили еще нѣсколько товарищей, задержанныхъ по дѣламъ службы или пользующіеся короткимъ отпускомъ, чтобы стряхнуть однообразіе бивачной жизни и насладиться европейскимъ комфортомъ и развлеченіями Бухареста.

15-го сентября. Въ нашей гостиницѣ, въ часъ завтрака, всѣ столы большого ресторанаго зала были заняты блестящими гвардейцами и штабными. Большой компаніей въ коляскахъ мы поѣхали на обычное гулянье въ прекрасномъ паркѣ, прорѣзанномъ Плоэштскимъ шоссе, откуда оно и названо „La Chaussée“. И тутъ румыны, сравнивающіе Бухарестъ съ Парижемъ, подражали также парижанамъ, выѣзжая на катаніе въ „La Chaussée“ какъ тамъ „au bois“ *). И тутъ великосвѣтскія и полусвѣтскія дамы щеголяли парижскими модами и шляпами; экипажи только нѣсколько различны, и въ особенности кучера: безусые и безбородые, какъ заграничные, они, однако, отличались отъ послѣднихъ обрюзглыми лицами, похожими на старыхъ бабъ. Эти кучера – скопцы выходцы изъ Россіи, славящіеся своимъ искусствомъ управлять лошадьми. Вмѣсто того, чтобы оберегать цѣломудріе женщинъ, какъ это вмѣняется въ обязанность ихъ собратьямъ на востокѣ, скопцы способствуютъ любовнымъ сношеніямъ между барынями, катающимися на „Chaussée“ и приглядѣвшимися имъ мужчинами. Каждый изъ этихъ кучеровъ знаетъ всю подноготную мѣстнаго общества и можетъ дать самыя точныя свѣдѣнія о томъ, можно ли имѣть успѣхъ у такой то дамы или нѣтъ.

*) Булонскій лѣсъ.

18-го сентября. Прибылъ изъ Добруджи мой деньщикъ Шевченко. Онъ не зналъ — радоваться ли ему тому, что я живъ, или горевать о томъ, что я раненъ. Жалко ему тоже простр'ѣленнаго мундира, б'ѣлая шелковая подкладка котораго вся испачкана кровью. Онъ хотѣлъ починить дыру, пробитую пулею и вымыть кровь, но я уговорилъ его оставить все въ томъ вид'ѣ, въ какомъ онъ былъ посл'ѣ моего раненія, для памяти. Пока Шевченко возился съ моимъ мундиромъ въ корридор'ѣ гостиницы, ц'ѣлая толпа жильцовъ обступила его, интересуясь гд'ѣ, когда и какимъ образомъ былъ простр'ѣленъ мундиръ и р'ѣшили, что навѣрно владѣлецъ его былъ убитъ на повалъ.

Мои товарищи всѣ разъѣхались, остался только симпатичный лейбъ-гусаръ Гр. Шт., заболѣвшій лихорадкой; мы съ нимъ продолжали ту безпутную жизнь, которую вели всѣ наши офицеры, пребывающіе въ Бухарестѣ: обѣдъ въ ресторанѣ Фраскати или Брофта, катаніе „à la chaussée“, вечера въ театрѣ или „café concert“, ужинъ опять въ какомъ нибудь ресторанѣ, и такъ каждый день, - измѣнялись только собесѣдники, такъ какъ одни уѣзжали, а другіе прибывали. Мой новый пріятель познакомилъ меня съ двумя англійскими полковниками, пріѣхавшими посмотрѣть, какъ мы ведемъ войну. Мы съ ними провели вмѣстѣ ц'ѣлый день. Они принадлежали къ лучшему обществу, были очень любезны и отзывались съ большой похвалой о русскихъ войскахъ, но, тѣмъ не менѣе, чувствовалась скрытая враждебность.

21-го сентября. Я замѣтилъ, что жизнь, которую велъ въ Бухарестѣ, вредно отзывалась на моемъ здоровьѣ вообще и на ранѣ въ особенности, поэтому, не надѣясь устоять отъ соблазна, оставаясь въ Бухарестѣ, я р'ѣшилъ уѣхать въ Добруджу въ гости въ 29-й полкъ, съ которымъ пережилъ много хорошаго времени. Добрую память хранилъ я также о симпатичномъ командирѣ полка, полковникѣ Пономаревѣ. Тамъ, думалъ я, можно будетъ серьезно полечиться, чтобы имѣть возможность скорѣе вернуться въ дѣйствующую армію.

Передъ выѣздомъ изъ Бухареста я послалъ сестрѣ Вандѣ корзину р'ѣдкихъ въ то время года фруктовъ и цв'ѣтовъ и

брошь съ изображеніемъ Краснаго Креста изъ рубиновъ на брилліантовомъ полѣ.

Я остановился въ Браиловѣ, чтобы обсудить, какимъ путемъ удобнѣе добраться до 29-го полка, переведеннаго въ Тульчу. Пароходнаго сообщенія не было, на лошадяхъ я боялся ѣхать, чтобы не растревожить рану. Мнѣ пришло на мысль, что было бы интересно совершить это путешествіе на рыбачьей лодкѣ внизъ по Дунаю. Я зашелъ къ нашему консулу въ Браиловѣ, Мела. Онъ и его семейство приняли меня какъ родного и просили отобѣдать у нихъ въ этотъ день. Послѣ обѣда собрался у Мела весь браиловскій бомондъ, и тутъ произошелъ неожиданный для меня сюрпризъ: Мела принесъ нѣсколько газетъ и журналовъ и сталъ читать собравшейся публикѣ всѣ статьи, въ которыхъ писалось обо мнѣ. Много тутъ было чепухи и вранья, но мнѣ не удалось убѣдить моихъ собесѣдниковъ, что дѣло было не такъ, какъ напечатано, тѣмъ болѣе, что написанное подтверждалось еще иллюстраціей, въ коей я былъ изображенъ сидящимъ на пушкѣ съ звѣрскимъ выраженіемъ лица и рубящимъ турокъ. Я пытался разсказать, что я сидѣлъ на пушкѣ уже послѣ того, какъ былъ раненъ, но легенда, описанная военными репортерами, такъ понравилась моимъ друзьямъ, что они не хотѣли мнѣ вѣрить и принимали мои отрицанія за скромность.

Сестра Vanda Bzesinska.

23-го сентября. Въ 9 часовъ утра я сѣлъ въ рыбачью шлюпку съ двумя гребцами, которыхъ договорилъ не безъ труда доставить меня въ Тульчу. Вѣтеръ былъ противный, тѣмъ не менѣе парусъ былъ поднятъ, чтобы не утомлять гребцовъ; я усѣлся у руля, и мы отвалили. Лавировкой мы подвигались медленно впередъ, не смотря на попутное теченіе. Пришлось, наконецъ, спустить парусъ и выгребаться до Барбоша, гдѣ Дунай сворачивалъ въ сторону и можно было идти опять подъ парусомъ, но очень круто на вѣтеръ — моряки это называютъ идти въ бейдевиндъ (by the wind). Такъ мы добрались до Галаца и только оттуда уже пошли въ полъ-вѣтра.

Штурмъ Гривицкаго редута.

На рѣкѣ было холодно, моросилъ мелкій дождь, налетали шквалъ за шкваломъ, и не разъ заливало нашу лодку, но я слѣдилъ за каждымъ порывомъ вѣтра, выпускалъ своевременно шкотъ и встрѣчалъ носомъ набѣгающій валъ. Мы закусывали по очереди, такъ какъ въ такую погоду надо было быть бдительными. Кромѣ насъ на Дунаѣ не видно ни одного паруса. Къ вечеру засвѣжѣло еще болѣе, мы промокли отъ непрерывнаго дождя и брызгъ ударявшихъ насъ волнъ. Матросы предложили мнѣ переночевать на берегу. Городъ Исакча не далеко, но приходилось свернуть по каналу, въ сторону отъ нашего пути. Я согласился; рана раскрылась, меня лихорадитъ и я усталъ въ борьбѣ съ волнами и вѣтромъ. На берегу встрѣтилъ меня пѣхотный сторожевой постъ и провелъ въ духанъ, гдѣ можно было отогрѣться, поѣсть и переночевать. Только что я расположился отдыхать, ко мнѣ явился командиръ роты, занимавшей сторожевую линію по Дунаю, чтобы спросить, кто я такой и почему я путешествую столь необычайнымъ образомъ. Когда я удовлетворилъ его любопытство, онъ удалился, а нѣсколько минутъ спустя прибылъ вѣстовой отъ командира баталіона, расположеннаго въ Исакчѣ, и передалъ, что маіоръ проситъ позволенія мнѣ представиться. Я долженъ былъ извиниться, такъ какъ уже лежалъ раздѣтый на тахтѣ, пока мое платье сушили на кухнѣ у очага.

Вторая смѣна на руль.

24-го сентября. Мы вышли изъ Исакчи рано утромъ. Вѣтеръ усилился до шторма и дулъ намъ прямо на встрѣчу,

пришлось идти на веслахъ. Было такъ холодно, что я былъ вынужденъ сойти на берегъ и пробѣжать съ версту, чтобы немного согрѣться. Завернувъ въ Тульчинскій рукавъ, оказалось возможнымъ поднять зарифленый парусъ. Насъ накренило по самый бортъ и каждымъ большимъ валомъ обливало съ носа до кормы. Шлюпка была устойчива и слушалась хорошо руля. Близъ Тульчи фарватеръ былъ обозначенъ баканами; въ то время, какъ мы огибали одинъ изъ нихъ, налетѣлъ

Огибаемъ баканъ.

сильный шквалъ, я вытравилъ весь шкотъ и хотѣлъ привести къ вѣтру, но на этотъ разъ шлюпка руля не послушалась, волна повернула ее, хватила поперекъ и залила на половину—минута была критическая, но шлюпка выправилась, и мы полетѣли впередъ, направляясь къ Тульчинскому рейду. Мы прошли подъ кормой стоявшаго у берега военнаго судна и лихо подошли къ пристани при знакахъ одобренія нашихъ моряковъ и многочисленной публики, слѣдившей съ берега за нашими

похожденіями. Пока мы боролись съ бурей и разсвирѣпѣвшимъ Дунаемъ, я совсѣмъ позабылъ о ранѣ и лихорадкѣ, но какъ только ступилъ на берегъ, то совсѣмъ занемогъ. Я доѣхалъ на извощикѣ до гостиницы и сейчасъ же легъ въ постель. Здѣсь я узналъ, что 29 казачій полкъ въ Бабадагѣ, но что полковника Пономарева ожидали на завтра.

Добруджскій губернаторъ Бѣлоцерковецъ услыхалъ о моемъ пріѣздѣ и просилъ меня у него отобѣдать; я успѣлъ отогрѣться и отдохнуть, лихорадка спала, и я былъ радъ принять любезное приглашеніе. Съ нами обѣдалъ воинскій начальникъ Тульчи, полковникъ Юргенсонъ.

25-го сентября. Пріѣхалъ Пономаревъ, нашъ милый докторъ Иванъ Ивановичъ Сергѣевъ и воинскій начальникъ въ Бабадагѣ, Полозковъ. Я очень обрадовался моимъ симпатичнымъ сослуживцамъ. Много было чего поразсказать другъ другу; бесѣда съ Пономаревымъ всегда интересная и поучительная: у него пытливый умъ, ничто не проходило для него незамѣченнымъ, онъ многое видѣлъ въ своей жизни и пережилъ интересныя событія, какъ, напримѣръ, польское возстаніе, во время котораго, будучи сотникомъ, онъ получилъ Владиміра съ мечами и бантомъ за лихое дѣло съ повстанцами.

Сергѣевъ слѣдилъ за моимъ поведеніемъ. Покойная жизнь и молодость ускоряли заживленіе раны. По утрамъ я дѣлалъ прогулки, обѣдали мы и ужинали всегда вмѣстѣ; вечеръ проходилъ въ разговорахъ, и такъ протекало незамѣтно время, какъ будто бы въ одной изъ центральныхъ губерній Россіи. Этому отчасти способствовало то, что Тульча совсѣмъ русскій городъ.

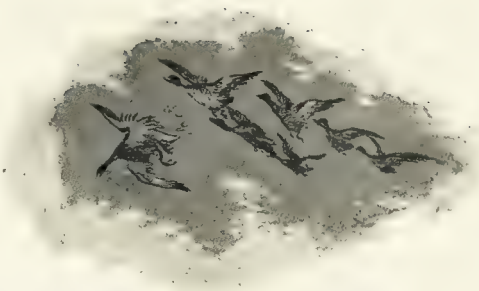
28-го сентября. Ходилъ слухъ, что наши войска затѣваютъ нападеніе на Сулинъ. Всѣ этимъ живо интересуются. Сегодня Бѣлоцерковецъ получилъ отъ генерала Веревкина телеграмму, что большой трехмачтовый турецкій пароходъ, тревожившій Тульчинское населеніе съ недѣлю тому назадъ, потопленъ нашими миноносками въ Сулинскомъ проливѣ. Поэтому у Бѣлоцерковца устроился экспромтомъ большой завтракъ. Мы пили за здоровье русскаго доблестнаго флота.

29-го сентября. Полозковъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Бабадагъ на прекрасно подобранной и съѣзженной тройкѣ турецкихъ лошадей. Тотчасъ по нашемъ пріѣздѣ мнѣ представился городской административный совѣтъ. Предсѣдатель этого совѣта болгаринъ, большой плутъ: во время турецкаго правленія, будучи сборщикомъ податей, онъ одинаково эксплоатировалъ и турокъ, и своихъ и нажилъ порядочное состояніе.

Казаки моей сотни встрѣтили меня радушно. До нихъ дошелъ слухъ, что я былъ убитъ, атакуя турецкую батарею во главѣ сотни 9-го Донского казачьяго полка. Зная психологію донцовъ, мнѣ было очень лестно услышать, что обо мнѣ распространились такіе толки. Это означало, что казаки меня признавали своимъ и вѣрили, что, командуя казачьими частями, я навѣрно совершилъ бы лихой подвигъ.

За дѣла 21-го іюля и 30-го августа казаки моей сотни уже получили георгіевскіе кресты. Я собралъ сотню, вызвалъ впередъ новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ и, поздравивъ ихъ, поцѣловался съ каждымъ отдѣльно. На сотню я приказалъ выдать нѣсколько ведеръ водки.

1-го октября. Полозковъ устроилъ охоту въ наѣздку съ турецкими борзыми, найденными въ покинутыхъ непріятелемъ селеніяхъ. Онѣ довольно рѣзвы, и за день мы затравили нѣсколько зайцевъ. Мы переночевали у богатыхъ болгаръ въ деревнѣ Паша-Кишла. Меня удивило, какъ могло сохраниться имущество у болгаръ послѣ разгрома башибузуковъ и черкесовъ; отъ бродячихъ турецкихъ шаекъ досталось только тѣмъ, кто не пользовался вліяніемъ въ средѣ сельчанъ; тѣ же болгары, которые успѣли нажить состояніе, эксплоатируя турокъ, пользовались поддержкой властей за оказанныя имъ услуги и не пострадали вовсе. На зарѣ мы выѣхали на поля, гдѣ, говорили, бываютъ громадные пролеты дикихъ гусей. Пролетъ оказался дѣйствительно невообразимый: гоготъ гусей стономъ стоялъ въ воздухѣ. Мѣстами небо заволакивало тучами птицы, перелетавшей на воду съ полей, гдѣ она ночью паслась. Но стрѣлять не пришлось, такъ какъ, завидѣвъ насъ издали, гуси улетали въ другую сторону.



Когда мы возвращались домой, взявши по пути двухъ зайцевъ, стая гусей пролетала высоко надъ нашими головами. Полозковъ сказалъ мнѣ шутя: „а что, могли бы ваши казаки спустить пулей гуся съ этой высоты“. Быкодоровъ, мой любимый вахмистръ, украшенный новымъ Георгіемъ, выхватилъ винтовку и почти на вскидку выстрѣлилъ. Одинъ изъ гусей отдѣлился отъ стаи и, кувыркаясь въ воздухѣ, упалъ къ нашимъ ногамъ, сраженный шальной пулей. Я никакъ не ожидалъ такой удачи и думалъ только отвѣтить шуткой на шутку Полозкова. Но, конечно, теперь въ этомъ не признался, а Быкодоровъ, на удивленный вопросъ Полозкова, неужели онъ всегда такъ стрѣляетъ, отвѣтилъ съ большимъ апломбомъ, что онъ никогда не даетъ промаха. Я зналъ, что онъ вралъ и хвастался, какъ дѣлаютъ всѣ казаки передъ „сипой“ *), но самъ я промолчалъ, радуясь, что благодаря удачѣ Быкодорова получился новый, неопровержимый аргументъ въ пользу казаковъ въ нашихъ безконечныхъ спорахъ съ Полозковымъ о томъ, кто лучше, казаки или армейцы.

Быкодоровъ.

4-го октября. Пономаревъ пріѣхалъ изъ Тульчи и передалъ намъ, что, по приказанію глав-

*) „Сипой“ казаки называли всѣхъ военныхъ не казачьяго сословія.

нокомандующаго, атака Сулина отложена на неопредѣленное время. Вотъ, что мы узнали о предполагавшейся экспедиціи: дунайская флотилія, состоящая изъ плохенькихъ пароходовъ, но вооруженныхъ прекрасными 6-ти дюймовыми мортирами, должна была спуститься внизъ по Дунаю и атаковать Сулинъ одновременно съ поповками, вышедшими изъ Одессы для бомбардировки Сулина съ моря. Двумъ баталіонамъ назначено было овладѣть батареями, обстрѣливающими Дунай, нашей же 2-й сотнѣ было поручено самое рискованное, но за то лихое дѣло захватить шести орудійную батарею, обстрѣливающую узкую дамбу среди болотъ, составляющую единственный подступъ къ Сулину со стороны суши. Для этого требовалось на разсвѣтѣ промчаться по этой дамбѣ и захватить орудія прежде, чѣмъ очнулась бы орудійная прислуга. Чтобы не прозѣвать удобнаго момента, сотня расположилась на ночлегъ неподалеку. Люди взлѣзали на деревья для предохраненія отъ сырости, стелящейся надъ окружающими болотами. Ожидали только сигнала, которымъ долженъ былъ служить пушечный выстрѣлъ со стороны дунайскихъ судовъ... Но сигнала не послѣдовало, и подъ утро было получено приказаніе полевого штаба отойти отъ Сулина, такъ какъ занятіе этого укрѣпленія не входило въ разсчеты главнокомандующаго.

5-го октября. Я послалъ казаковъ съ шанцевымъ инструментомъ на мѣсто пролета гусей у села Паша-Кишла, чтобы выкопать ямы, въ которыхъ мы могли бы скрытно поджидать пугливую и чуткую птицу. Подъ вечеръ мы сами поѣхали на ночевку въ болгарское село, по близости охоты, гдѣ высланный заранѣе поваръ и драбанты изготовили намъ ужинъ и приготовили наши постели на тахтахъ, въ домѣ зажиточнаго болгарина. Въ 4 часа утра мы уже сидѣли по мѣстамъ, по одному въ каждой выкопанной ямѣ и, съ извѣстнымъ охотникамъ, нервнымъ трепетомъ ожидали пролета гусей. Вдали раздался гулъ, какъ говоръ громадной толпы волнующагося народа, этотъ гулъ быстро надвигался, и вдругъ появились безчисленныя стаи пернатыхъ. Со свистомъ, какъ пули, пролетали близко надъ нашими головами проворные чирки; гуси,

натыкаясь на насъ, испуганно бросались въ сторону, а повыше, плавно взмахивая крыльями, проносились журавли, цапли и другія породы, различить которыя въ полутьмѣ не было возможности. Все это гоготало, кричало, свистѣло, и отъ этихъ звуковъ, казалось, дрожалъ весь воздухъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но я былъ такъ очарованъ этимъ зрѣлищемъ, что не думалъ стрѣлять.

Охота на гусей.

Стрѣльба изъ винтовокъ въ летъ не оказалась дѣйствительной мои товарищи по охотѣ собрали мало убитой дичи, но всѣ были въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и испытаннаго.

9-го октября. Русскіе старообрядцы изъ деревни „Славы“ пригласили меня на охоту. Я принялъ приглашеніе, собралъ нѣсколько охотниковъ изъ казаковъ и вмѣстѣ съ провожатыми старообрядцами отправился въ ихъ деревню. Она расположена въ живописной долинѣ, окруженной лѣсами, въ 10 верстахъ отъ Бабадага. Старѣйшины встрѣтили меня на пути съ хлѣбомъ—

солью. Загонщики уже были готовы и, чтобы не терять время, мы сейчасъ же отправились въ лѣсъ. Не смотря на то, что гнали правильно и дружно, въ обложенныхъ мѣстахъ звѣря не оказалось. Судя по слѣдамъ, дикихъ козъ было много, но онѣ, вѣроятно, были взбужены, когда устанавливалась цѣпь загонщиковъ. Я убилъ лисицу, мои казаки застрѣлили нѣсколько зайцевъ, тѣмъ охота и ограничилась. Старообрядцы просили меня у нихъ отобѣдать. Меня провели въ чистую свѣтлицу, передъ образами висѣли зажженыя лампады, столъ накрытъ бѣлою скатертью съ красивою вышивкою, — все безукоризненно чисто. Подавали мелко нарѣзанную говядину, вареныя куры и не дурное мѣстное вино. Я хотѣлъ заплатить за гостепріимство и угощеніе, но хозяева ни за что не соглашались принять денегъ и просили меня ихъ не обижать; они отказались даже отъ платы за наемъ загонщиковъ, говоря, что идутъ не по найму, а по своей охотѣ и чтобы служить русскому начальнику.

10-го октября. Рана заживала, и я рѣшился вернуться въ Плевненскій отрядъ, гдѣ ожидались новыя дѣла. Я не хотѣлъ разстаться съ 1-ой сотней, не услышавъ еще разъ моихъ пѣсенниковъ. Эсаулъ Войновъ, новый командиръ сотни, созвалъ хоръ и грянули одна за другою любимыя мои пѣсни. По моей просьбѣ, полковникъ Пономаревъ пожаловалъ Быкодорову, исправляющему временно должность вахмистра, вахмистерскія нашивки. Гапонова и Казанцева онъ произвелъ въ урядники и объявилъ имъ, что эти награды они получили по моему ходатайству и въ знакъ особаго уваженія за мою службу въ 29-мъ полку. Не знаю, полюбили ли меня казаки и были ли искренни тѣ знаки расположенія, которые они выказали мнѣ при прощаніи — но мнѣ было грустно съ нимъ разставаться, я породнился съ ними въ бою, а это не скоро забывается. Я былъ увѣренъ, что будь эта сотня со мною на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, мы о себѣ заставили бы говорить.

11-го октября. Офицеры 29-го полка давали мнѣ прощальный завтракъ. Послѣ завтрака былъ поданъ извощичій фаэтонъ, и я только тогда узналъ, что Пономаревъ и мой другъ

докторъ Сергѣевъ провожали меня до Браилова, гдѣ у нихъ имѣлись дѣла. Мы поѣхали кратчайшимъ путемъ, минуя Тульчу. На полпути мы остановились на ночлегъ въ селѣ „Черное“, гдѣ черкесы жили бокъ о бокъ съ болгарами; здѣсь, также какъ почти во всей Добруджѣ, болгаре жили богаче, чѣмъ мусульмане и вовсе не казались порабощенными. Во время ужина насъ посѣтилъ сельскій священникъ болгаринъ; мы предложили ему подсѣсть къ столу и закусить вмѣстѣ съ нами. Это приглашеніе онъ принялъ съ видимымъ удовольствіемъ и принялся ѣсть и пить съ такою прожорливостью, какъ будто онъ голодалъ передъ тѣмъ нѣсколько дней. Къ концу ужина попъ былъ совершенно пьянъ и городилъ всякую чепуху — мы не знали, какъ отъ него отдѣлаться.

По пріѣздѣ въ Браиловъ мы услышали о взятіи Горнаго Дубняка — это былъ нашъ первый успѣхъ подъ Плевной, послѣ завладѣнія Гривицкимъ редутомъ, но сколько жертвъ онъ стоилъ. Въ тотъ же день пришло извѣстіе о смерти князя Сергѣя Максимиліановича Лейхтенбергскаго, убитаго пулей въ началѣ боя подъ Чифтликомъ. Онъ былъ моимъ товарищемъ по полку. Его привѣтливость, простота обращенія, веселость и умъ привлекали къ нему всѣхъ. Жаль безвременно угасшаго молодого, жизнерадостнаго юноши, но такой славной смерти можно пожелать каждому.

Вечеромъ въ гостиницѣ Ралли, гдѣ я остановился, офицеры кутили, ухаживали за пѣвицами цыганскаго хора — но мнѣ не до веселья — все чудилось милое лицо убитаго товарища.

15-го октября. Я отправилъ моихъ трехъ лошадей съ Шевченкой и драбантомъ Мальковымъ по шоссейному тракту прямо въ Фратешти, гдѣ я долженъ былъ ихъ встрѣтить для слѣдованія далѣе въ Плевненскій отрядъ. Простившись съ Пономаревымъ, Сергѣевымъ и Мела, я уѣхалъ въ Бухарестъ. Здѣсь ожидало меня большое разочарованіе. Ординарецъ Крюднера, Козловъ, мой бывшій сослуживецъ по Конной гвардіи, телеграфировалъ мнѣ, что генералъ Шильдеръ, въ представленіи къ наградамъ за штурмъ Гривицкаго редута, обо мнѣ умолчалъ, такъ какъ я не принадлежалъ къ частямъ, которыя

были въ дѣлѣ, и что ему даже не было извѣстно гдѣ я собственно служилъ.

Бухарестъ опустѣлъ, не видно въ немъ болѣе гвардейскихъ мундировъ. Нашлись только старыя пріятельницы французской группы, но и тѣ не веселы — онѣ оплакивали отъѣздъ нашей золотой молодежи.

17-го октября. Я выѣхалъ изъ Бухареста съ утреннимъ поѣздомъ, встрѣтилъ на вокзалѣ въ Фратешти Шевченко и расположился здѣсь съ Мальковымъ, возвращающимся въ Бабадагъ. Поручивъ доставить свой багажъ въ Систово сопровождавшему меня уряднику 29-го полка Ермакову, мы съ Шевченкой на легкѣ отправились верхомъ. Лошадь Шевченко не поспѣвала за ходомъ моего „Джигита", я скоро опередилъ его и потерялъ изъ виду. Небо стало заволакивать тучами, ночь быстро надвигалась, а до Петрошанъ, гдѣ я думалъ ночевать, еще было далеко. Наткнувшись на интендантскій обозъ, расположившійся у дороги, и не рѣшаясь идти далѣе, я, разсѣдлавъ и стреноживъ коня, пустилъ его на пастьбу. У костра сидѣла кучка обозныхъ и погонщиковъ румынъ, я попросилъ ихъ продать мнѣ хлѣба, но они не хотѣли уступить мнѣ ни одного куска, говоря, что имъ самимъ мало. Къ счастью одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что у меня за плечами фляжка, предложилъ дать ломоть хлѣба взамѣнъ глотка коньяку. Ужинъ въ сухомятку, холодъ, пробиравшій до костей, и жесткая бурка съ сѣдельной подушкой подъ головой не давали мнѣ заснуть. Среди ночи я пошелъ разыскивать коня—съ треногою онъ не могъ отойти далеко, долго искалъ его въ темнотѣ и, наконецъ, нашелъ, засѣдлалъ и опять тронулся въ путь. Начинало свѣтать, когда показалось село Петрошаны. Въ селѣ замѣтно большое оживленіе: среди улицы стоялъ спѣшенный эскадронъ гусаръ, у подъѣзда одного дома горѣли фонари и толпилась кучка людей; внутри былъ видѣнъ свѣтъ, тамъ тоже не спали: передъ окнами двигались тѣни. Въ этомъ домѣ покоилось тѣло герцога Сергѣя Максимиліановича Лейхтенбергскаго, которому прибыли поклониться и отдать послѣдній долгъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Константинъ Константиновичъ, ихъ

свита и моряки съ дунайской флотиліи. Сегодня утромъ покойника увезли въ Россію. Я зашелъ на минуту, чтобы проститься съ бывшимъ товарищемъ и другомъ.

Въ Петрошанахъ, въ духанѣ нашлось чистое помѣщеніе, гдѣ можно было отдохнуть. Проспавъ довольно долго, я былъ разбуженъ пріѣздомъ конногвардейца Трепова, прикомандированнаго къ лейбъ-гусарамъ, для принятія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Треповъ былъ раненъ въ руку легко и возвращался въ Петербургъ для леченія.

Полтора мѣсяца тому назадъ я ѣхалъ въ тылъ арміи для болѣе успѣшнаго леченія, но мнѣ не приходило въ голову вернуться въ Россію, напротивъ, уже тогда мечталось о скорѣйшемъ возвращеніи въ дѣйствующую армію. Отчего же теперь, когда я почти выздоровѣлъ, мнѣ вдругъ захотѣлось все бросить и ѣхать домой...

По дорогѣ изъ Петрошанъ въ Зимницу я нагналъ Шевченко — онъ ночевалъ въ полѣ, прозябъ и проголодался также какъ и я, и былъ очень не въ духѣ. Я дѣлалъ видъ, будто ничего не замѣчалъ, зная, что это лучшее средство прекратить несносное брюзжаніе моего деньщика.

У Систова одинъ изъ мостовъ черезъ Дунай ремонтировался, другой былъ такъ загроможденъ транспортами раненыхъ изъ подъ Телиша и Горнаго Дубняка, что для переправы мы ожидали очереди болѣе трехъ часовъ. Мелкій дождь лилъ безпрерывно; настала уже ночь, когда мы ощупью, шлепая по грязи и натыкаясь на обозы, разыскали ресторанъ Гишара, въ которомъ я надѣялся найти пристанище. Было время ужина, ресторанъ былъ полонъ и всѣ столы заняты. Три военныхъ врача и гвардейскій пѣхотный офицеръ предложили мнѣ присѣсть къ ихъ столу. Они уже были порядкомъ выпивши, въ особенности офицеръ, который разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, вѣроятно, съ нѣкоторой прикрасой: онъ всегда былъ впереди и воодушевлялъ весь полкъ своей отвагой, его фуражка была прострѣлена въ трехъ мѣстахъ.

У Гишара помѣщенія для ночлега не оказалось, и мои новые знакомые пригласили меня къ себѣ. Послѣ долгихъ странство-

ваній по крутымъ немощенымъ улицамъ, погружаясь въ лужи грязи, мы добрели до невзрачнаго домика, гдѣ въ одной небольшой комнатѣ мы размѣстились всѣ четверо.

19-го октября. Урядника Ермакова еще нѣтъ, я не понималъ, куда онъ могъ дѣться и безпокоился о порученномъ ему багажѣ. У меня съ собою только умывальныя принадлежности и двѣ перемѣны бѣлья, съ этимъ далеко не уйдешь и я поневолѣ долженъ былъ ждать въ Систовѣ прибытія моихъ вещей. Я съ трудомъ нашелъ мѣсто въ скверной гостиницѣ, гдѣ за пять франковъ мнѣ дали поломанную кровать въ темной конурѣ, которую дѣлилъ со мною какой то статскій, довольно покойнаго нрава. На слѣдующій вечеръ въ этой комнатѣ насъ было уже четверо, воздухъ былъ такой, что въ немъ можно было бы повѣсить топоръ, но это не мѣшало моимъ сосѣдямъ храпѣть во всю глотку.

21-го октября. Потерявъ терпѣніе, я послалъ Шевченко на поиски Ермакова, а самъ поѣхалъ на своемъ конѣ по направленію къ Плевнѣ. Ночевалъ у болгаръ въ Татаръ-селѣ. По утру у моего хозяина производили поминки: болгарскій священникъ, прочитавъ короткую молитву, облилъ деревяннымъ масломъ блюдо съ рисомъ, въ которомъ были воткнуты три восковыя свѣчи, затѣмъ онъ съѣлъ этотъ рисъ, выпилъ большую кружку вина и потребовалъ себѣ одинъ груши. Только къ вечеру добрался я до Порадима, гдѣ остановился ночевать у моихъ старыхъ сослуживцевъ, нынѣ состоящихъ при принцѣ Карлѣ Румынскомъ, Охотникова и Ризенкампфа. Они мнѣ разсказали, что командовавшій баталіономъ румынъ, такъ неохотно атаковавшихъ Гривицкій редутъ, полковникъ Кандіано Попеско получилъ за это дѣло нашъ Георгіевскій крестъ. Онъ самъ, однако, говорилъ, что я шелъ впереди штурмующихъ колоннъ и первый вошелъ въ Гривицкій редутъ моимъ товарищамъ онъ сказалъ съ своеобразнымъ румынскимъ акцентомъ: „é'etait ounn vrai lionne“ (c'était un vrai lion!).

23-го октября. Я прибылъ въ Гривицу, гдѣ стояла штабъ-квартира 9-го корпуса, и явился корпусному командиру и начальнику штаба корпуса, такъ какъ до раненія былъ при-

численъ къ штабу корпуса. Мнѣ было передано, что впредь до особаго распоряженія я долженъ былъ оставаться при штабѣ 9-го корпуса. Адъютантъ корпуснаго командира, ротмистръ князь Гагаринъ и ординарецъ эсаулъ Колокольцевъ предложили мнѣ поселиться въ одномъ домѣ съ ними. Я принялъ ихъ предложеніе съ искренней благодарностью. Всѣ, состоящіе при штабѣ, обѣдали у корпуснаго командира.

Эсаулъ и его несчастный конь.

Бомбардировка Плевны продолжалась безостановочно; по временамъ, со всѣхъ нашихъ батарей стрѣляли залпами по какой нибудь избранной заранѣе цѣли. Намъ отвѣчали, но слабо; у насъ предполагали, что турки берегутъ снаряды на случай новаго штурма. Каждый день попадало къ намъ въ деревню по нѣсколько гранатъ. Нѣкоторыя изъ нихъ лопались вблизи нашего дома. Ночью канонада слабѣла, но съ тѣхъ поръ, какъ Скобелевъ повелъ свои атаки на Зеленыхъ Горахъ, мы слышали почти каждую ночь ружейную перестрѣлку. Съ вершины нашего холма видны переливающіеся огоньки стрѣлковъ, какъ потухающіе и вновь воспламеняемые во время вѣтра газовые рожки отдаленной иллюминаціи. Это зрѣлище очень красиво и заманчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалось жутко: мы знали, что даже ночью ружейная перестрѣлка сѣяла смерть.

26-го октября. Шевченко вернулся, но Ермакова не нашелъ, и за это ему отъ меня досталось порядкомъ. Я не сомнѣвался, что вещи найдутся, но сейчасъ трудно было обходиться безъ платья и запасного бѣлья. Ризенкампфъ праздновалъ свои именины. Были приглашены на вечеръ всѣ настоящіе и бывшіе конногвардейцы, въ томъ числѣ и я.

29-го октября. Князь Гагаринъ, Колокольцевъ и я поѣхали верхомъ (впрочемъ другого способа передвиженія здѣсь не было) въ Тученицу, на приглашенный завтракъ къ офицеру генеральнаго штаба, состоящему при генералѣ Тотлебенѣ. По дорогѣ мы замѣтили большія перемѣны: проведенъ телеграфъ, на перекресткахъ поставлены столбы, указатели дорогъ, на нѣкоторыхъ позиціяхъ построены вышки, съ которыхъ наблюдали за дѣйствіями непріятеля при помощи зрительныхъ трубъ; дороги даже стали какъ будто лучше. Всѣ эти порядки заведены въ нѣсколько дней, тотчасъ по назначеніи генерала Тотлебена командующимъ Плевненскимъ отрядомъ.

Послѣ завтрака мы поѣхали на „Рыжую гору“, которою овладѣлъ Скобелевъ прошлою ночью послѣ упорнаго боя. Эта позиція составляла часть „Зеленыхъ горъ“, и обладаніе ею съуживало кольцо, охватывавшее осажденный отрядъ Османа. Наступательныя дѣйствія Скобелева, отбрасывая турокъ отъ выгодныхъ позицій, избранныхъ ими съ такимъ умѣніемъ, приближали насъ къ финалу.

Въ нашемъ присутствіи на передовыхъ батареяхъ пробовали митральезы, турки отвѣчали ружейными залпами и, не смотря на большое разстояніе, пули густо сыпались вокругъ. Отсюда мы проѣхали къ траншеямъ впереди Брестоваца. Съ этой позиціи видны Кришинскіе редуты, взятые съ боя Скобелевымъ, при третьей атакѣ Плевны. Не долго онъ въ нихъ продержался, онъ былъ вынужденъ отступить подъ натискомъ вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, которымъ предводительствовалъ самъ Османъ Паша. Турецкія траншеи всего только въ 300 метрахъ отъ нашихъ, что заставляло насъ быть всегда на чеку, въ особенности ночью, когда нервно возбужденный слухъ превращалъ всякій шорохъ въ топотъ сотенъ и тысячъ ногъ, а напряженному зрѣнію казалось, что двигались люди тамъ, гдѣ колыхался тощій бурьянъ или сухіе стебли кукурузы. Наши солдатики сторожили неосторожныхъ или слишкомъ смѣлыхъ турокъ, показывавшихся изъ непріятельскихъ траншей, и били ихъ почти безъ промаха. Для дальней, прицѣльной стрѣльбы имѣлось у насъ тридцать осадныхъ ружей крупнаго

калибра, заряжающихся съ казенной части, при необыкновенной вѣрности попаданія, и съ дальностью боя до трехъ тысячъ метровъ.

30-го октября. Я пошелъ осмотрѣть по сосѣдству румынскія батареи, воздвигнутыя въ тысячѣ метровъ отъ турецкаго редута, названнаго нами „сѣверный № 3“. Разстояніе такое близкое, что румынскіе снаряды раззоряли передній фасадъ редута и, вѣроятно, наносили туркамъ большой вредъ; за ночь, однако, непріятель успѣвалъ возстановить что было разрушено но не надолго, такъ какъ съ утра начиналась снова бомбардировка съ тѣми же послѣдствіями.

31-го октября. Я отправился въ большую траншею, оцѣпившую Плевну кольцомъ. Отсюда можно было наблюдать за нашими парламентерами, посланными генераломъ Тотлебеномъ къ Осману Пашѣ съ предложеніемъ сдаться. Дипломатъ г. Макѣевъ и генеральнаго штаба полковникъ Артамоновъ съ небольшимъ конвоемъ и бѣлымъ флагомъ выѣхали впередъ по шоссе по направленію къ турецкому редуту № 10, при атакѣ котораго 30-го августа мы потеряли около пяти тысячъ человѣкъ. Съ непріятельской стороны появилась группа всадниковъ и быстро направилась на встрѣчу нашимъ, у нихъ тоже развѣвался бѣлый флагъ. Парламентеры остановились другъ противъ друга, обмѣнялись нѣсколькими словами и вернулись каждый къ себѣ. Потомъ мы узнали, что турки не согласились пропустить нашихъ парламентеровъ къ Осману Пашѣ подъ предлогомъ, что онъ находился на отдаленной позиціи и сегодня его видѣть нельзя.

1-ое ноября. Османъ написалъ генералу Тотлебену, что обстоятельства, можетъ быть, заставятъ его когда нибудь сдаться, но что до сихъ поръ онъ не видитъ въ этомъ необходимости и намѣренъ защищаться до послѣдней крайности, какъ подобаетъ честному солдату.

Намъ разсказывали, что въ одинъ изъ жаркихъ дней, на Шипкѣ, баталіону было поручено удержать укрѣпленную позицію во чтобы то ни стало. Турки нападали съ остервенѣніемъ; послѣ цѣлаго дня боя солдаты изнемогали отъ жажды, а внизу,

на днѣ крутого оврага, протекалъ горный ручей и манилъ ихъ своей прохладной живительной влагой. Всѣ понимали, что оставить позицію, хотя бы на самое короткое время, значило бы отдать ее непріятелю. Но терпѣнія болѣе не хватало; подъ впечатлѣніемъ какого то гипноза, весь баталіонъ съ командиромъ и офицерами бросились внизъ къ водѣ, напились вдоволь, наполнили свои манерки, а затѣмъ, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, занявшаго уже наши траншеи, бросились обратно на „ура“, карабкаясь по крутымъ скаламъ, и стихійнымъ порывомъ смяли и отбросили врага.

2-го ноября. Походный атаманъ извѣстилъ меня, что мои вещи давно сданы урядникомъ Ермаковымъ коменданту въ Систовѣ, а я уже думалъ, что они затерялись. Шевченко былъ обрадованъ этимъ извѣстіемъ больше меня мое имущество онъ называлъ „наше“, онъ гордился имъ и считалъ лучше всего, что имѣлось у другихъ, онъ любилъ, когда пріобрѣталось что нибудь цѣнное въ его глазахъ, поэтому потерю моихъ вещей онъ близко принималъ къ сердцу, хотя не хотѣлъ сознаться, что самъ виноватъ въ томъ, что не съумѣлъ ихъ разыскать.

5-го ноября. Мнѣ приказано явиться къ корпусному командиру. Генералъ Крюднеръ представилъ меня адъютанту принца Карла Румынскаго, Blaramberg'у, который по порученію принца вручилъ мнѣ золотую медаль за храбрость „Virtute militara“ и сказалъ, что „Его Высочество мнѣ жалуетъ эту медаль за мой подвигъ при штурмѣ Гривицкаго редута и въ память того, что я сражался въ рядахъ съ румынами“. — Я просилъ передать мою искреннюю благодарность принцу Карлу за его вниманіе ко мнѣ. Мнѣ было очень лестно получить эту награду, но обидно, что иностранный принцъ оцѣнилъ меня раньше русскаго начальства. Медаль „Virtute militara“ имѣлась и для нижнихъ чиновъ — серебряная или бронзовая, и наши солдатики ее прозвали „верблюдъ на гитарѣ“.

6-го ноября. Намъ объявлено, что Карсъ взятъ, по этому случаю мы скупили у маркитантовъ вино и закуски и устроили пиръ въ помѣщеніи сотеннаго командира войскового старшины

Каргальскаго. Онъ самъ большой хлѣбосолъ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы угостить товарищей.

7-го ноября. Генералъ Крюднеръ передалъ мнѣ, что я долженъ ѣхать въ Порадимъ, чтобы поблагодарить принца Карла за пожалованную мнѣ медаль. Я осѣдлалъ коня и отправился. День былъ чудный и было весело на душѣ. Болгарскій домъ, въ которомъ жилъ принцъ и часть его свиты, былъ немногимъ лучше нашего дома въ Гривицѣ. Ризенкампфъ былъ дежурнымъ офицеромъ, онъ меня представилъ гофъ-маршалу и адъютантамъ. Пока я ожидалъ аудіенціи, эти господа были любезны со мною и говорили, что много слышали о моихъ военныхъ успѣхахъ. Наконецъ, ординарецъ доложилъ, что принцъ проситъ меня войти. Онъ принялъ меня очень ласково, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: „On m'a beaucoup parlé de vous et je suis très content de faire votre connaissance"; я отвѣтилъ: „Je suis très honoré, Monseigneur, d'avoir été décoré par un prince, qui est le premier soldat de son armée, et d'avoir mérité cette récompense en combattant dans les rangs de ses vaillants soldats".

Я грѣшилъ противъ истины, но что же дѣлать - нельзя не отвѣтить любезностью на такое лестное вниманіе симпатичнаго государя. Мы продолжали бесѣдовать о сраженіяхъ подъ Плевной въ послѣдніе дни августа, принцъ разспрашивалъ меня о моемъ участіи въ этихъ дѣлахъ. Я, конечно, умолчалъ о томъ, какъ бѣжало прикрытіе Фалькояно и какъ мало принимали участія румыны въ штурмѣ Гривицкаго редута. Принцъ напомнилъ мнѣ при прощаніи, что „virtute militara" имѣетъ въ Румыніи то же значеніе, что георгіевскій крестъ въ Россіи. Можетъ быть, это былъ намекъ на то, что я долженъ былъ надѣть румынскую медаль выше Владиміра, пріѣхавъ благодарить за пожалованную награду, тогда какъ я ее навѣсилъ ниже, какъ полагается иностранному ордену.

Изъ Порадима я проѣхалъ въ Радишево, гдѣ служилось молебствіе по случаю взятія Карса. На молебствіи были построены въ карре по одному баталіону отъ каждаго полка 9-го корпуса. По окончаніи службы вся наша артиллерія, болѣе трехсотъ пушекъ, стрѣляла залпами по турецкимъ позиціямъ,

а войска, осаждавшія Плевну, прокричали „ура“, которое раскатывалось по линіи, какъ отдаленный громъ. Турки вообразили, что ихъ атакуютъ со всѣхъ сторонъ, ихъ батареи открыли учащенный огонь, цѣпь стрѣлковъ была усилена въ передовыхъ траншеяхъ, резервы подступали и видно было, какъ изъ Плевны поспѣшно выдвигались разныя части войскъ и отдѣльныя группы всадниковъ. Во время этихъ передвиженій турецкой арміи, наша артиллерія, вѣроятно, нанесла ей много потерь, у насъ же оказалось только три или четыре убитыхъ и нѣсколько раненыхъ.

Скобелевъ поставилъ на Зеленыхъ Горахъ, въ траншеяхъ, ближайшихъ къ турецкимъ, огромный транспарантъ съ надписью по турецки: „Карсъ взятъ“, и ночью освѣтилъ его. Какъ только турки ознакомились съ содержаніемъ надписи, они стали стрѣлять по ней залпами, чтобы сбить транспарантъ, но безуспѣшно. Огненная надпись продолжала дразнить ихъ, а наши солдатики, по приказанію Скобелева, присутствовавшаго при этомъ, еще болѣе подзадоривали турокъ, отвѣчая громкимъ хохотомъ на неудачные выстрѣлы. Эта затѣя намъ обошлась не дорого — было два убитыхъ и четыре раненыхъ.

8-го ноября. Я опять вернулся въ Порадимъ, такъ какъ прослышалъ, что тамъ казаки открыли русскую баню, въ которую пускали за плату; въ Порадимѣ имѣлся также румынско-еврейскій ресторанъ. Вотъ такъ кутежъ, помыться хорошенько, а потомъ поѣсть вволю (у корпуснаго командира мы ѣли только разъ въ сутки, довольно плоховато и недостаточно). Баня показалась мнѣ райскимъ блаженствомъ, но обѣдъ подгулялъ. Вечеръ я провелъ у князя Васильчикова. Къ нему собрались Охотниковъ, Ризенкампфъ и флигель-адъютантъ баронъ Розенъ. Мы засидѣлись поздно; гостепріимный хозяинъ импровизировалъ ужинъ, изъ напитковъ у маркитанта нашелся только абсентъ. Въ кругу добрыхъ товарищей не все ли равно, что пить, лишь бы было хмѣльное и не очень противное. Я ночевалъ у Васильчикова.

9-го ноября. Возвращаясь домой, я проходилъ мимо царскаго шатра; вся свита была въ сборѣ въ ожиданіи выхода Государя къ завтраку, тутъ же былъ князь Суворовъ. Онъ

подозвалъ меня къ себѣ, обнялъ и расцѣловалъ. Я былъ немного смущенъ такой неожиданной нѣжностью — онъ сказалъ мнѣ: „принцъ Карлъ Румынскій совершенно влюбленъ въ васъ и вчера, во время завтрака, говорилъ Государю о вашихъ подвигахъ. Государь спросилъ меня: „Вѣдь Квитка твой товарищъ — онъ конногвардеецъ".

10-го ноября. Я провелъ вечеръ на передовой позиціи у майора Фалькояно, жившаго въ землянкѣ, такъ хорошо устроенной и убранной, что она казалась почти роскошнымъ помѣщеніемъ. Фалькояно жаловался мнѣ, что его начальникъ полковникъ Angelescù, съ которымъ онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ, съ согласія главнокомандующаго, представилъ къ наградѣ русскими орденами всѣхъ офицеровъ его батареи, кромѣ него. Несомнѣнно, что Фалькояно, какъ начальникъ батареи и по личнымъ качествамъ, былъ болѣе другихъ достоенъ награды. Вспоминая день 28-го августа и пережитыя тогда трудныя минуты, я почувствовалъ глубокое уваженіе и большую симпатію къ этому милому и храброму офицеру.

12-го ноября. Румыны праздновали залпами и криками „ура" новую побѣду: румынскій отрядъ, подъ командою русскаго генерала, барона Мейендорфа (Икса), завладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Рашево. Говорятъ, однако, что при первой атакѣ они были отбиты, а городъ сдался только тогда, когда одинъ пѣхотный и два кавалерійскихъ русскихъ полка, пришедшихъ изъ за Дуная на подкрѣпленіе румынъ, перешли въ наступленіе. При баронѣ Мейендорфѣ состоялъ ординарцемъ румынскій дипломатъ Гика, служившій вольноопредѣляющимся въ полку калорашей (румынскихъ гусаръ); онъ получилъ за это дѣло знакъ отличія военнаго ордена.

По вечерамъ офицеры корпуснаго штаба собирались играть по маленькой въ скромныя карточныя игры; только интендантъ, жандармъ и тѣ, кто имѣлъ побочные доходы сверхъ жалованья, закладывали иногда банки, и тогда къ нимъ примыкали азартные игроки. Мой сожитель Колокольцевъ былъ не прочь понтировать, но ему не везло, онъ почти всегда проигрывалъ.

13-го ноября. Мои сожители, я и нѣсколько офицеровъ, стоявшихъ въ Гривицѣ, сговорились поѣхать въ Боготъ пообѣдать, — тамъ, говорятъ, хорошій ресторанъ, съ горячими кушаньями и разнообразными напитками; нужно, конечно, ожидать, что цѣны будутъ не по карману армейскаго офицера, но тѣмъ, которые не отсылали части своего жалованья семьѣ, оставшейся на родинѣ, можно было себѣ изрѣдка позволить такое излишество.

Штоссъ у интенданта.

Пріѣхали, заняли столъ и стали просматривать по картѣ длинный списокъ непонятныхъ румынскихъ названій блюдъ.

Среди большого шатра, гдѣ обѣдали, за отдѣльными столами, группы военныхъ, чиновники разныхъ вѣдомствъ съ шашками черезъ плечо, военные корреспонденты, уполномоченные Краснаго креста, мы выдѣлялись своей поношеной одеждой и не совсѣмъ опрятнымъ видомъ, по сравненію съ другими: волосы были слишкомъ длинные или дурно остриженные неумѣлою рукою, бритые подбородки уже обрастали щетиной, бѣлье сомнительной бѣлизны, не смотря на старанья деньщиковъ, замѣнявшихъ намъ прачекъ. А кругомъ насъ, казалось, всѣ были одѣты съ иголочки.

14-го ноября. Я поѣхалъ въ Тученицу къ бывшему товарищу по полку, Языкову. Онъ выдержалъ курсъ инженерной академіи и теперь, какъ военный инженеръ, получилъ приказаніе возвести въ Тученицкомъ оврагѣ плотину въ 10 или 15 метровъ, чтобы лишить плевненскій гарнизонъ притока воды, служащей двигателемъ для ихъ мельницъ.

Съ Языковымъ жили лейбъ-уланъ Дедюлинъ и Менгденъ. Я засидѣлся у нихъ почти до полуночи и послѣ ужина отправился домой, оріентируясь по перестрѣлкѣ между нашими и турецкими траншеями. Ночью легко отличить непріятельскій огонь отъ своего; видны вспыхивающіе огоньки и звукъ какъ то рѣзче, нашихъ же огней не видно, а ружейные выстрѣлы раздаются глухо, какъ дробь затянутыхъ сукномъ, похоронныхъ барабановъ. Вернулся домой очень поздно, но еще засталъ компанію, рѣжущуюся въ ландскнехтъ.

15-го ноября. Дождь лилъ съ утра по улицамъ Гривицы утопали въ грязи или скользили, какъ на конькахъ. Нашъ корпусный интендантъ пригласилъ насъ играть въ „картишки“. Начали мы съ рамса, а кончили штоссомъ. На этотъ разъ нашему хозяину не повезло. Римскій-Корсаковъ и Колокольцевъ сорвали у него пять банковъ. Это возбудило всеобщее веселье, за исключеніемъ проигравшаго.

Нашъ сотенный.

16-го ноября. Адъютантъ корпуснаго командира, князь Гагаринъ, отпросился въ отпускъ въ Россію, такъ какъ у него было неотложное дѣло. Нашъ сотенный командиръ Каргальскій пригласилъ всѣхъ насъ выпить по бокалу шампанскаго для проводовъ Гагарина. Мы пожелали ему счастливаго пути и скораго возвращенія. Послѣднее пожеланіе ему, можетъ быть, было не совсѣмъ по вкусу, т. к. дома у него любимая семья, хорошая обстановка, а здѣсь — грязь, тоска, бездѣлье, непріятель сидитъ за своими окопами и не хочетъ выходить, чтобы съ нами помѣряться. Нѣтъ ничего скучнѣе находиться въ

арміи обложенія; хоть бы разрѣшили намъ когда нибудь войти въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, атаковать передовыя траншеи, чтобы съузить площадь ихъ защиты, но нѣтъ, перестрѣлка не прекращалась, у насъ ежедневно имѣлись убитые и раненые, но настоящихъ военныхъ дѣйствій не было.

17-го ноября. Я возвратился изъ Порадима, куда ѣздилъ, чтобы повидаться съ прежними товарищами. Князь Васильчиковъ меня провожалъ за нѣсколько верстъ на превосходномъ иноходцѣ, который обгонялъ настоящихъ рысаковъ и даже знаменитаго иноходца принца Карла Румынскаго; приходилось скакать въ карьеръ, чтобы равняться съ нимъ. Васильчиковъ вернулся назадъ, а я убавилъ аллюръ. Вдали показалась коляска, запряженная парою и конвоируемая четырьмя казаками — ѣхалъ Государь съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Я сталъ во фронтъ. Государь окликнулъ меня, проѣзжая мимо; мнѣ послышалось: „здравствуй". Я поклонился и продолжалъ свой путь, но меня догналъ казакъ и говоритъ, что Его Величество меня зоветъ. Коляска остановилась, я подскакалъ къ Государю. „Какъ твое здоровье? — Ты, говорятъ, былъ очень доволенъ, что былъ раненъ; да зажила ли у тебя рана? Признайся, не слишкомъ ли ты рано сюда вернулся? у кого ты теперь адъютантомъ?" На всѣ эти вопросы я отвѣчалъ, что подсказывала мнѣ моя глубокая преданность и любовь къ Государю, столь милостивому ко мнѣ. Государь кивнулъ мнѣ головой: — „Я радъ, что тебя видѣлъ; ну, береги же себя, мнѣ такіе офицеры нужны — до свиданья!"

Талантливый моментъ.

Коляска давно уже исчезла за горизонтомъ, а я все стоялъ и глядѣлъ ей вслѣдъ. Какія счастливыя мысли толпились у меня въ головѣ!..

18-го ноября. Генералъ Крюднеръ сообщилъ своей свитѣ, что имъ получено сообщеніе изъ полевого штаба, что Сербія

Встрѣча съ Государемъ.

объявила войну Турціи. Намъ кажется, что, не смотря на трудности, мы и одни справились бы съ нашимъ противникомъ; вѣроятно, съ сербами будетъ то же, что съ румынами: много шуму, хвастовства, а дѣйствительная помощь для русской арміи ничтожна. Не смотря на близость къ главнымъ квартирамъ, мы живемъ въ Гривицѣ какъ въ глухомъ мѣстѣ, куда слухи доносились въ очень преувеличенномъ или превратномъ видѣ. Мы боялись вѣрить, когда намъ сообщали радостныя извѣстія, потому что такъ часто получались потомъ опроверженія, когда же вѣсти были дурныя — все еще хранилась надежда, что, можетъ быть, это не совсѣмъ такъ. Странно, съ какою охотою люди, несомнѣнно сердечные и добрые, спѣшатъ передать о случившихся несчастіяхъ, точно боятся, чтобы ихъ кто нибудь не опередилъ. О такомъ несчастіи съ нашими войсками намъ сейчасъ сообщилъ заѣзжій адъютантъ. Въ одномъ изъ ущелій у Новачина были застигнуты въ расплохъ турками полтора эскадрона лейбъ-драгунъ и взводъ конной артиллеріи; одно изъ орудій сброшено въ оврагъ, другое досталось непріятелю только тогда, когда весь отрядъ былъ перебитъ; три офицера зарублены на лафетѣ защищаемаго ими орудія, четверо офицеровъ ранено. Ротмистръ баронъ Штемпель, знаменитый наѣздникъ на steeple chase'ахъ, тяжело раненъ нѣсколькими пулями и спасся отъ смерти только благодаря превосходному конюскакуну, который преодолѣлъ всѣ препятствія и вынесъ своего лихого сѣдока изъ мѣста битвы. Эти грустныя извѣстія насъ очень опечалили. Мы знали, что перемѣнчиво счастье войны, но жалъ товарищей, погибшихъ въ неравномъ бою. Вечеромъ узнали, что Великій Князь Владиміръ Александровичъ разбилъ на голову сильную армію

Топографъ.

Межевой поручикъ.

турокъ, перешедшую въ наступленіе на нашъ лѣвый флангъ (бывшій подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича).

Черезъ лазутчиковъ получены свѣдѣнія изъ Плевны, что Османъ Паша думалъ пробиваться въ сторону Виддина; ожидалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, демонстрація по направленію къ Гривицѣ. Въ виду этого первая бригада пятой пѣхотной дивизіи, т. е. Архангелогородскій и Вологодскій полки, отправлены въ обходъ нашего праваго фланга для подкрѣпленія Гренадерской дивизіи. Девять дней спустя эти слухи вполнѣ оправдались. Османъ, дѣйствительно, сталъ пробиваться, но былъ предупрежденъ и встрѣченъ сильнымъ отрядомъ.

20-го ноября. Я ѣздилъ въ Боготъ къ походному атаману, чтобы передать ему для графа Орлова-Денисова группу, снятую нашею артелью въ Браиловѣ. Исполнивъ порученіе, я пожалъ руку Жеребкову и поспѣшилъ вернуться къ нашимъ не нарядным, но симпатичнымъ арміутамъ.

21-го ноября. Намъ было выдано жалованье. За всѣми вычетами у меня оказалось 50 рублей бумажками и 16 полуимперіаловъ. Никогда я до сихъ поръ не получалъ сразу такъ много денегъ отъ казны.

26-го ноября. Я ѣздилъ въ Порадимъ, гдѣ была отслужена обѣдня по случаю Георгіевскаго праздника; послѣ молебствія былъ парадъ войскамъ, а батареи, окружающія Плевно, открыли по ней огонь залпами. Государь и Главнокомандующій на парадѣ не присутствовали — всѣ удручены нашимъ пораженіемъ подъ Еленой, гдѣ пострадали Сѣвскій и Орловскій полки. 1,500 человѣкъ и 50 офицеровъ выбито изъ строя, говорятъ, 11 орудій отбито у насъ непріятелемъ, который въ количествѣ 30 тысячъ человѣкъ форсировалъ Еленинскій проходъ.

27-го ноября. Праздникъ 1-го и 4-го эскадроновъ Конной гвардіи. Генералъ-адъютантъ Воейковъ пригласилъ меня обѣдать съ Государевой свитой въ царскомъ шатрѣ. Послѣ нашей Гривицкой кухни царскій обѣдъ мнѣ показался пиромъ магометова рая, гдѣ подаются явства и питья, достойныя боговъ.

Я очень обрадовался увидѣть Бибикова, отличившагося на Кавказскомъ театрѣ войны и присланнаго Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ къ Государю съ извѣщеніемъ о взятіи Карса. Государь назначилъ его флигель-адъютантомъ. Онъ совсѣмъ не измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ разстались, вотъ уже четыре года, все такъ же молодъ душою, безпеченъ и веселъ, говоритъ такъ же охотно и такъ же забавно. Я былъ радъ, что ему повезло — онъ несомнѣнно этого заслуживалъ. Милютинъ тоже прибылъ изъ отряда Цесаревича, мы встрѣтились съ удовольствіемъ; много хорошихъ дней провели мы вмѣстѣ въ Добруджѣ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Провозглашены тосты за Конную гвардію, за 1-й и 4-й эскадроны и за имянинниковъ, какъ насъ звали хозяева, такъ любезно пригласившіе насъ къ своему столу. Послѣ обѣда всѣ старые и настоящіе конногвардейцы собрались въ большой комнатѣ, бывшей квартирѣ французскаго военнаго агента, полковника Gaillard. Здѣсь были Васильчиковъ, Охотниковъ, Френкель, Языковъ, Непокойчицкій, Фелицынъ, Ризенкампфъ, Бибиковъ и я. Бибиковъ разсказывалъ намъ о своихъ похожденіяхъ и разныхъ событіяхъ на Кавказѣ. Мы слушали съ большимъ интересомъ его живой разсказъ, испещренный забавными эпизодами. Говорилъ онъ намъ, какъ ночью при штурмѣ Карса онъ ѣхалъ рядомъ съ графомъ Граббе, когда тотъ былъ сраженъ турецкимъ снарядомъ, какъ онъ и нѣсколько солдатъ подхватили Граббе и отнесли въ турецкую траншею, только что занятую нашими войсками. Когда Бибиковъ убѣдился, что Граббе умеръ, онъ отправился догонять наши войска. Послѣднія траншеи уже были захвачены нашими и Карсъ, считавшійся неприступной крѣпостью, былъ нами взятъ съ боя. Бибиковъ разсказывалъ уморительные анекдоты про грузинъ, которымъ онъ прекрасно подражаетъ.

Въ прошлую ночь я почти не спалъ и теперь едва держался на ногахъ; я прилегъ здѣсь же во время ужина на деревянную лавку и заснулъ, меня будили отъ времени до времени, заставляли выпить стаканъ шампанскаго за здоровье кого нибудь или чего нибудь, и я снова засыпалъ. Наконецъ,

въ 2 часа мы разошлись. Меня пріютилъ на ночь графъ Стейнбокъ. Подъ утро меня кто то разбудилъ, а я протянулъ руку за стаканомъ и готовился кричать „ура“ за чье нибудь здоровье, думая, что еще продолжается начатый пиръ, но оказалось дѣло болѣе серьезное: Стейнбокъ мнѣ передалъ, что Османъ Паша атакуетъ наши позиціи у Гривицы, съ тѣмъ вѣроятно, чтобы угрожать главной квартирѣ въ Порадимѣ. Вдали слышны раскаты пушечной пальбы, уже свѣтало. Я мигомъ осѣдлалъ коня и полетѣлъ карьеромъ по направленію къ Гривицѣ. Штабъ 9-го корпуса уже выступилъ. Турки, оказывалось, пробивались въ сторону Видина, какъ это было донесено нашими лазутчиками еще 18-го ноября.

Я обгонялъ войска, поспѣшно направлявшіяся къ Плевнѣ. Мнѣ было ужасно обидно, что я прозѣвалъ ту минуту, которую мы такъ страстно ожидали вотъ уже третій мѣсяцъ. Генералъ Крюднеръ со свитою находился у бывшей турецкой батареи № 4 *). Онъ мнѣ сдѣлалъ выговоръ за то, что такъ поздно явился (я прибылъ на позицію чрезъ полчаса послѣ генерала), но мнѣ такъ досадно самому, что никакой упрекъ не въ состояніи нанести мнѣ чувство обиды большее, чѣмъ я самъ испытывалъ. Сраженіе началось за Видомъ въ 8 часовъ утра. У гренадеръ шелъ ожесточенный бой. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, когда получу приказаніе идти впередъ. Наконецъ, меня послали съ нѣсколькими казаками на румынскую батарею, стрѣлявшую съ высотъ Быхова, откуда я долженъ былъ высмотрѣть и донести, по какой цѣли стрѣляла батарея, гдѣ непріятель и какъ расположенъ. Съ высоты видно движеніе турецкихъ колоннъ чрезъ мостъ на рѣкѣ Видъ и вдали за мостомъ—бой между турками и нашими войсками. Я быстро начертилъ кроки видѣннаго, написалъ мое донесеніе и поручилъ одному изъ казаковъ доставить корпусному командиру, а самъ поскакалъ впередъ, чтобы ближе разсмотрѣть, что происходило въ непріятельскихъ колоннахъ. Мы промчались чрезъ Плевну, уже покинутую турками, но еще не занятую нашими

*) Нами были даны номера непріятельскимъ батареямъ, чтобы легче было ихъ обозначать при переговорахъ между батареями и штабомъ.

войсками. Изъ одного дома раздалось два или три выстрѣла, просвистѣли мимо насъ пули, но намъ некогда было останавливаться, мы мчались впередъ по волнистой, возвышенной мѣстности безъ дорогъ, руководствуясь только дальней перестрѣлкой. Вдругъ мы очутились на краю обрыва, круто спускавшагося къ рѣкѣ Видъ. Въ эту минуту мостъ былъ запруженъ тысячами турокъ. По дорогѣ изъ Плевны двигалась густая непріятельская колонна, задержанная тѣсной переправой; нѣкоторые искали брода, другіе шли вплавь, войска состояли преимущественно изъ пѣхоты, но была и артиллерія, кавалерія, обозъ и даже нарядные экипажи--все это толкалось въ безпорядкѣ, стремясь скорѣе переправиться черезъ рѣчку. А тамъ вдали шелъ бой: боевыя части передвигались съ перекатными или сплошными дымками; круглыя бѣлыя облачка вспыхивали и лопались, какъ мыльные пузыри, издали доносилась довольно слабая ружейная трескотня, а звукъ орудій казался не громче хлопушекъ. Ближайшія части какъ будто отходили назадъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ копошащуюся подъ нами толпу начали попадать гранаты и дѣлали въ ней страшный переполохъ. Казаки говорили, что это румыны съ Буховской высоты отличались. Я набросалъ въ своемъ альбомѣ схематическій рисунокъ всей представившейся мнѣ картины. Турки насъ не замѣчали, ихъ не могли интересовать два, три десятка казаковъ, съ любопытствомъ ихъ разглядывающихъ, да и намъ нѣтъ охоты ихъ тревожить. Эта толпа скорѣе жалка и напоминала загнаннаго звѣря. Было около часа дня, когда турки хлынули назадъ, бросались въ стороны, чтобы избѣжать румынскихъ снарядовъ и вдругъ поднялись приклады къ верху, появилось бѣлое знамя и разное бѣлое тряпье, которымъ они размахивали, чтобы скорѣе обратить на себя вниманіе стрѣлявшей батареи. Я нѣсколько секундъ не понималъ, что происходитъ. Меня вывели изъ оцѣпенѣнія казаки, крича: „ваше высокородіе, турки сдаются“. Боже, какое счастье быть очевидцемъ такой сцены — я повернулъ коня и опрометью пустился обратно, чтобы доложить о сдачѣ Османа корпусному командиру. Долго ли, коротко ли я летѣлъ--не знаю, я былъ какъ въ чаду. Наконецъ, вижу передъ

собою группу всадниковъ, подскакиваю и валюсь на землю вмѣстѣ съ конемъ. Мой лихой „Джигитъ“ не выдержалъ всѣхъ тягостей дня и свалился, когда окончена была наша дѣятельность. Лежа подъ лошадью, я крикнулъ: „Турки, Османъ сдается!“ Мнѣ отвѣчали: „не можетъ быть“. — „Честное слово — говорю я я самъ видѣлъ“. Тогда корпусный командиръ поручилъ своему адъютанту Беклемишеву немедленно сообщить это отрадное извѣстіе главнокомандующему. Мнѣ помогли выбраться изъ подъ коня. Онъ тяжело дышалъ и мнѣ очень жалко его: хорошую онъ сослужилъ службу и въ бою и во время буйныхъ скачекъ, когда я не зналъ, чѣмъ успокоить бушевавшія во мнѣ страсти. Я думалъ, что насталъ его конецъ. Но вотъ дыханіе стало спокойнѣе, глаза повеселѣли и мой Джигитъ послѣ двухъ, трехъ потугъ сталъ на ноги. Я провелъ его нѣсколько шаговъ — ничего, все въ порядкѣ. Я такъ обрадовался, что обнялъ милую морду его и поцѣловалъ. Мы двинулись впередъ, я снова сидѣлъ на своемъ конѣ, вполнѣ оправившемся отъ непосильной скачки. Мы вышли на то плато, откуда я увидѣлъ сдачу арміи Османа. Теперь картина нѣсколько измѣнилась. Съ одной стороны р. Вида, ближе Плевны толпились турки, по той сторонѣ рѣки стояли колонны нашихъ войскъ, а вдали кавалерія; у дороги, на пологомъ скатѣ холма, сложены кучи разнаго оружія. Между турками разъѣзжалъ генералъ-адъютантъ, князь Витгенштейнъ одинъ, его окружали непріятельскія войска, часъ тому назадъ стрѣлявшія въ насъ. Когда румыны увидѣли, что русскаго одинокаго генерала турки не трогаютъ, то и они рѣшили спуститься со своихъ позицій и подойти поближе. Кто то изъ нихъ попросилъ у турка табаку и когда тотъ отдалъ все, что у него имѣлось, другіе послѣдовали его примѣру. Сначала все шло довольно миролюбиво съ той и другой стороны, но румыны, вошедшіе во вкусъ, не ограничились болѣе однимъ табакомъ, они стали выворачивать карманы и отнимать все, что находили. Въ это время подъѣхалъ Великій Князь Главнокомандующій. Когда онъ увидѣлъ, что здѣсь происходило, то приказалъ своему конвою разогнать грабившихъ румынъ.

Сдача арміи Османа Паши.

Великій Князь благодарилъ генерала Крюднера за быстрое движеніе впередъ и поздравилъ насъ съ побѣдой.

Сдачѣ Плевны обязаны двое флигель-адъютантскими аксельбантами. Получивъ черезъ адъютанта командира 9-го корпуса Беклемишева сообщеніе о сдачѣ арміи Османа Паши, Главнокомандующій послалъ съ этимъ счастливымъ извѣстіемъ своего адъютанта Дерфельдена къ Государю Императору. Дерфельденъ, разыскивая Государя, встрѣтилъ полковника Моравскаго, которому сказалъ, съ какимъ порученіемъ посланъ Великимъ Княземъ. Они разъѣхались въ разныя стороны, но оказалось, что Моравскій первый увидѣлъ Государя и доложилъ ему, что Османъ сдался. Государь за это сообщеніе поздравилъ полковника Моравскаго флигель-адъютантомъ. Черезъ нѣсколько времени прискакалъ Дерфельденъ и вторично доложилъ Государю о плѣненіи турецкой арміи, на что получилъ отвѣтъ: „Я уже объ этомъ знаю“. Дерфельденъ, какъ посланный Главнокомандующимъ для донесенія о столь важномъ, выдающемся событіи, могъ разсчитывать на болѣе теплый пріемъ. Правда, однако, скоро обнаружилась. Государю объяснили, что первый посланецъ узналъ о сдачѣ Османа отъ Дерфельдена и поспѣшилъ передать Его Величеству лично то, что узналъ случайно. Дерфельденъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ, но и полковникъ Моравскій сохранилъ тоже аксельбанты, такъ какъ Государь не пожелалъ взять своего слова назадъ.

На обратномъ пути въ Гривицу мы объѣзжали наши войска счастливыя, веселыя; не смотря на утомительный день — раздавались пѣсни, „ура“ переливалось по всей линіи.

Мы всѣ обѣдали вечеромъ у барона Крюднера и съ какимъ аппетитомъ — я со вчерашняго вечера не имѣлъ куска во рту. Устали, легли спать и, казалось, проспать можно будетъ 24 часа: вѣдь все кончено — Плевна въ нашихъ рукахъ, самъ Османъ, со всей своей арміей, у насъ въ плѣну, можемъ спать покойно, не будутъ больше тревожить насъ ночью внезапная перестрѣлка или рѣзкіе, отчетливые залпы Сполатбога *), подъ

*) Сполатбогъ — командиръ роты на Зеленыхъ Горахъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ всему отряду обложенія за отчетливость залповъ его роты, вымуштрованной имъ до виртуозности.

аккомпаниментъ осадной батареи, не пролетитъ болѣе ни одинъ снарядъ черезъ стѣны нашей убогой хаты. Мы ложимся, но глаза не смыкаются, сонъ не идетъ; такъ промаялся я и мои двое товарищей до разсвѣта и только подъ утро тяжело уснули. Какъ это ни странно, но не могли мы заснуть отъ необычайнаго спокойствія; только теперь, по сравненію, мы могли опредѣлить, что происходило ночью во время осады — мы такъ привыкли къ бомбардировкѣ, что ея не замѣчали.

29-го ноября. На плато, съ котораго поражала насъ турецкая батарея № 4, былъ поставленъ аналой, духовенство и пѣвчіе были собраны, чтобы отслужить молебствіе по случаю взятія Плевны и сдачи арміи Османа; войска были построены передъ аналоемъ, лицомъ къ Плевнѣ, разстилавшейся внизу на днѣ долины. Сколько времени скрывалась она отъ нескромныхъ глазъ гяуровъ, какъ ревниво оберегаемая одалиска; теперь покрывало было снято, и всѣ мы съ жадностью вглядывались въ нее, но съ тѣхъ поръ, какъ таинственная завѣса исчезла, она болѣе не интересовала насъ. Вотъ подъѣхалъ Государь со своей свитой и конвоемъ и Главнокомандующій, окруженный штабомъ, адъютантами и ординарцами. Въ рядахъ раздалось долго несмолкаемое восторженное „ура“. Послѣ молебствія Государь надѣлъ на шею Великаго Князя Николая Николаевича ленту Св. Георгія I-й степени. Его движенія были нервны и порывисты. Онъ казался очень взволнованнымъ. Всѣ тѣ, которые получили уже сегодня награды, имѣли счастливый видъ, нѣкоторые же генералы были не въ духѣ - - не трудно было догадаться отчего.

Всѣ начальники отдѣльныхъ частей, ихъ штабы и свита были приглашены къ завтраку Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. Мы собрались въ обширномъ дворѣ дома, занятаго въ Плевнѣ Великимъ Княземъ. Въ экипажѣ подъѣхалъ Османъ Паша. Его внесли на рукахъ одинъ турецкій и одинъ казачій офицеры, такъ какъ онъ былъ раненъ въ ногу; выраженіе его лица было грустное, но полное достоинства. Офицеры ему кричали „браво“ и апплодировали; онъ кланялся. Государь встрѣтилъ Османа въ домѣ Великаго Князя. Пріемъ былъ непро-

должительный, но когда побѣжденный Паша появился на крыльцѣ, онъ казался ободреннымъ. Мы узнали, что Государь велѣлъ сказать ему нѣсколько милостивыхъ словъ и велѣлъ ему и его свитѣ возвратить сабли. Османъ остановился между нами и передалъ намъ черезъ переводчика, что нашъ пріемъ и то уваженіе, которое мы выказали ему, служитъ лучшимъ вознагражденіемъ за понесенные имъ труды и страданія во время осады Плевны.

За завтракомъ конногвардейцы собрались въ отдѣльный кружокъ, а такъ какъ между нами большинство принадлежало къ Государевой и Великокняжеской свитѣ, то служащіе придворные лакеи были особенно къ намъ внимательны, и шампанское лилось рѣкою.

Я не былъ знакомъ съ Мих. Дм. Скобелевымъ и поэтому былъ крайне удивленъ, когда онъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „Я радъ познакомиться съ вами, я Скобелевъ“. Я былъ осчастливленъ и тронутъ этой выходкой Скобелева, котораго считалъ идеаломъ военачальника.

Я вмѣстѣ съ многими другими офицерами сопровождалъ Государеву коляску къ мѣсту вчерашняго боя, но день клонилъ къ концу, а до мѣста боя было еще далеко. Его Величество приказалъ вернуться домой въ Порадимъ. Въ Плевнѣ, черезъ которую мы проѣзжали съ Васильчиковымъ на обратномъ пути, румыны грабили и безчинствовали. Наша охрана не успѣвала за ними усмотрѣть. Нѣсколько турокъ было убито румынами, которые обращались съ мирными жителями и плѣнными, какъ съ животными. Насколько они были трусливы въ бою, настолько стали подлы, когда непріятель пересталъ быть опаснымъ. За то какъ хорошо себя показали наши солдатики,—они были добродушны и старались утѣшить и помочь несчастнымъ плѣннымъ. Казаки, и тѣ могли бы быть поставлены въ примѣръ румынамъ. Они не могли противиться соблазну присвоить себѣ что „плохо лежало“, но не было случая, чтобы они силою отбирали у турокъ ихъ собственность, какъ это дѣлали румыны.

Я возвратился въ Гривицу. Мой деньщикъ Шевченко уже воспользовался нашимъ положеніемъ побѣдителей и добылъ разнообразную провизію для ужина.

30-го ноября. День моихъ именинъ. Мнѣ очень грустно быть вдали отъ близкихъ, хотѣлось, по крайней мѣрѣ, видѣться чаще съ товарищами, но и это было невозможно.

Нашъ корпусъ получилъ приказаніе идти на Вратицу и Берковецъ для дѣйствія на правомъ крылѣ всей наступающей на Балканы арміи. Отъ войскового старшины Крюднера я узналъ, что Скобелеву дается особое порученіе, что ему придется нести всю тяжесть перехода черезъ Балканы, и я просилъ Крюднера, чтобы онъ уговорилъ Скобелева взять меня въ свой отрядъ. Крюднеръ обѣщалъ, но я впередъ зналъ, что ничего изъ этого не выйдетъ.

Я послалъ Шевченко въ Плевно купить мула („Катера", какъ ихъ зовутъ казаки). Говорятъ, тамъ можно пріобрѣсти прекрасныхъ лошадей и муловъ, отобранныхъ у плѣнныхъ офицеровъ. Шевченко привелъ прекраснаго, рослаго мула, за котораго заплатилъ какому то пѣхотному солдатику два имперіала. Интересно знать, какъ солдатику достался этотъ мулъ. Въ 3 часа ночи меня разбудилъ казакъ съ запиской отъ генерала Струкова. Онъ просилъ меня узнать, гдѣ можетъ находиться золотисто-рыжій жеребецъ, отобранный у турецкаго офицера казачьимъ урядникомъ, говорящимъ по французски. Я догадался, что идетъ рѣчь о вольноопредѣляющемся Владикавказскаго полка Кехли, который хвастался, что добылъ почти даромъ чуднаго коня. Не сочувствуя такимъ выгоднымъ сдѣлкамъ съ побѣжденными, я написалъ Струкову о томъ, что мнѣ было извѣстно, въ надеждѣ, что обиженному турецкому плѣнному возвратятъ его лошадь.

1-го декабря. Я отправился верхомъ на покинутую теперь передовую батарею, гдѣ такъ молодецки отстаивался маіоръ Фалькояно 28-го августа; оттуда я проѣхалъ по тому самому пути, по которому шелъ вечеромъ того же числа на рекогносцировку Гривицкаго редута, а 30-го августа — на штурмъ. Возлѣ холма, гдѣ я засталъ передъ штурмомъ нашихъ стрѣл-

ковъ и румынъ, земля изборождена снарядами, человѣческіе кости и черепа до сихъ поръ валялись то тутъ, то тамъ, не смотря на то, что этотъ участокъ земли былъ нами завоеванъ 3 мѣсяца тому назадъ и былъ сданъ для охраны доблестнымъ румынамъ.

Сколько воспоминаній возбудила во мнѣ эта мѣстность, свидѣтельница славнаго дѣла.

2-го декабря. Государь дѣлалъ подъ Плевною смотръ войскамъ обложенія. По возвращеніи со смотра 9-й корпусъ выстроился у Гривицы вдоль шоссе. Проѣзжая мимо, Государь остановился, чтобы съ нами проститься и, увидѣвъ меня, сказалъ: „А ты каковъ? Какъ твое здоровье? Что ты, совершенно поправился?“ Я отвѣтилъ, что хотя рана побаливаетъ, но я радъ быть въ строю и участвовать въ дѣлѣ. Государь улыбнулся своей доброй улыбкой, которой онъ утѣшалъ въ больницахъ и госпиталяхъ такъ много страдальцевъ и дѣлалъ на долго счастливыми тѣхъ, къ кому она была обращена.

Послѣ того, какъ Государь со мною говорилъ, я выросъ въ глазахъ моихъ начальниковъ и сослуживцевъ 9-го корпуса. Генералъ Крюднеръ въ первый разъ обратился ко мнѣ съ нѣсколькими любезными словами. Я былъ счастливъ и не замѣчалъ припадка лихорадки, которую я захватилъ еще съ 27-го ноября. Погода была сырая и холодная, мы продрогли, стоя на мѣстѣ въ ожиданіи проѣзда нашего Царя и, по возвращеніи домой, меня стало знобить такъ, что я ничѣмъ не могъ отогрѣться.

3-го декабря. Не смотря на сильную лихорадку, я съѣздилъ въ Порадимъ, чтобы проститься съ товарищами. Государь уѣхалъ въ Россію въ 7 часовъ утра. Изъ нашихъ уѣхали тоже Бибиковъ, Охотниковъ, Непокойчицкій. Офицеры конвоя поднесли Государю золотую саблю на память о Его пребываніи въ дѣйствующей арміи. Онъ былъ очень тронутъ этимъ вниманіемъ и обѣщалъ каждому изъ офицеровъ конвоя дать оружіе изъ собственныхъ рукъ.

Васильчиковъ и Ризенкампфъ остались одни. Я былъ очень взволнованъ, разставаясь съ ними, и не могъ скрыть

навертывающейся слезы. Я вернулся домой только вечеромъ. Дорогою лихорадка такъ трясла меня, что я едва держался на лошади.

4-го и 5-го декабря. Я не вставалъ съ постели, совершенно обезсиленный лихорадкой.

6-го декабря. Праздникъ бывшаго моего 2-го эскадрона Конной гвардіи. Я послалъ въ Петербургъ поздравительную телеграмму. Нашъ отрядъ выступилъ въ походъ въ 10 часовъ утра. Шелъ мокрый снѣгъ съ вьюгою. Въ Гривицѣ грязь была невылазная, обозъ едва двигался. Съ большимъ трудомъ я одѣлся и сѣлъ на коня. У меня не было ни теплаго платья, ни непромокаемаго пальто. Я не подумалъ купить когда былъ въ Бухарестѣ, а теперь было поздно, достать ужъ нельзя нигдѣ.

Въ Плевнѣ бароны Крюднеры, отецъ и сынъ, поѣхали на приглашенный завтракъ къ Скобелеву; я опять напомнилъ Антону Крюднеру о моей просьбѣ, но теперь уже совсѣмъ безнадежно онъ самъ перевелся въ нашъ корпусъ.

На ночлегъ пришли мы въ Дольній Дубнякъ, гдѣ для командира и штаба 9-го корпуса были приготовлены три дома. Эти дома безъ дверей и оконъ, тѣмъ не менѣе это было самое лучшее помѣщеніе, и ихъ, конечно, заняли генералы и свита. Я и мои товарищи помѣстились въ сыромъ погребѣ, гдѣ однако стало довольно уютно, когда мы развели огонь прямо на земляномъ полу. Дымъ наполнилъ подвалъ, но зато мы не чувствовали вѣтра и не мочились подъ мокрымъ снѣгомъ. Меня продолжала трясти лихорадка и сильно разболѣлась рана; я собирался пораньше лечь спать, но увы, подчиненный предполагаетъ, а начальникъ располагаетъ. Меня вызвали къ корпусному командиру. Онъ только что получилъ отъ генерала Гурко приказаніе ускорить движеніе во всей линіи. Поэтому мнѣ поручено выѣхать немедленно для передачи этого приказанія Галицкому полку, находящемуся на ночлегѣ, какъ полагаютъ, въ селѣ Княже, въ 35 или 40 верстахъ отъ Дольняго Дубняка.

Я и нѣсколько казаковъ выступили въ 11 часовъ ночи. Снѣжная вьюга еще усилилась, у меня зубы стучали, какъ кастаньетки, я держался на сѣдлѣ только одной силой воли.

Передъ выступленіемъ начальникъ корпуснаго штаба, генералъ Липинскій, указалъ мнѣ по плану, по какому пути слѣдовать чрезъ Магалету въ Княже. На бумагѣ это было такъ просто и легко, но когда мы вышли изъ деревни и очутились въ полѣ, я совсѣмъ отчаявался найти дорогу. Данные мнѣ проводники, оказалось, никогда въ Княже не бывали, да возможно ли оріентироваться ночью въ такую погоду, даже если бы они знали дорогу. Темнота такая, что не видно ушей лошади, мокрый снѣгъ билъ въ лицо, ослѣплялъ глаза; нельзя также довѣриться лошадямъ, такъ какъ инстинктъ привелъ бы ихъ обратно къ мѣсту ночлега нашего отряда, въ Дольній Дубнякъ. Я вызвалъ впередъ наиболѣе способныхъ къ ночнымъ передвиженіямъ казаковъ и объяснилъ имъ, въ какомъ направленіи долженъ лежать нашъ путь. Они пошли впередъ, а мы за ними, переговариваясь, чтобы не потерять связи. Ночной походъ при такихъ условіяхъ дѣйствуетъ страшно утомительно и раздражаетъ нервы до крайней степени. Мы шли такимъ образомъ часа четыре, не зная вовсе, вѣрно ли идемъ и не придется ли вернуться обратно.

Но вотъ послышался не далеко лай собакъ, потомъ до нашего обонянія донесся запахъ жженаго кизяка*), и мы узнали, что вошли въ деревню. Казаки разыскали сносное жилище. Оказалось, что мы не заблудились, деревня была Магалеты въ 15-ти вер. отъ Дольняго Дубняка, на пути къ Княже. Я рѣшилъ сдѣлать небольшой привалъ. Самъ я заснулъ на деревянной скамейкѣ, приказавъ хозяину болгарину себя разбудить черезъ два часа. Мы выступили до разсвѣта. На этотъ разъ я самъ взялъ съ собою проводника изъ этой деревни, онъ довелъ насъ до понтоннаго моста на рѣкѣ Искеръ, а такъ какъ за мостомъ былъ ясенъ слѣдъ прошедшаго наканунѣ обоза, то я пѣшаго проводника отпустилъ и мы рысью двинулись впередъ. Ѣхали мы часъ, другой, слѣдъ лежалъ все время впереди насъ, но у меня явилось сомнѣніе, ведетъ ли онъ въ Княже. Было уже совсѣмъ свѣтло. Я остановился и сталъ изучать карту—нѣтъ, не туда мы прошли, по моему со-

*) Навоза, приготовленнаго и высушеннаго для топлива.

ображенію Княже должно лежать вправо, почти подъ перпендикуляромъ. Бросили мы дорогу и чрезъ поля и кусты направились въ ту сторону, гдѣ я предполагалъ найти деревню. Мои разсчеты оправдались: послѣ 2-хъ часовъ ѣзды мы прибыли въ Княже. Бригаднаго командира генерала Богашевича я уже не засталъ и поэтому передалъ предписаніе корпуснаго командира командиру Галицкаго полка, которому вмѣнялось въ обязанность извѣстить объ этомъ предписаніи другія части.

Такъ какъ моя командировка была выполнена, то я рѣшилъ здѣсь немного отдохнуть. Урядникъ привелъ меня къ чистенькому нарядному дому зажиточныхъ болгаръ, гдѣ я немедленно завалился спать. Въ 2 часа меня разбудили. Вкусный горячій супъ и жареная курица дымились на столѣ, покрытомъ чистою скатертью, нашлась и бутылочка хорошаго мѣстнаго вина. Живо я пообѣдалъ, поблагодарилъ и наградилъ моихъ радушныхъ хозяевъ и въ 3 часа мы выступили на рысяхъ, чтобы нагнать потерянное время. Казаки тоже пріободрились послѣ радушнаго пріема болгаръ, но отдохнуть имъ едва ли удалось, такъ какъ нужно было присмотрѣть за лошадьми. Не смотря на снѣжную метель, мы добрались до с. Яницы до темноты. Чорбаджи (сельскій староста) отвелъ мнѣ комнату съ чугунной печкой. Такъ хорошо понѣжиться у огня... Казакамъ и лошадямъ тоже отведено хорошее помѣщеніе и корма было достаточно—всѣ повеселѣли. Болгаре отказались получить плату за забранные продукты и фуражъ и приняли отъ меня деньги, какъ подарокъ.

8-го декабря. Выступили мы на разсвѣтѣ, но вполнѣ освѣжившіеся послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха въ тепломъ помѣщеніи. Люди были веселы, лошадки шли бодро. Я разсчитывалъ нагнать нашъ корпусъ у с. Луковицы на Софійскомъ шоссе. Мы шли по еле замѣтнымъ тропинкамъ по очень живописной гористой мѣстности, мѣстами поросшей низкимъ лѣсомъ и кустарниками. Глубокія ущелья перерѣзывали нашъ путь, на днѣ ихъ шумливо текли горные потоки. Проѣзжали чрезъ долины, ласкающія взоръ послѣ угрюмыхъ обрывистыхъ овраговъ, обросшихъ, какъ щетиной, молодымъ оголеннымъ лѣсомъ и терникомъ.

Безъ проводника намъ было бы трудно найти нашъ путь. По картѣ мы могли бы идти только по обозначеннымъ дорогамъ, но на это потребовалось бы вдвое больше времени, а я хотѣлъ нагнать нашихъ возможно скорѣе—быть можетъ, они уже встрѣтились съ непріятелемъ. Болгаре говорятъ, что здѣсь проходили небольшіе турецкіе отряды два, три дня назадъ и всѣ направлялись къ Балканамъ. Насъ всѣхъ 9 человѣкъ, имѣть дѣло съ сильнымъ отрядомъ было бы опасно, но ожиданіе, что вотъ-вотъ можетъ встрѣтиться непріятель, дѣлаетъ дорогу веселѣе. Проводникамъ я платилъ хорошо и они охотно шли съ нами отъ села до села; впрочемъ, народъ здѣсь настолько привѣтливѣе тѣхъ, что я встрѣчалъ въ Добруджѣ и между Систовымъ и Плевною, что они не отказались бы помочь намъ въ нуждѣ. Въ деревнѣ Чумаковцы мы переправились чрезъ рѣку Искеръ, шириною въ этомъ мѣстѣ около 25-ти саженей; лошади погружались по брюхо и съ трудомъ боролись противъ сильнаго теченія. Въ дер. Червенбрегъ я сдѣлалъ короткій привалъ, чтобы отогрѣть озябшія ноги. Отсюда тропа проходила по крутымъ спускамъ и по подъемамъ. Проводникъ предлагалъ намъ ѣхать рысью, такъ какъ онъ предпочиталъ бѣжать, чтобы согрѣться. На возвышенностяхъ хотя холодно, но воздухъ сухой и живительный; но когда мы спускались въ долины, то казалось, мы входили въ сырой холодный погребъ. Въ Луковицѣ я, узнавъ, что наши войска продвинулись впередъ до Блазничево, отпустилъ проводника, такъ какъ теперь мы были на шоссе, и мы рысью поѣхали нагонять нашъ отрядъ. Въ Блазничево находился штабъ нашего корпуса. Доложивъ начальнику штаба объ исполненіи командировки, я пошелъ разыскивать себѣ помѣщеніе. Теперь насталъ конецъ моему благодушеству: два дня я былъ отдѣльнымъ начальникомъ и встрѣчалъ вездѣ радушный пріемъ, теперь же я опять подчиненный и придется довольствоваться тѣмъ, что перепадетъ на

мою скромную долю. Никто изъ моихъ сослуживцевъ не хотѣлъ меня принять, ссылаясь на недостатокъ мѣста. Наконецъ, Корсаковъ и Кехли предложили мнѣ пріютиться въ какой то лачугѣ, гдѣ дымилъ первобытный очагъ. Съ нами, чтобы было теплѣе, ночевали вмѣстѣ казаки.

9-го декабря. Нашъ путь до Яблоницъ, гдѣ для ночлега назначено довольно сносное помѣщеніе, идетъ все время по шоссе.

10-го декабря. Походъ; первый привалъ въ Усыковицахъ. Когда стало смеркаться, мы переправились чрезъ мостъ, за которымъ шоссе круто поднималось въ гору. Генералъ Крюднеръ остановился, чтобы пропустить мимо себя артиллерію и обозъ 31-й дивизіи. Мои ноги совсѣмъ окоченѣли, я слѣзъ съ лошади и топтался на мѣстѣ, но ничего не помогало. Въ надеждѣ, что не буду замѣченъ генераломъ, я проскользнулъ впередъ и рысью доѣхалъ до Правецъ, гдѣ былъ намъ назначенъ ночлегъ. Послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ квартиры, такъ какъ все уже было занято для генераловъ и ихъ свиты, я набрелъ на комендантское управленіе и тамъ къ великой радости узналъ, что комендантомъ состоитъ полковникъ Шевичъ, бывшій лейбъ-гусаръ, другъ Бориса Суханова. Онъ принялъ меня радушно, накормилъ прекраснымъ ужиномъ и мы уже собирались лечь спать въ настоящія кровати, какъ вдругъ раздался въ прихожей шумъ и громкіе недовольные возгласы. Я узналъ голоса генераловъ Крюднера и Липинскаго и, чувствуя за собою вину, поспѣшилъ скрыться чрезъ другую дверь въ сосѣднюю комнату, откуда слышалъ страшный разносъ Шевича за невниманіе къ корпусному командиру. Шевичъ поручилъ своему помощнику Киселевскому встрѣтить и размѣстить генераловъ и ихъ свиту, самъ же со мною устроился въ лучшемъ домѣ этого мѣстечка. Можетъ быть, дѣло еще сошло бы, если у генераловъ была бы хорошая квартира, но они были недовольны, а тутъ кто то сказалъ имъ, что лучшій домъ занялъ самъ комендантъ. Шевича

выгнали и заняли наши кровати. Я былъ радъ, что мнѣ удалось улизнуть, такъ какъ мнѣ тоже досталось бы за то, что я удралъ впередъ раньше начальства и намѣревался спать въ кровати, достойной генерала. Шевичъ былъ взбѣшенъ, хотя долженъ былъ сознаться, что онъ былъ не правъ. Ему пришлось ночевать въ своемъ управленіи, а меня пріютилъ Киселевскій съ 12 другими офицерами. Въ комнатѣ было тепло—значитъ, нечего больше желать. Укладываясь спать на полу, я припомнилъ, какъ было бы мягко тамъ на кровати, и у меня зародился духъ возмущенія противъ деспотическаго начальства.

11-го декабря. Я напрасно лелѣялъ себя надеждой, что мое отсутствіе за мостомъ не было вчера замѣчено. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, готовыхъ услужить ближнему. И на этотъ разъ нашлись услужливые товарищи, которые обратили вниманіе корпуснаго командира на мое отсутствіе. Вѣстовой передалъ мнѣ, что меня зоветъ къ себѣ генералъ Крюднеръ. Я догадался, что онъ имѣлъ мнѣ сказать, и не ошибся: пришлось выслушать горькія истины, но генералъ не ограничился этимъ и отослалъ меня обратно за 8 верстъ къ тому самому мосту, гдѣ застрялъ вчера обозъ, съ приказаніемъ оставаться тамъ, пока не минуютъ этотъ злополучный подъемъ всѣ войска и обозы.

Наконецъ, кончилось мое испытаніе и я могъ вернуться къ отряду. Нашъ штабъ уже выступилъ изъ Правеца. Въ с. Лажени я встрѣтилъ генерала Эттера, который передалъ мнѣ, что принцъ Ольденбургскій — въ Орханіе, гдѣ у насъ должна быть дневка, а можетъ быть, и болѣе продолжительная стоянка. Догнавъ корпуснаго командира, я донесъ ему объ исполненіи порученія. Въ Орханіе мы вступили засвѣтло. Я прозябъ, у меня страшно болѣла голова, голодъ тоже мучилъ порядочно. Еще дорогою я слышалъ, что въ Орханіе открытъ ресторанъ отставнымъ артиллерійскимъ

подполковникомъ Львовымъ. Я поспѣшилъ утолить голодъ. Ѣдятъ тамъ скверно, но за то дерутъ страшно. Въ ресторанѣ я узналъ, что Борисъ Сухановъ здѣсь, что онъ живетъ съ Клейгельсомъ. Они оба ординарцы генерала Гурко. Я такъ радъ повидаться съ дорогимъ пріятелемъ. Въ дружеской бесѣдѣ провели вечеръ, и я забылъ всѣ невзгоды и обиды. Давно не приходилось мнѣ проводить такія пріятныя минуты. Борисъ предложилъ мнѣ ночевать у него и я съ радостью согласился.

12-го декабря. К. и Переяславцевъ переѣхали изъ Лажени. Къ намъ присоединился Цертелевъ, вольноопредѣляющійся казакъ дипломатъ—любимый и самый дѣятельный ординарецъ генерала Гурко, симпатичный американскій репортеръ художникъ Miller и одинъ американскій полковникъ, имя котораго я забылъ. Мы цѣлый день неразлучны, обѣдали у Львова и такъ много пили всевозможныхъ здравицъ, что подъ конецъ вечера разошлись сильно возбужденные винными парами. Завтра мы выступаемъ въ Балканы, что то ждетъ насъ тамъ — эта тайна очень заманчива.

13-го декабря. Мы выступили въ 10 часовъ утра; холодъ собачій. У входа въ Большіе Балканы на бивакѣ гвардейской гренадерской бригады насъ встрѣтилъ генералъ Гурко, командующій правымъ крыломъ арміи, въ составъ которой входилъ 9-й корпусъ. Мы продолжаемъ слѣдовать по Софійскому шоссе, вдоль ущелья, прорѣзывающаго Балканы поперекъ. На открытой полянѣ, окруженной горами, поросшими лѣсомъ, расположился штабъ графа Шувалова. Мѣстность очень живописна, здѣсь должно быть хорошо лѣтомъ. Ущелье какъ бы смыкалось съ обѣихъ сторонъ исполинскими загроможденіями горъ—онѣ казались бы не высокими, если бы не виднѣлись, какъ точки, на бѣломъ пологѣ горы движущіяся колонны. Онѣ идутъ туда на вершину, гдѣ синіе дымки обозначаютъ мѣста бивуковъ обсерваціонныхъ отрядовъ. Внизу горный потокъ прорѣзалъ себѣ русло въ скалѣ. Все окутано бѣлой пеленой,

Бивакъ штаба 9-го корпуса въ Балканахъ.

только лѣсъ отливаетъ вдали розовыми и фіолетовыми оттѣнками. Картина величественная, взоръ невольно поднимался къ вершинамъ, гдѣ больше свѣту и простора, но внизу, гдѣ намъ предстояло провести, можетъ быть, много времени - тоскливо, голо и не уютно: нѣсколько палатокъ, коновязи, угрюмыя кучки солдатъ, грѣющихся у жалкихъ костровъ изъ сырого топлива, дающаго много дыма и мало огня. Только одна землянка графа Шувалова со вставленной желѣзною трубою и дверью даетъ идею нѣкотораго комфорта, но это не для насъ. Намъ предстоитъ жить въ палаткахъ, и эта перспектива зимою среди Балканъ не очень утѣшительна. Графъ Шуваловъ былъ въ отсутствіи, однако онъ скоро вернулся съ Преображенской горы, гдѣ занималъ позицію его отрядъ. Въ его свитѣ Гаврюша Сухановъ, Джунковскій, оба брата Гершельманъ, баронъ Кене, Скарятинъ (Семеновскаго полка) и молодой графъ Шуваловъ. Ординарцы графа пригласили меня обѣдать и ночевать въ ихъ палаткѣ. Чтобы не остаться въ долгу я предложилъ къ дессерту бутылку коньяку, за которую заплатилъ въ Орханіе 28 франковъ.

14-го декабря. Генералъ Крюднеръ рано утромъ отправился съ графомъ Шуваловымъ на Преображенскую гору. Намъ, къ сожалѣнію, приказано оставаться внизу. Генералъ Крюднеръ вернулся одинъ и занялъ землянку графа Шувалова, который остался на горѣ со своими войсками. Такъ какъ 34-й Донской казачій полкъ фактически не существовалъ (онъ весь былъ разбитъ на малыя части, выдѣливъ чуть ли не половину своего состава въ драбанты и вѣстовые), то меня причислили къ штабу корпуса; благодаря этому, мнѣ иногда перепадаетъ пообѣдать съ начальствомъ и воспользоваться лучшимъ помѣщеніемъ. Такъ, теперь мнѣ предложенъ уголокъ въ турецкой палаткѣ генерала Крюднера, которую онъ уступилъ своей свитѣ. Я, конечно, предпочелъ бы оставаться въ строю, но я не могъ предвидѣть, что 6-сотенный полкъ могъ бы стаять, какъ снѣгъ подъ лучами весенняго солнца. Даже командиръ полка и тотъ жилъ въ полевомъ штабѣ, не имѣя опредѣленныхъ занятій. Какъ я уже говорилъ раньше, просить

о переводѣ въ другую часть было немыслимо и поэтому приходилось поневолѣ мириться со своимъ положеніемъ.

Моя альпійская постель сослужила мнѣ хорошую службу; я даже раздѣвался, что позволяло мнѣ мыться съ грѣхомъ пополамъ, отогрѣвая окоченѣвшіе члены у костра.

15-го декабря. На горахъ гремѣли орудійные выстрѣлы. Генералъ Крюднеръ и бригадный командиръ генералъ Эттеръ поѣхали по Софійскому шоссе на наши аванпосты. На этотъ разъ мы ихъ сопровождали. У самаго шоссе вырыта тропинка, за которой расположился передовой постъ при двухъ орудіяхъ.

Съ обѣихъ сторонъ на возвышенностяхъ имѣлись тоже батареи и войска, слѣдящія за дѣйствіями непріятеля. Генералы прослѣдовали около ста сажень впередъ, надѣясь оттуда видѣть Арабъ-Конакскую позицію, но изгибы ущелья закрывали подступы къ этой позиціи, а двигаться дальше было не безопасно: турки за нами слѣдили и могли спуститься незамѣченными и отрѣзать намъ путь отступленія. Начальство вернулось, но я и Гершельманъ съ двумя вѣстовыми попытались пробраться дальше впередъ. Передъ нами ущелье расширялось, и мы увидѣли вдали бѣлую, круглую какъ горбъ, возвышенность, на которой виднѣлись желтыя насыпи редута. Намъ хотѣлось подойти поближе, чтобы разсмотрѣть подробнѣе расположеніе турокъ, но казаки, давно уже обезпокоенные движеніемъ надъ нами турецкихъ аванпостовъ, умоляли насъ вернуться назадъ. „Насъ сейчасъ отрѣжутъ“, повторяли они. Можетъ быть, дѣй-

ствительно, теперь было не время производить рекогносцировку, такъ какъ пріѣздъ на наши аванпосты начальства съ многочисленной свитой и конвоемъ обратилъ на насъ вниманіе турокъ. Мы вернулись, обѣщая себѣ другой разъ ближе подойти къ расположенію турокъ.

Я былъ приглашенъ къ обѣду у генерала Крюднера. Обѣдъ поданъ въ землянкѣ, устроенной для графа Шувалова и вмѣщающей въ себѣ вполнѣ 11 обѣдающихъ. Имѣется желѣзная печь и ночью должно быть въ ней совсѣмъ тепло, но во время обѣда дверь отворялась постоянно, чтобы вносить кушанья и мѣнять тарелки, и холодный воздухъ проникалъ внутрь и обращался въ паръ, застилающій потолокъ. Генералъ Крюднеръ обѣдалъ въ шубѣ, его сынъ Антоша — въ полушубкѣ, а мы сидѣли одѣтые, какъ были на дворѣ, только поснимали башлыки.

16-го декабря. Погода портилась, поднялась мятель при сильномъ холодѣ. Я ѣздилъ за 4 версты назадъ къ генералу Философову за справками о передвиженіи впередъ колоннъ. Весь интересъ сосредоточенъ на переходѣ черезъ Балканы: пробиться у Арабъ-Конака считается невозможнымъ потому, что эта позиція сильно укрѣплена и можно атаковать ее только съ фронта. Намъ извѣстно, что главныя укрѣпленія позиціи турокъ на удобныхъ путяхъ сообщеній и поэтому противъ нихъ выставлены сильные отряды, могущіе сдерживать непріятеля въ случаѣ его наступленія, другія же части войскъ должны быть ведены въ обходъ по едва извѣстнымъ горнымъ дорогамъ и тропинкамъ и выйти на долину въ тылъ непріятеля. Противъ турецкихъ редутовъ и укрѣпленій на недоступныхъ вершинахъ горъ мы тоже построили батареи, гдѣ расположены обсервацiонные отряды, долженствующіе потомъ спуститься по головоломнымъ путямъ въ долину. Тамъ, на горахъ, идетъ артиллерійскій бой, приносящій мало вреда сторонамъ, но отвлекающій турокъ отъ наблюденій за нашими коварными дѣйствіями. Конечно, у офицеровъ нѣтъ другого разговора между собою, кромѣ обсужденія вѣроятія прорыва сквозь умѣло укрѣпленную линію турецкихъ позицій. Мнѣ и Гершельману думается, что можно было бы атаковать Арабъ-

Конакъ съ фронта одновременно съ фланговой атакою. Кажется, того же мнѣнія держится и корпусный командиръ, такъ какъ мнѣ передали, что онъ намѣренъ назначить меня начальникомъ авангарда отряда, расположеннаго вдоль шоссе. Я цѣлую ночь не спалъ, когда узналъ объ этомъ. Моей радости не было предѣловъ. Сколько плановъ у меня созрѣло. На другой день, однако, всѣ мои мечты улетучились. Генералъ Липинскій предложилъ корпусному командиру назначить начальникомъ авангарда не меня, а Антошу Крюднера. Войсковой старшина Крюднеръ назначенъ начальникомъ передового отряда въ составѣ 1-й роты пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ и 2-хъ орудій. Онъ предложилъ мнѣ принять командованіе казачьими сотнями. Я, конечно, согласился. Мы обсуждали, насколько было бы цѣлесообразно произвести немедленно рекогносцирорку Арабъ-Конака. Антоша предполагалъ двинуться впередъ ночью со всѣмъ своимъ отрядомъ для его рекогносцировки, но я возражалъ на это, что рекогносцировку надо произвести не тревожа турокъ, если мы хотимъ нанести имъ ударъ съ этой стороны, что поэтому слѣдовало бы послать одного или двухъ человѣкъ, не болѣе, и то не ночью, а днемъ, чтобы можно было хорошенько разсмотрѣть турецкія позиціи, узнать, цѣлы ли мосты на шоссе, такъ какъ въ противномъ случаѣ движеніе впередъ колоннъ было бы немыслимо, пока саперамъ не удастся устроить временную переправу чрезъ глубокія балки и овраги. Выполнить эту рекогносцировку я брался одинъ или совмѣстно съ другимъ офицеромъ. Антоша, однако, настаивалъ на своемъ. Рѣшено выступить сегодня же, когда стемнѣетъ. За обѣдомъ обсуждались подробности нашей экспедиціи, и я любовался рѣшимостью Антоши, который мнѣ казался прежде немного вялымъ. Но это бравурное состояніе продлилось недолго: послѣ обѣда вмѣсто того, чтобы подготовиться къ намѣченной цѣли, начальникъ передового отряда прилегъ отдохнуть, а когда проснулся, то рѣшилъ, что дѣло рискованное, и отложилъ его до греческихъ календъ.

18-го декабря. Видя безрезультатность всѣхъ нашихъ предположеній, Гершельманъ и я поѣхали вдвоемъ, не говоря ни-

Передъ обѣдомъ.

кому ни слова, сдѣлать сами рекогносцировку, о которой мы соображали уже такъ много. Мы слѣзли и передали коней казакамъ въ томъ мѣстѣ на шоссе, гдѣ останавливались 15-го декабря при посѣщеніи нашего авангарда. Мы укутали головы башлыками, чтобы турки приняли насъ за своихъ. Шашки надѣты черезъ плечо, револьверъ въ карманѣ, готовый на всякій случай. Шоссе было мѣстами загромождено поломанными повозками, по сторонамъ валялась разная рухлядь, вьючныя сѣдла отъ павшихъ животныхъ, порожніе патронные ящики и разное тряпье, брошенное турками при поспѣшномъ отступленіи послѣ дѣлъ у Правеца и Врачеши. Часть возвышенности и редутъ Арабъ-Конака видны, но необходимо было ознакомиться съ подступами къ нимъ. Мы осторожно подвигались впередъ, укорачивая шагъ, когда подходили къ выступу скалы, скрывающему отъ насъ дальнѣйшій путь. По мѣрѣ приближенія къ нему сердце билось сильнѣе—а что найдемъ мы по ту сторону, быть можетъ турки, завидя насъ, спустились на шоссе и поджидаютъ непрошенныхъ гостей за угломъ. Рука ощупываетъ револьверъ, чтобы не даромъ отдать жизнь, если попадешься въ ловушку. Но вотъ выступъ миновали и впереди, до слѣдующаго поворота дороги, не видно ни души. На дѣвственномъ снѣжномъ покровѣ замѣтенъ только лисій слѣдъ, какъ будто выдавленный въ мягкомъ снѣгу шнурокъ ожерелья. Все тѣ же предметы валялись на дорогѣ, патронные снаряды, ящики, части обоза и снаряженія обозначали послѣдствія пораженія. Впереди, на косогорѣ слѣва слышались голоса и удары топоровъ, потомъ эти звуки раздавались надъ нашими головами, а теперь мы ихъ уже миновали, голоса остались позади. — А ну какъ вздумаютъ они теперь сойти на дорогу? При этой мысли, не знаю какъ у товарища, но мнѣ было жутко. Дошли мы, наконецъ, до мѣста, откуда былъ виденъ поворотъ шоссе направо, т. е. къ западу у самаго подножія холма, надъ которымъ расположенъ редутъ; позади редута видны палатки и около нихъ движеніе людей, часовые, въ остроконечныхъ башлыкахъ, ходили взадъ и впередъ, по временамъ останавливались и какъ будто вглядывались въ насъ.

Мосты цѣлы. Я наскоро набросалъ рисунокъ видѣннаго, чтобы дать понять, какъ расположенъ редутъ и его подступы. Выполнивъ свою задачу, мы стали отходить назадъ мѣрной походкой, чтобы не навлечь на себя подозрѣніе часовыхъ, давно слѣдившихъ за нами - на снѣгу ничего не скроешь, но вѣроятно они принимали насъ за своихъ. Дай Богъ оставить ихъ возможно дольше при этомъ убѣжденіи! По дорогѣ я захватилъ отличное вьючное сѣдло для моего „Катера". Когда мы добрались до ожидавшихъ насъ казаковъ я вздохнулъ съ облегченіемъ и думаю, что мой товарищъ имѣлъ то же чувство, но мы другъ передъ другомъ не выдавали нашихъ тайныхъ мыслей. Казаки говорили, что не разсчитывали больше насъ видѣть, и думали, что насъ навѣрно захватили турки.

Вернулись мы домой на бивакъ веселые той особенной веселостью, которая охватываетъ послѣ удачи или счастливо минувшей опасности. Гершельманъ передалъ о нашей экспедиціи начальнику штаба корпуса, но тотъ считалъ ее лишней. Всѣ товарищи какъ будто недовольны нами, точно мы въ чемъ то провинились — эту психологію я замѣчалъ уже не разъ. На завтра назначена артиллерійская подготовка атаки. На этотъ день корпусный командиръ назначилъ меня состоять въ распоряженіи генерала Эттера.

19-го декабря. Я посланъ на Преображенскую гору съ приказаніями командиру 9 ф. батареи, полковнику Мазингу. Дорога, или скорѣе тропа, ведущая на гору, была очень крута и утомительна. Тяжести, какъ то: провіантъ, фуражъ и проч. подвозились на полозьяхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, и непонятно, какъ были доставлены туда тяжелыя орудія и зарядные ящики. Дорога проходила лѣсомъ; сквозь прогалины открывались взору новыя впадины и расщелины. На бѣлыхъ сверкающихъ поверхностяхъ горъ углубленія ложились нѣжными голубоватыми пятнами, а глубокія ущелья теряли свои очертанія въ таинственной фіолетовой мглѣ. Гребни горъ расходились во всѣ стороны, какъ волны разсвирѣпѣвшаго моря, застывшаго вдругъ подъ вліяніемъ какого то чуда.

Рекогносцировка Арабъ-Конака.

Турецкій редутъ противъ нашей батареи кишѣлъ народомъ, наша артиллерія стрѣляла мѣтко. Было ясно видно дѣйствіе ея снарядовъ: кучки мгновенно разбѣгались и гдѣ то прятались. Бой разыгрался на громадномъ пространствѣ. Наши батареи раскинулись на десятки верстъ, занявъ выгодныя позиціи для обстрѣливанія противолежащихъ вершинъ горъ, увѣнчанныхъ турецкими редутами и батареями. Пушки гремѣли съ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, внизу, подъ нами шла усиленная ружейная перестрѣлка, и всѣ эти звуки повторялись

безконечнымъ эхомъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ дивнымъ зрѣлищемъ, было такъ сильно, что забывалось о томъ, что каждый выстрѣлъ несъ съ собою смерть и торжествующимъ звукамъ орудій вторили стоны раненыхъ и умирающихъ. Я оставался на батареѣ до сумерекъ и, когда сталъ стихать огонь, вернулся на бивакъ.

20-го декабря. На разсвѣтѣ прискакалъ къ корпусному командиру казакъ съ извѣщеніемъ, что турки покидаютъ Арабъ-Конакъ. Немедленно былъ поднятъ на ноги весь отрядъ и двинутъ впередъ, имѣя во главѣ генерала Крюднера и его штабъ. Проходя мимо того мѣста, гдѣ мы съ Гершельманомъ

производили рекогносцировку, я показалъ генералу Липинскому мой рисунокъ, и онъ тогда убѣдился, что мы, дѣйствительно, были тамъ, въ чемъ онъ, кажется, сомнѣвался. Мы вошли въ турецкій редутъ и лагерь. Палатки не были убраны, догорали костры, брошено много разнаго имущества и снаряженія, во множествѣ валялись снаряды и осколки, доказывающіе мѣткость нашей стрѣльбы; лежали большіе запасы галетъ гораздо вкуснѣе нашихъ. Многіе изъ офицеровъ наполнили ими свои карманы. Меня генералъ Крюднеръ послалъ на встрѣчу генералу Гурко, который дебушировалъ въ долинѣ у Негошева.

Оба генерала встрѣтились на полугорѣ и взаимно поздравляли другъ друга съ счастливымъ выполненіемъ трудной задачи. Намъ обидно, что мы прозѣвали выступленіе турокъ, такъ какъ можно было нанести имъ при отступленіи отъ Арабъ-Конака жестокое пораженіе. Вѣроятно, вся ихъ артиллерія намъ досталась бы, а, можетъ быть, сдались бы и войска. Погода чудная и на южномъ склонѣ горъ солнце уже грѣетъ. Мы возвратились ночевать на мѣсто прежняго бивака.

21-го декабря. Мы покинули опостылѣвшій нашъ бивакъ, гдѣ такъ мерзли и тосковали. Пройдя по тому же пути, что вчера, мы спустились въ долину, гдѣ было совсѣмъ тепло. По дорогѣ валялось много труповъ турецкихъ регулярныхъ солдатъ. Намъ временно назначена стоянка въ селѣ Дольные-Комарцы. Корсакову, Кехли, Антошѣ и мнѣ отведена большая, свѣтлая комната въ домѣ священника; какое наслажденіе будетъ спать въ комнатѣ, да еще топленой. Такъ какъ писаря штаба корпуса отстали съ обозомъ, то всѣмъ офицерамъ штаба и нѣкоторымъ строевымъ офицерамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, поручено писать подъ диктовку и списывать приказы. Мы занимаемся этимъ непривычнымъ дѣломъ до $3^1/_2$ час. утра.

22-го декабря. Генералъ Крюднеръ призвалъ меня и поручилъ отвезти приказанія генераламъ Дандевилю и Броку, которые должны быть въ городѣ Златицѣ, если имъ удалось обойти турокъ на Балканахъ и спуститься въ долину. Генералъ Крюднеръ предупредилъ меня, что эта командировка и трудна и опасна, такъ какъ мнѣ, можетъ быть, придется проскочить между

турецкими войсками. Я очень счастливъ и гордъ, что наконецъ мнѣ поручено выполнить интересное дѣло. По картѣ очень трудно оріентироваться, такъ какъ мой маленькій казачій пикетъ идетъ по тропамъ, не обозначеннымъ на картѣ, но сокращающимъ нашъ путь. Кромѣ того, я долженъ избѣгать большихъ дорогъ, такъ какъ на нихъ мы могли бы встрѣтиться съ непріятелемъ, что помѣшало бы или, по крайней мѣрѣ, затруднило бы выполненіе даннаго мнѣ порученія. На всѣхъ дорогахъ, спускающихся съ Балканъ, лежатъ трупы турецкихъ солдатъ. Такъ какъ здѣсь наши войска не преслѣдовали отступавшихъ, то можно предполагать, что турки падали отъ ранъ, болѣзни или истощенія и за недостаткомъ ухода умирали или замерзали, такъ какъ ночи были очень холодны, не смотря на то, что днемъ солнце пригрѣвало. Нѣсколько разъ мы встрѣчали вооруженныхъ турецкихъ солдатъ, вѣроятно отсталыхъ, но они поспѣшно отъ насъ уходили, а мы ихъ тоже оставляли въ покоѣ, чтобы не отвлекаться отъ данной задачи. Не безъ труда и опасности встрѣтиться съ превосходными непріятельскими силами достигли мы, наконецъ, г. Златицы. Посланный мною для развѣдокъ казакъ донесъ, что городъ занятъ нашими войсками. Я нашелъ домъ, гдѣ помѣстились генералы Дандевиль и Брокъ, и передалъ имъ пакетъ отъ генерала Крюднера. Офицеры генеральнаго штаба и генералы обсудили полученныя бумаги и готовили на нихъ отвѣтъ, который я долженъ былъ отвезти обратно немедленно. Пока я ожидалъ этого отвѣта никто не подумалъ справиться, сколько пути я проѣхалъ, не нужно ли дать отдохнуть лошадямъ, не предложили даже чашку чаю, хотя дымящійся самоваръ и чайные приборы стояли на столѣ. Только тогда, когда я уходилъ, уложивъ въ сумку данныя мнѣ бумаги, меня нагналъ старичекъ въ полушубкѣ и любезно предложилъ выпить чашечку горячаго чайку. Этотъ старичекъ былъ генералъ Красновъ, донской казакъ, впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ популярныхъ героевъ 3-дневнаго дѣла подъ Филиппополемъ, захватившій 18 орудій у Карагача.

Наши войска только что заняли городъ, вытѣснивъ турокъ, бѣжавшихъ почти безъ сопротивленія. Если бы я при-

шелъ сюда нѣсколькими часами раньше, то могъ бы наткнуться на непріятеля вмѣсто своихъ. Златица живописный городокъ; по главной улицѣ много лавокъ, но онѣ были открыты настежъ и пусты – вѣроятно, турки забрали съ собою, что было возможно, чтобы не досталось русскимъ. Казаки и я очень проголодались, купить чего нибудь негдѣ, и мы захватили только немного сѣна и ячменя, котораго давно не видали наши кони, питавшіеся въ Балканахъ соломой съ крышъ брошенныхъ болгарами лачугъ. Уже было совсѣмъ темно, когда мы добрались до болгарскаго села Мирково (мы возвращались другой дорогой, по указанію жителей Златицы). Необходимо было дать хоть два, три часа отдыха лошадямъ, и я рѣшился здѣсь остановиться. Съ трудомъ нашелся свободный уголъ въ комнатѣ, занятой уже двумя докторами-санитарами и нѣсколькими ранеными. Ночью или рано утромъ ожидали прихода гвардейскихъ гусаръ и драгунъ. Заснуть не удалось — въ сосѣдней комнатѣ пищали дѣти, а чрезъ часъ послѣ того, какъ я пріѣхалъ, загорѣлся рядомъ съ нами домъ. Всѣ выбѣжали и вытащили раненыхъ, но я остался, такъ какъ былъ слишкомъ утомленъ и думалъ, что успѣю спастись всегда.

23-го декабря. Мы выступили до свѣта и вернулись въ Дольны Комарцы еще рано.

К..., Волковъ и Панчулидзевъ пріѣхали вечеромъ и были довольно сносно помѣщены комендантомъ. Бѣдный Панчулидзевъ отморозилъ себѣ пальцы на ногахъ. Мы весело провели вмѣстѣ вечеръ.

24-го декабря. Получено извѣстіе, что турки ушли изъ Софіи. Мы послали въ Софію казаковъ и Шевченко для покупки провизіи, которой совсѣмъ здѣсь нѣтъ, т. к. нечѣмъ было отпраздновать канунъ Рождества Христова. Итальянецъ, лакей К... состряпалъ превосходный ужинъ изъ провизіи, которая досталась намъ чуть ли не на вѣсъ золота и то съ большимъ трудомъ. Вотъ menu: „potage printaniére, cotelettes de mouton, poulet chasseur“. Напитки: бутылка румынскаго краснаго вина Драгашани, которую я хранилъ для выдающагося случая, бутылка спирту и бутылка коньяку. Я перетащилъ сюда мою

Фуражировка въ Балканахъ.

постель, и мы долго болтали, сближенные встрѣчею такого праздника вмѣстѣ, вдали отъ родственниковъ и близкихъ.

25-го декабря. Я провелъ весь день съ моими друзьями. Панчулидзевъ уѣхалъ, и мы остались втроемъ. Мы очень озабочены составленіемъ меню для обѣда и ужина; главное затрудненіе въ томъ, что нѣтъ провизіи. Казаковъ я разослалъ въ разныя стороны, чтобы найти мясо или что либо съѣстное. Доставлена чахоточная курица, болгаринъ принесъ три яйца, за которыя просилъ полъ имперіала, нашлось немного баранины. Я снабдилъ компанію сухими консервами зелени, горчицей и кофе. Пока мы занимались кулинарнымъ искусствомъ, доложили К., что прибылъ къ нему съ визитомъ корпусный командиръ. Не имѣя времени надѣть мундиръ, онъ быстро легъ въ постель, укрылся одѣяломъ и сказалъ генералу Крюднеру, что онъ очень извиняется, что не можетъ встать, такъ какъ у него лихорадка. Онъ отказался отъ приглашенія на обѣдъ, говоря, что вслѣдствіе болѣзни онъ ничего не можетъ ѣсть. Я и Волковъ съ трудомъ сдерживали смѣхъ, видя нашего товарища, только что занятаго гастрономическими обсужденіями, теперь изображающимъ изъ себя больного. Когда генералъ ушелъ, К. П. сказалъ, что предпочитаетъ остаться съ нами и питаться чѣмъ Богъ послалъ, чѣмъ надѣвать мундиръ и сидѣть за скучнымъ оффиціальнымъ обѣдомъ.

26-го декабря. Рано утромъ намъ было приказано сопровождать корпуснаго командира въ Софію. Сдѣлавъ 50 верстъ однообразнаго и скучнаго пути, мы вошли въ Софію въ 5 часовъ вечера. Корсаковъ и я заняли комнату въ Hotel d'Amerique. Не вѣрится, что мы будемъ спать на кроватяхъ съ постельнымъ бѣльемъ—такого счастья мы уже давно не испытывали. Мы обѣдали во французскомъ ресторанѣ, гдѣ я узналъ, что Борисъ Сухановъ въ Софіи. Я спѣшилъ къ нему, и мы досидѣлись до поздняго часа въ дружеской болтовнѣ.

27-го декабря. Я возвращался въ Дольны-Комарцы одинъ, по пути заѣхалъ въ Ташкисенъ, который наканунѣ заняли наши гвардейцы послѣ упорнаго боя. Тамъ я засталъ товарищей штаба гр. Шувалова, которые, какъ и мы, терпѣли много

лишеній и до сихъ поръ, не смотря на близость къ Софіи, не имѣли ни провизіи, ни бѣлья, такъ какъ обозы не могли слѣдовать за нами такъ поспѣшно. Изъ Ташкисена я, не знаю какимъ образомъ, забрелъ въ дер. Горны Халона, сдѣлавъ порядочный крюкъ.

28-го декабря. На обратномъ пути въ Россію заѣхалъ ко мнѣ К., и я могъ теперь угостить его порядочнымъ завтракомъ, такъ какъ, кромѣ меня, и Шевченко привезъ большой запасъ провизіи изъ Софіи; имѣлось даже шампанское, которое я хранилъ для новаго года. — Все это должно было помѣститься на катерѣ въ „куржумахъ“ (переметныхъ сумахъ), а пара окороковъ висѣла по бокамъ.

Ночью прошелъ дождь. „Слава Богу, думалъ я, ноги больше не отмерзнутъ“. Я всегда заботился объ этомъ, садясь утромъ на лошадь. Пѣхота отбивала ноги и согрѣвала ихъ, намъ же кавалеристамъ было совсѣмъ плохо, въ особенности когда, какъ у меня, не было вовсе теплой обуви.

29-го декабря. Погода чудная. На солнцѣ $+10^{\circ}$ Р. Мы выступили изъ Дольны-Комарцы. Намъ назначенъ ночлегъ въ мѣстечкѣ Петричено, куда меня отправили впередъ съ казаками для занятія квартиръ. Въ такую прекрасную погоду этотъ переходъ былъ очень пріятный. Дорога опять идетъ въ гору, она хороша и проходитъ по живописной мѣстности.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы перевалили черезъ Балканы, носились слухи, что скоро будетъ заключено перемиріе, и поэтому насъ не удивило донесеніе генерала Дандевиля корпусному командиру, съ приложеніемъ письма отъ Шекиръ Паши, извѣщавшаго русскаго начальника, что перемиріе заключено и поэтому наше дальнѣйшее движеніе впередъ должно быть пріостановлено. Жалко было такъ рано остановиться, не дойдя даже до Адріанополя, тогда какъ мы надѣялись кончить войну въ Царьградѣ.

Въ Петричено я занялъ для себя и двѣнадцати ординарцевъ отъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, назначенныхъ состоять при генералѣ Крюднерѣ, большую залу въ бывшей англійской школѣ, построенной для болгаръ извѣстной англій-

ской филантропкой Lady Strangford. Цѣль этой школы была отвлечь болгаръ отъ православія и обратить ихъ въ католицизмъ. Говорятъ, что Lady Strangford въ настоящей войнѣ всецѣло на сторонѣ турокъ, что она покинула Петричено только при приближеніи русскихъ. Я отомстилъ этой руссофобкѣ, нарисовавъ углемъ и карандашемъ на бѣлыхъ стѣнахъ зала разныя каррикатуры на ея счетъ. Я назначенъ начальникомъ ординарцевъ отъ гвардейской кавалеріи. Первымъ проявленіемъ моего высокаго назначенія было угостить всю компанію ужиномъ—мы весело провели этотъ вечеръ и ночь. Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ походѣ, лучшаго помѣщенія у насъ еще не было.

30-го декабря. Мы отдыхали. Ризенкампфъ, который находился въ моей командѣ, вернулся обратно въ лейбъ-драгунскій полкъ, къ которому онъ былъ прикомандированъ послѣ взятія Плевны, такъ какъ всѣ русскіе ординарцы принца Румынскаго съ паденіемъ Плевны и за прекращеніемъ дѣйствій румынъ были изъ его свиты откомандированы.

31-го декабря. Идемъ походомъ въ г. Панагёрище. Дорога поднималась все выше и выше по очень крутымъ склонамъ; холодъ тоже усиливался. У живописнаго городка Панагёрище большая толпа ожидала насъ съ духовенствомъ и хоругвями впереди. Пріемъ былъ очень сердечный. Всѣмъ отведены прекрасныя помѣщенія. Моя команда и я тоже не можемъ пожаловаться на квартиру. Завтра ожидается встрѣча съ непріятелемъ по вступленіи въ долину Марицы. Выступленіе назначено въ 4 часа утра, тѣмъ не менѣе мы рѣшили встрѣтить Новый годъ достойно, чтобы не пропалъ даромъ запасъ шампанскаго. Въ нашей компаніи былъ настоящій праздникъ, здравицамъ и пожеланіямъ не было конца.

1-го января 1878 года.

Веселая встрѣча Новаго года и недостаточный сонъ отзывались тяжело—голова болѣла, чувствовался общій недугъ, настоящій „катценъ яммеръ“; покачиваніе на сѣдлѣ не облегчало этого состоянія. Мы наступали на Татаръ-Базарджикъ, ко-

торый, говорятъ, покинутъ непріятелемъ, но когда мы спустились въ долину, нашъ авангардъ былъ встрѣченъ выстрѣлами, а черкесы погнали обратно наши передовые разъѣзды. Скоро перестрѣлка завязалась по всей передовой линіи. Справа, на одной съ нами высотѣ, шли колонны графа Шувалова.

Когда завязался бой, мой недугъ исчезъ безъ слѣда; но вотъ передали мнѣ приказаніе корпуснаго командира вернуться въ Отлыкіой съ какимъ то маловажнымъ порученіемъ—я догадался, что это было наказаніе за вчерашнюю пирушку. Какъ только я получилъ это приказаніе, моя болѣзнь, покинувшая меня при нервномъ возбужденіи предстоящаго боя, снова вернулась, я чувствовалъ, что не буду въ состояніи проѣхать обратно для безцѣльныхъ распоряженій въ то время, когда наши войска будутъ сражаться. Къ счастью, Колокольцевъ предложилъ ѣхать вмѣсто меня, и на это согласилось начальство, убѣдившись, что я, дѣйствительно, нездоровъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ досталось выслушать ѣдкія замѣчанія генерала за то, что я развращалъ молодежь.

Когда подступили резервы, непріятель очистилъ село Черногора въ 5-ти вер. отъ Татаръ-Базарджика, которое мы заняли и въ которомъ остановились на ночлегъ. Ожидается серьезное сопротивленіе на завтра.

2-го января. Мы дѣлали обходное движеніе, чтобы преградить путь отступленія непріятелю изъ Татаръ-Базарджика, но было уже поздно. Когда мы подошли къ Филиппопольскому шоссе, оказалось, что турки очистили городъ ночью. Мы двинулись далѣе къ Филиппополю. Погода прекрасная; войска шли съ музыкой и пѣснями. Картина движенія колоннъ по долинѣ была очень красива. Ночевали въ 10-ти верстахъ не доходя Филиппополя, гдѣ нашли прекрасное помѣщеніе и освѣжающее мѣстное „винцо черно“.

3-го января. Походъ на Филиппополь. Генералъ Дандевиль въ авангардѣ. Ожидается занятіе города безъ боя. Вправо отъ шоссе, подъ защитой кургана отъ холоднаго вѣтра, расположился генералъ Гурко со своимъ штабомъ. Когда мы проходили мимо, ординарецъ вызвалъ меня къ Главнокомандующему. Мнѣ

Занятіе Панагюрище.

приказано ожидать писавшееся предписаніе, которое я долженъ былъ отвезти генералу Дандевилю съ личными объясненіями.

Въ это время, по ту сторону рѣки Марицы, протекающей параллельно шоссе, показался всадникъ въ черкесскѣ съ полумѣсяцемъ на папахѣ — онъ ѣхалъ шагомъ, оглядывая насъ. Осетины, составлявшіе конвой генерала Гурко, открыли по немъ

Лихой черкесъ.

огонь изъ винтовокъ, но, не смотря на близкое разстояніе (было не болѣе 300 шаговъ) и около сотни выпущенныхъ пуль, не причинили ему никакого вреда: черкесъ продолжалъ ѣхать, не усиливая аллюра, и казался спокойнымъ и равнодушнымъ къ нашей пальбѣ, какъ будто это его не касалось.

Уступомъ позади насъ, за рѣкою показались густыя колонны, предшествуемыя конницей. Всѣ бинокли обратились въ

ту сторону; долго недоумѣвали, какія это войска, и наконецъ, рѣшили, что это армія гр. Шувалова.

Осетины, однако, простымъ глазомъ признали подходящія колонны за турокъ. Посланный на развѣдку казачій офицеръ прискакалъ обратно и доложилъ, что это, дѣйствительно, непріятель. Тогда было отдано приказаніе переправиться чрезъ Марицу и занять на томъ берегу с. Айранлы подошедшему баталіону Финляндскаго полка. Осетины, искавшіе бродъ, показали, что пѣшимъ пройти чрезъ рѣку нельзя, почему весь конвой генерала Гурко и казаки, бывшіе въ моемъ распоряженіи, стали перевозить въ бродъ пѣхоту на лошадяхъ, по одному и по двое за разъ.—Кавалеристъ, оставаясь верхомъ, велъ въ поводу двухъ лошадей, на которыхъ садились пѣхотинцы. Съ береговъ обламывался подъ копытами ледъ, посреди теченія тонкія льдинки и сало рѣзали ноги и брюхо лошадямъ, но, тѣмъ не менѣе, переправа производилась успѣшно, и скоро весь баталіонъ занялъ наружную ограду и постройки с. Айранлы и открылъ ружейный огонь по подходящимъ непріятельскимъ колоннамъ. Двѣ батареи выѣхали на позицію по обѣимъ сторонамъ кургана, на которомъ находился генералъ Гурко, и тоже открыли огонь по турецкимъ войскамъ. Послѣ нѣсколькихъ отвѣтныхъ выстрѣловъ непріятельскія колонны свернули и направились по направленію Родопскихъ горъ, не переставая осыпать насъ пулями и гранатами. Неожиданно возникшее дѣло измѣнило наши намѣренія, и мнѣ приказано передать Дандевилю, чтобы онъ немедленно занялъ Филиппополь и держался въ немъ, пока не подойдутъ подкрѣпленія.

Я засталъ генерала Дандевиля въ одной верстѣ отъ Филиппополя. Его войска уже вступали въ бой. Турецкія батареи, расположенныя на возвышенномъ противуположномъ берегу рѣки, обстрѣливали переправу. Снаряды какъ будто преслѣдовали генерала и его свиту, т. к. вѣроятно, непріятель цѣлилъ по большому желтому значку генерала Дандевиля, но онъ на это не обращалъ вниманія. Я возвратился къ генералу Гурко и доложилъ, что мостъ сожженъ, переправа затруднена ожесто-

Преправа черезъ Марицу.

ченнымъ сопротивленіемъ турокъ, занимавшихъ сильную позицію. Болгарскій кварталъ города въ огнѣ.

Генералъ Гурко и его штабъ все на томъ же курганѣ, но они спустились пониже, куда не долетали турецкія пули и снаряды. Я взобрался на верхъ—тамъ было, дѣйствительно, не безопасно. Въ идущихъ по шоссе колоннахъ нашихъ войскъ имѣлись убитые и раненые, не смотря на то, что шоссе было скрыто отъ непріятеля складкою почвы и разстояніе было значительно.

Подошедшая бригада 5-й пѣхотной дивизіи генерала Шильдеръ-Шульднера была также переправлена черезъ Марицу на крупахъ лошадей Бугскаго уланскаго полка полковника Горячева и эскадрона лейбъ-драгунъ подъ командою капитана Бураго. Ей назначено преградить туркамъ путь на Филиппополь.

Бураго былъ раньше ординарцемъ генерала Гурко и поэтому пользовался его расположеніемъ. Онъ былъ всегда съ мухой, его оригинальныя, но не всегда изящныя выходки забавляли начальство. Между товарищами его считали славнымъ малымъ, лихимъ офицеромъ; онъ былъ забавный разсказчикъ, но не прочь былъ нѣсколько прикрасить голые, непривлекательные факты. Вотъ какъ разсказывалъ онъ о взятіи имъ Филиппополя, за что получилъ Георгія 4-й степени. Окончивъ переправу пѣхоты, онъ подъѣхалъ къ генералу Гурко и спросилъ его, разрѣшаетъ ли онъ ему взять Филиппополь. Г. Гурко, принявъ это за шутку, отвѣтилъ такъ же — „разрѣшаю“. Бураго пустился впередъ со своимъ эскадрономъ и къ вечеру подошелъ къ вокзалу желѣзной дороги у Филиппополя. Нѣсколько поѣздовъ стояло на пути, паровозы дымились. Онъ спѣшилъ эскадронъ, подошелъ къ вокзалу и далъ залпъ по ближайшему поѣзду. Сейчасъ турки заторопились и, не отвѣчая на выстрѣлы драгунъ, поспѣшили укатить по направленію къ Адріанополю. Такимъ образомъ непріятель бѣжалъ, и Бураго остался побѣдителемъ, безъ всякой потери. Оказалось, что въ послѣднемъ поѣздѣ отбыли командующій турецкой арміей со штабомъ. Въ отдѣльной залѣ не остылъ еще заказанный турецкими пашами ужинъ, который они не успѣли съѣсть. Бураго со своими

офицерами сѣли за столъ и прекрасно поужинали, запивая шампанскимъ, приготовленнымъ для другихъ.

Передъ вечеромъ Дандевиль далъ знать, что онъ занялъ нижній кварталъ города и озаботился отводомъ помѣщеній для генераловъ и ихъ штабовъ.

Когда мы прибыли въ городъ, весь нижній кварталъ оказался разграбленнымъ. Я и моя команда размѣстились на сѣнѣ въ одной большой и неуютной комнатѣ.

4-го января. Утромъ происходилъ разгромъ оставшихся еще въ цѣлости лавокъ, въ которомъ обвинялись нижніе чины двухъ гвардейскихъ полковъ. Генералъ Липинскій распорядился немедленно вывести эти полки изъ города. Сообщено, что со вчерашняго вечера верхняя часть города покинута непріятелемъ. Генералъ Крюднеръ приказалъ мнѣ отвести тамъ квартиры для него и штаба. Я и драгунъ Ширма переправились въ бродъ и отправились разыскивать помѣщенія. Мы встрѣтили полковника генеральнаго штаба, Федора Николаевича Криденера, который помогъ намъ занять роскошныя квартиры для корпуснаго командира и его штаба. Мнѣ же совершенно случайно удалось найти прекрасную комнату у очень хорошенькой молодой хозяйки, мужъ которой, болгаринъ, былъ отвезенъ турками въ Константинополь и посаженъ въ тюрьму. Моя новая хозяйка любезно приняла меня, приказала подать угощеніе, неизбѣжные на востокѣ дульчецы: варенья, шербетъ. Она была очень мила.

5-го января. Вѣстовые доложили, что послѣ долгихъ поисковъ нигдѣ не могли найти съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ базаръ былъ закрытъ во время послѣднихъ тревожныхъ дней и провизія не подвозилась,—имѣлось въ изобиліи только вино.

Генералъ Крюднеръ рѣшился переѣхать на новую квартиру только тогда, когда нашими саперами былъ перекинутъ черезъ рѣку летучій мостъ.

Въ тотъ вечеръ въ каждомъ болгарскомъ домѣ, занятомъ нашими генералами и офицерами, былъ приготовленъ хозяевами ужинъ. Вообще, здѣшніе болгаре выказывали намъ большое расположеніе, изъ чего вытекало взаимное удовольствіе.

6-го января. Я отвозилъ приказаніе генералу Вельяминову въ дер. Марково и оттуда въ дер. Карагачъ, къ герою 3-дневнаго боя подъ Филиппополемъ, казачьему генералу Краснову, разбившему Сулеймана и отбросившему остатки его арміи въ Родопскія горы, при чемъ нами было захвачено 53 орудія. Я напомнилъ ему о нашей встрѣчѣ въ Златицѣ, гдѣ онъ одинъ догадался, что офицеръ, протрясшійся на сѣдлѣ нѣсколько часовъ, можетъ нуждаться въ пищѣ или хоть въ стаканѣ чая. Этотъ эпическій русскій герой-богатырь все такъ же простъ, скроменъ и симпатиченъ, какъ онъ мнѣ показался въ первый разъ, когда я его увидѣлъ.

Я проѣзжалъ мѣстностью, бывшею театромъ славнаго боя. Многочисленные непріятельскіе трупы усѣивали дороги и поля; нашихъ уже успѣли схоронить.

Мнѣ встрѣчались вооруженные болгарскіе башибузуки, не уступающіе турецкимъ въ звѣрствѣ. Они бродили, какъ стаи волковъ, за поискомъ добычи и не брезгали по пути ограбить мертвыхъ.

Моя лошадь завязла въ глубокой лужѣ грязи, изъ которой я съ трудомъ ее вытащилъ. Вернулся поздно ночью продрогшій отъ неожиданнаго купанья, голодный и утомленный не меньше бѣднаго коня, пробывшаго подъ сѣдломъ восемнадцать часовъ, съ тремя часами передышки.

7-го января. Генералъ Крюднеръ передалъ командованіе 9-мъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Свѣчину.

Сегодня празднуется у болгаръ день Св. Іоанна, какого именно — не знаю. Моя хозяйка пригласила меня по этому случаю къ ужину въ ея половину.

8-го января. Въ 3 часа по полудни я получилъ приказаніе ѣхать въ село Папасли въ 25-ти верстахъ отъ Филиппополя, чтобы вручить принцу Александру Петровичу Ольденбургскому важный пакетъ и сообщить, что ему пожалованъ георгіевскій крестъ. Меня предупредили при этомъ, что я могу ночевать въ Папасли, такъ какъ будетъ уже поздно и вернуться къ ночи я не успѣю. Въ этой командировкѣ я заподозрилъ Антошу, который сидѣлъ тутъ же въ кабинетѣ корпуснаго командира и

казался совершенно не причастнымъ къ дѣлу. Я уловилъ на его лицѣ легкую усмѣшку, которую онъ силился скрыть. „А вотъ, что ты задумалъ голубчикъ—сказалъ я себѣ—ну, увидимъ еще, кто кого перехитритъ". Я мигомъ осѣдлалъ Джигита и отхватилъ 50 верстъ туда и назадъ въ 3 часа—въ 8 часовъ вечера я былъ уже дома и передалъ генералу Свѣчину письменный отвѣтъ принца Ольденбургскаго. Свѣчинъ и Липинскій недоумѣвали, какъ я могъ такъ скоро распорядиться, а Антоша, который еще былъ здѣсь, не улыбался на этотъ разъ.

Я былъ приглашенъ ординарцами генерала Гурко на ужинъ, который они давали въ честь графа Клейнмихеля, командира баталіона стрѣлковъ Императорской фамиліи. Игралъ хоръ музыкантовъ и пѣли пѣсенники баталіона. Послѣ веселаго ужина продолжалась попойка, на которой присутствовали молоденькія болгарскія дамы, привлеченныя неотразимой военной музыкой. Ихъ забавляло, когда офицеровъ поочередно качали. Мы объяснили имъ, что это большая честь, и предложили испытать этотъ русскій обычай. Онѣ сперва боялись, шушукались, смѣялись и, наконецъ, нѣкоторыя посмѣлѣе согласились, а за ними пошли и другія.

9-го января. Морозитъ, гололедица, лошади скользили, какъ на конькахъ. Пріятно посидѣть дома, когда имѣется хорошее помѣщеніе и хозяйка не дурна собой. У нея двѣ сестры, молоденькія и хорошенькія дѣвушки; онѣ нѣкоторое время дичились меня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересовались всѣмъ, что я дѣлалъ, моими вещами, портретами. Наконецъ, любопытство превозмогло, онѣ понемногу сдѣлались ручными, и мы стали друзьями. То одна, то другая забѣгала ко мнѣ, но чуть кто нибудь постучится, онѣ исчезали, какъ спугнутыя птички.

Я завтракалъ съ полковникомъ Арсеньевымъ, командиромъ 1-й Гвардейской конной батареи. Онъ только что получилъ Владиміра 4-й степени за свои лихіе выѣзды на позиціи подъ самый носъ непріятеля, котораго онъ огорошивалъ почти въ упоръ картечными гранатами. Его батарея прославилась вполнѣ заслуженно.

Генералъ Свѣчинъ вернулся изъ Конака, гдѣ была собрана дума для присужденія георгіевскихъ крестовъ. Дума постано-

вила, по представленію генерала Гурко, дать Георгія Бураго за взятіе Филиппополя. Генералъ Свѣчинъ сказалъ мнѣ: „Я не зналъ, что вы герой! Великій Князь Николай Николаевичъ говорилъ, что прежде, чѣмъ дать Георгія Бураго, слѣдовало бы дать его Квиткѣ за штурмъ Гривицкаго редута".

Вечеръ я провелъ у своей хозяйки Катерины Михалковой.

Разнесся слухъ, что султанъ Абдулъ Гамидъ сверженъ съ престола и его мѣсто занялъ Мурадъ, что Рущукъ сдался, что Адріанополь занятъ нашими войсками безъ боя и что заключено перемиріе на 4 дня.

10-го января. Слухъ о занятіи безъ сопротивленія Адріанополя подтвердился.

Оттепель; погода весенняя. Съ большимъ трудомъ я разыскалъ достаточно цвѣтовъ, чтобы сдѣлать хорошій букетъ для Катеринэ.

11-го января. Нашей идилліи наступилъ нежданный конецъ. Приказано немедленно выступить и идти усиленнымъ маршемъ въ Адріанополь.

Разставаніе очень грустное — обѣщался скоро вернуться, но зналъ, что это едва ли сбудется.

Привалъ въ с. Папасли, гдѣ генералъ Свѣчинъ намъ предложилъ закусить.

Генералъ Свѣчинъ большой хлѣбосолъ; не смотря на трудность продовольствоваться на походѣ, онъ насъ кормитъ прекрасно. Ночевка плохая, огня нѣтъ.

12-го января. Погода превосходная. Дорога вся усѣяна трупами бѣжавшихъ турецкихъ сельчанъ. Это дѣло болгарскихъ башибузуковъ мародеровъ. Обнаженныя тѣла жен-

щинъ окоченѣли въ ужасныхъ эпилептическихъ положеніяхъ здѣсь происходило изнасилованіе и глумленіе передъ мученической смертью. Трупы мужчинъ съ отрубленными оконечностями, съ распоротой грудью или животомъ, обезглавленные, дѣти съ раздавленными головами, сплющенными какъ блинъ, подъ колесами тяжелыхъ арбъ. Ужасъ этого зрѣлища нельзя описать. На лицахъ нашихъ солдатиковъ глубокое состраданіе смѣшивается съ озлобленіемъ на тѣхъ хищниковъ, которые были способны на такія дѣянія — не сдобровать бы имъ, если бы они попались въ руки этихъ смирныхъ и добродушныхъ на видъ мужичковъ-воиновъ.

Мы опередили группу всадниковъ, впереди которой ѣхалъ верхомъ на прекрасномъ арабскомъ конѣ турокъ старикъ съ длинной бѣлой бородой; онъ поддерживалъ сидящую тоже на бѣлой арабской лошади молодую красавицу, вѣроятно дочь. Она склонила къ нему голову, глаза ея скрывались подъ длинными рѣсницами — ужасное хрипѣніе приближающейся смерти колебало ея чудный станъ, а старикъ неподвижно глядѣлъ впередъ, не замѣчая текущихъ изъ глазъ его слезъ. Сзади ѣхали тоже на прекрасныхъ лошадяхъ, вѣроятно, приближенные и прислуга богатыхъ господъ, убитыхъ горемъ. Отчего умираетъ эта дѣвушка, отъ болѣзни или полученной раны, мы не знаемъ и не смѣли спросить изъ уваженія къ этому горю. Всѣ обнажили головы, говоръ смолкъ въ рядахъ и до самаго привала никто не подымалъ голоса, оставаясь подъ впечатлѣніемъ этой ужасной драмы. Кто видѣлъ такія картины — не будетъ восхищаться войной и находить ее поэтичной и необходимой. Впрочемъ, о необходимости войны я слыхалъ только отъ дипломатовъ, и они мнѣ напоминали тѣхъ секундантовъ, которые ни за что не согласны на мирный исходъ переговоровъ — имъ непремѣнно нужна кровь; иначе они разсуждали бы, если бы имъ самимъ пришлось участвовать въ поединкѣ, какъ это бывало въ старину, отъ котораго и появилось слово „Second“.

Мы ночуемъ въ с. Каялы, въ ужасной трущобѣ.

13-го января. Моя команда ординарцевъ болтала до поздней ночи и потому опаздывала по утрамъ къ выступленію. Я

Умирающая турчанка.

силился убѣдить ихъ, что не деликатно такъ поступать относительно такого снисходительнаго начальства, какъ генералъ Свѣчинъ, но мои доводы и просьбы ни къ чему не ведутъ. Мнѣ вспомнилось время, когда я былъ камеръ-пажемъ и какъ было трудно на дежурствѣ будить сонныхъ товарищей, когда приходилось совершенно безуспѣшно грозить жалобой дежурному офицеру и всевозможными казнями.

Погода чудная, солнце начинаетъ грѣть по лѣтнему.

Привалъ въ Семисъ-дже. Во всѣхъ домахъ валяются неубранные трупы болгаръ — здѣсь мстили турки.

Ночлегъ въ мѣстечкѣ Хаосъ-кіой. Мѣсто побоища бѣжавшихъ турокъ, застигнутыхъ полковникомъ Панютинымъ. Намъ отведенъ хорошенькій домикъ съ садомъ. Прекрасное помѣщеніе и вкусное вино у хозяевъ.

Болгарскія дѣти.

14-го января. Мы опять опоздали къ выступленію. Мы слѣзли съ лошадей и не спѣша проходили мимо завтракающаго начальства, какъ будто никого не замѣчали, но нашъ милый корпусный командиръ подозвалъ насъ и любезно предложилъ подсѣсть къ столу. Я былъ такъ тронутъ этимъ великодушіемъ, что приказалъ Шевченкѣ, проходившему мимо съ „Катеромъ“, дать одинъ изъ окороковъ, купленныхъ въ Софіи; на моей походной сковородкѣ я изжарилъ нарѣзанные ломти ветчины и предложилъ ихъ присутствующимъ. Мое угощеніе имѣло тѣмъ большій

успѣхъ, что нашъ гостепріимный хозяинъ могъ предложить только нѣсколько холодныхъ котлетъ, отъ которыхъ всѣ отказались изъ деликатности.

Количество труповъ по дорогѣ увеличивалось, преобладали женщины. Это настоящая междуусобная война, гдѣ побѣжденнаго ожидала одинаковая участь, съ какой бы онъ ни былъ стороны.

Пошелъ дождь. Путь по тяжелой, вязкой грязи дѣлался утомительнымъ.

Долина съуживалась. Мѣстность была болѣе пересѣченная, холмы понемногу обращались въ настоящія горы. Остановились въ Германлы, большомъ мѣстечкѣ съ плохимъ жильемъ. Въ деревнѣ нашлась провизія для ужина.

Передъ нами промчался желѣзнодорожный поѣздъ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, ѣхавшимъ въ Адріанополь.

15-го января. Дождь продолжалъ идти, слякоть невылазная. Корпусный командиръ, штабъ и мы отослали впередъ по дорогѣ лошадей и багажъ, а сами заняли вагонъ I-го класса, прибывшій за нами ночью. Поѣздъ, составленный только изъ нѣсколькихъ пассажирскихъ вагоновъ, не могъ захватить даже нашего багажа. Черезъ два часа мы были уже въ Адріанополѣ. Путешествіе по желѣзной дорогѣ показалось намъ большою роскошью послѣ ежедневныхъ переходовъ верхомъ отъ 40 до 60-ти верстъ.

На желѣзнодорожномъ вокзалѣ я встрѣтилъ князя Васильчикова, который отъѣзжалъ въ распоряженіе командира авангарда арміи, генерала А. Струкова.

Мы всѣ остановились временно, до отвода квартиръ, въ Hôtel d'Amerique, очень посредственной, но дорогой гостиницѣ.

Веселый ужинъ въ компаніи товарищей свиты Великаго Князя, графа Шувалова и генерала Гурко.

16-го января. Турецкія бани — роскошныя, но мало топленыя. Жизнь дорога—приходится за все платить изъ своего кармана, т. к. у начальства нѣтъ болѣе казеннаго продовольствія.

17-го января. Ординарцы генерала Гурко пригласили меня на уху monstre. Борисъ напился до чертиковъ и въ этомъ видѣ

рисовалъ чудныя каррикатуры; у него какъ будто прибавляется вдохновенія и остроумія по мѣрѣ того, какъ теряется образъ человѣческій. Я кое что успѣлъ отъ него урвать; всѣ слѣдили за его рисунками и брали себѣ на память, а онъ продолжалъ рисовать, забрасывая насъ перлами своего остроумія.

Уряднику Кехли было поручено отвести намъ квартиры. Начиная отъ корпуснаго командира и до послѣдняго чиновника при штабѣ, всѣ были недовольны выбранными имъ помѣщеніями, и досталось же ему за его нераспорядительность. Мнѣ и Григоровичу удалось получить довольно порядочную комнату у турецкихъ зажиточныхъ хозяевъ.

Меня разбудили ночью и передали приказаніе начальника штаба корпуса ѣхать немедленно въ Филиппополь съ командировкой. Во мнѣ боролись два ощущенія: сожалѣніе разстаться съ нагрѣтой постелью и радость повидаться опять съ милой Катеринэ. Пока я одѣвался и готовился къ отъѣзду съ раннимъ поѣздомъ, мнѣ была доставлена другая записка съ отмѣной перваго предписанія.

18-го января. Такъ какъ я говорилъ по англійски, по французски и по итальянски, то меня избрали, чтобы править судъ правый въ с. Карагачѣ, откуда поступило много жалобъ на наши войска. Я долженъ былъ произвести слѣдствіе, рѣшить дѣло самостоятельно, безъ ассистентовъ и присяжныхъ, выбрать и назначить новаго чорбаджи, взамѣнъ прежняго, провинившагося передъ нами.

По разборѣ дѣла, я началъ съ того, что выгналъ изъ села наши войсковыя части, которыя производили насиліе надъ мирными жителями, выполнилъ затѣмъ всѣ, возложенныя

на меня, обязательства, къ общему удовольствію, и вернулся домой. На обратномъ пути видѣлъ очень хорошенькихъ женщинъ въ европейскомъ кварталѣ села, гдѣ жили на дачѣ негоціанты и банкиры, преимущественно армяне. По докладѣ объ исполненіи командировки, я получилъ лестные отзывы корпуснаго командира и даже Липинскаго, не особенно щедраго на похвалы.

Погода была чудная, мы выходили въ однихъ мундирахъ, безъ пальто. Деревья окрашивались фіолетовымъ оттѣнкомъ, предвѣстникомъ распусканія первыхъ почекъ. Казалось, какъ будто просачивалось сквозь насыщенную влагою землю могучее дыханіе, которое оживляло природу, не вполнѣ пробудившуюся отъ зимняго застоя. Наша аристократическая и интеллектуальная молодежь, собиравшаяся въ единственномъ порядочномъ ресторанѣ Едринэ, приняла прозвище „англійскаго клуба“. Я былъ принятъ въ число членовъ и проводилъ съ товарищами все свободное время.

19-го января. Вечеромъ въ „англійскомъ клубѣ“ раздались вдругъ звуки военнаго оркестра, игравшаго „Славься“ изъ „Жизни за Царя“. Прогремѣло „ура“, подхваченное на улицѣ и продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Было только что объявлено заключеніе Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ перемирія на условіяхъ мира, и это извѣстіе вызвало всеобщій восторгъ. Всѣмъ опостылѣла походная жизнь и радость, охватившая присутствующихъ при провозглашеніи этого событія, доходила до какого то изступленія.

Казнаковъ, корреспондентъ „New-York Herald“ –Miller и я были спокойнѣе другихъ, и мы предпочитали удалиться изъ этого шумнаго собранія. Я пригласилъ моихъ пріятелей къ себѣ. Шевченко изготовилъ намъ порядочный ужинъ, а бутылка добраго коньяку придала намъ снисходительности къ несовершенствамъ кулинарнаго искусства моего деньщика.

20-го января. Въ соборѣ было отслужено молебствіе по случаю заключенія перемирія. Военные были въ походной формѣ при орденахъ.

Весь „англійскій клубъ“ приглашенъ на жженку къ лейтенанту флота новому ординарцу генерала Гурко, котораго мало кто знаетъ. Я былъ не расположенъ къ веселью и предпочелъ вернуться домой.

21-го января. Военныя дѣйствія прекратились, и мнѣ сразу стало очень тоскливо: не то, чтобы хотѣлось ѣхать домой, но и оставаться здѣсь и нести гарнизонную службу послѣ дѣятельной жизни послѣднихъ десяти мѣсяцевъ было нестерпимо. Я сходилъ къ походному атаману, прибывшему въ Адріанополь вмѣстѣ съ полевымъ штабомъ, и просилъ его объ отчисленіи отъ 34-го казачьяго полка и отпуска для возвращенія въ Россію. Онъ сказалъ мнѣ, что это зависитъ отъ усмотрѣнія корпуснаго командира, генерала Свѣчина.

23-го января. Опять жалобы на наши войска. Я ѣздилъ въ Чифтликъ Алтунъ Алмазъ и разбиралъ жалобы на 23-й Донской казачій полкъ полковника Бакланова. Жалоба оказалась неосновательною, и я далъ разносъ братушкамъ за кляузу.

24-го января. Генералъ Свѣчинъ не имѣлъ ничего противъ моего отчисленія и отъѣзда въ Россію, но онъ думалъ, что разрѣшенія надо просить у Великаго Князя Главнокомандующаго. Я попросилъ Кладищева объяснить Великому Князю, что мѣсто моего служенія въ Харьковѣ и что я только на время войны откомандированъ въ распоряженіе походнаго атамана казачьихъ войскъ для опредѣленія въ одинъ изъ казачьихъ полковъ. Теперь, когда война окончена, я имѣлъ право просить о возвращеніи къ постоянному мѣсту служенія. Кладищевъ обѣщалъ исполнить мою просьбу.

Большой обѣдъ въ „англійскомъ клубѣ“, заказана уха и кулебяка. Борисъ сообщилъ мнѣ, что состоялся Высочайшій приказъ о моемъ производствѣ въ подполковники. Новые погоны были сейчасъ же спрыснуты.

25-го января. Прощальный обѣдъ генералу Крюднеру, жженка, танцы, рѣчи, тосты, но слезъ не было.

26-го января. Нездоровилось, весь день просидѣлъ дома.

27-го января. Весь штабъ 9-го корпуса снимался въ группѣ для поднесенія генералу Крюднеру.

Прибылъ бывшій посолъ въ Константинополѣ, графъ Игнатьевъ, въ сопровожденіи моего товарища дѣтства Юрія Щербачева, для переговоровъ и редактированія условій мира.

30-го января. Начальство меня предупредило, что я долженъ быть готовымъ выѣхать по первому требованію въ Деде-Агачъ на берегу Эгейскаго моря, а оттуда въ Дюмуршина, гдѣ продолжаетъ воевать Скобелевъ, которому извѣстіе о перемиріи не могло быть доставлено. Я со взводомъ казаковъ

долженъ составить охранный отрядъ для полковниковъ Сухомлинова и Чернозубова. Эта командировка была бы очень интересна, такъ какъ пришлось бы видѣть побережье Мраморнаго моря и, можетъ быть, пробиваться сквозь линіи непріятеля, не извѣщеннаго о перемиріи, вслѣдствіе отдаленія и отсутствія телеграфа.

У меня ужинали кн. Цертелевъ и Щербачевъ. Меню ужина: итальянское ризото съ томатами собственнаго приготовленія, жареные цыплята и артишоки, прекрасное бордо, коньякъ и сливы въ коньякѣ.

31-го января. Ѣду творить судъ праведный въ Доуджіарогъ, откуда получены жалобы на квартирующій тамъ 1-й эскадронъ Бугскихъ уланъ, подъ командою маіора Жихарева. Жалобы оказались основательными: уланы забирали у жителей солому, не выдавая квитанцій. Я приказалъ немедленно расплатиться за все забранное, по назначеннымъ интендантствомъ справочнымъ цѣнамъ. Пришлось опять разносить братушекъ за выдуманныя кляузы на нашихъ солдатиковъ. За нихъ вступился мой старый знакомый генеральнаго штаба П. Рыбкинъ — онъ цѣнилъ болгаръ, будучи въ отрядѣ генерала Радецкаго и видя ихъ на Шипкѣ. Можетъ быть, они тамъ себя и хорошо показали, т. к. хвалили и болгарскую дружину, но мнѣ, по большей части приходилось встрѣчаться съ типами мало симпатичными, мародерами и кляузниками.

По возвращеніи въ Адріанополь я узналъ, что командировка въ Деде-Агачъ не состоится, такъ какъ о Скобелевѣ получены прямыя извѣстія. Было очень обидно.

День и вечеръ превосходные. Адріанополь при лунномъ освѣщеніи очень живописенъ.

Главнокомандующій согласился отпустить меня въ Россію, такъ какъ у меня рана еще не зажила, и я еще носилъ повязку.

1-го февраля. Быстрая перемѣна погоды: опять настала зимняя стужа отъ подувшаго сѣвернаго вѣтра.

„Большой выходъ“ въ Конакѣ, у Фелицына приглашенный вечеръ.

2-го февраля. Щербачевъ и князь Васильчиковъ не совѣтуютъ мнѣ ѣхать въ Россію сейчасъ, такъ какъ въ высшихъ сферахъ ожидались интересныя событія: говорятъ, что султанъ лично телеграфировалъ Государю относительно пребыванія въ Султаніе и Дарданеллахъ англійскаго флота, состоявшаго изъ 25-ти судовъ. Каково содержаніе телеграммы —неизвѣстно. У насъ предполагаютъ, что султанъ будетъ просить насъ вступить въ Константинополь, чтобы воспрепятствовать высадкѣ англичанъ.

Я пригласилъ къ себѣ весь „англійскій клубъ“ на блины. Шевченко нашелъ хорошую паюсную икру у маркитанта, ту-

рецкій каймакъ замѣнилъ намъ сметану, — блины и обѣдъ удались на славу.

6-го февраля. Англійскій флотъ въ 15-ти километрахъ отъ Константинополя. Мы послали ультиматумъ Портѣ.

7-го февраля. У меня блины для товарищей Конной гвардіи.

8-го февраля. Я приглашенъ завтракать къ послу Н. П. Игнатьеву. Другіе приглашенные: князь Цертелевъ, вступившій вновь въ должность секретаря посольства, но съ оставленіемъ казачьей формы, украшенной всѣми 4-мя степенями знака отличія военнаго ордена, Щербачевъ, Вурцель и кн. Шаховской. За завтракомъ подавали устрицы, свѣжіе омары, фазаны и другіе деликатесы, очень цѣнимые послѣ однообразной пищи на позиціяхъ и въ походѣ.

Все вдругъ перемѣнилось. Перемиріе нарушено. Генералъ Гурко уѣзжаетъ сегодня вечеромъ въ Санъ-Стефано. Великій Князь выѣзжаетъ послѣ завтра.

9-го февраля. Васильчиковъ и конвой уѣзжалъ въ Санъ-Стефано. Всѣ товарищи собрались на вокзалѣ его провожать и пили шампанское за его успѣхи.

10-го февраля. Я получилъ всѣ бумаги для отъѣзда въ Россію и распростился съ 9-мъ корпусомъ безъ особеннаго сожалѣнія, а потомъ отправился на вокзалъ, чтобы получить разрѣшеніе на отъѣздъ завтра съ воинскимъ поѣздомъ. Ужиналъ съ графомъ Келлеромъ и Головинымъ.

Симпатичный морякъ.

11-го февраля. Не знаю, что насъ ожидаетъ въ Санъ-Стефано. Я оставилъ Шевченко съ лошадьми въ Адріанополѣ впредь до моего распоряженія. Поѣздъ отошелъ только въ $11^1/_2$ часовъ вечера. Со мною въ купэ 1-го класса Максимовичъ, Фелицынъ, полковникъ Артамоновъ и морякъ капитанъ Рогули. Мы взяли съ собою провизіи и вина и весело поужинали въ вагонѣ. Ночь очень холодная, вагоны не топлены.

12-го февраля. Утромъ поѣздъ остановился у вокзала г. Чекменджи. Около станціи стояли турецкія войска. Офицеры

и нижніе чины были въ полномъ вооруженіи, выглядѣли бодро и смотрѣли на насъ, какъ на лучшихъ друзей. Между ними толкались наши солдатики совершенно непринужденно, заговаривая со вчерашними врагами. Трудно себѣ представить, что мы были до сихъ поръ съ ними въ войнѣ, такъ какъ перемиріе было нарушено.

Мы прибыли въ Санъ-Стефано въ два часа пополудни. Гостиница переполнена, нигдѣ не могли найти помѣщенія. Въ ресторанѣ все уже было съѣдено прибывшими сюда раньше насъ.

Я припомнилъ, что у меня были въ Константинополѣ знакомые, да и безъ нихъ тамъ можно было бы лучше устроиться, чѣмъ въ Санъ-Стефано. Поэтому я предложилъ Головину воспользоваться отходящимъ черезъ часъ казеннымъ турецкимъ пароходомъ, наполненнымъ пассажирами. Главное затрудненіе было въ статскомъ платьѣ. Мы обратились къ юркому портье въ гостиницѣ, и тотъ мигомъ доставилъ намъ два поношенныхъ костюма, подходящихъ къ нашему росту. Въ другое время мы ни за что не рѣшились бы надѣть на себя ношенное Богъ знаетъ кѣмъ платье, но во время войны брезгливость поневолѣ утратилась, да кромѣ того мы знали, что тотчасъ по пріѣздѣ въ Константинополь мы бросили бы эту одежду и экипировались бы какъ слѣдуетъ послѣ должнаго купанія и дезинфекціи. Живо уложили наши вещи въ легкіе чемоданы, деньщикъ Головина навьючилъ ихъ на себя, и мы отправились на набережную къ пароходу окольными путями, избѣгая встрѣчи прохожихъ и, въ особенности, военныхъ, могущихъ насъ узнать, не смотря на комичность нашихъ нарядовъ. Взобравшись благополучно на пароходъ, мы поспѣшили спуститься въ общую каюту — отдѣльныхъ не было. Тамъ мы ожидали отхода парохода съ большимъ нетерпѣніемъ, изъ боязни, какъ бы насъ раньше не накрыли. Было совершенно непонятно, какъ мы упустили изъ виду, что если насъ будетъ трудно усмотрѣть въ глубинѣ каюты, то деньщикъ въ формѣ, который оставался на палубѣ, могъ быть замѣченъ проходящими и любопытными съ набережной.

Публика оглядывала насъ съ любопытствомъ. Мы полагали, что это наши костюмы привлекали ихъ вниманіе, но вотъ и пароходные служащіе, пошептавшись, стали допрашивать насъ, кто мы такіе и куда ѣдемъ. Мы дали уклончивые отвѣты, которые не удовлетворяли, однако, чиновниковъ, а пароходъ все стоялъ. Мы начали не на шутку безпокоиться, и я спросилъ у одного изъ пассажировъ, говорящаго по итальянски, какая причина опозданія. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что капитанъ парохода узнавъ, что два русскихъ офицера собираются отплыть въ Константинополь на его пароходѣ, телеграфировалъ объ этомъ Реуфу пашѣ и ожидаетъ дальнѣйшихъ распоряженій. Однимъ скачкомъ мы выбросились на палубу, захватили деньщика съ багажемъ, пробрались какъ воры до гостиницы, переодѣлись и черезъ полчаса уже сидѣли за общимъ столомъ ресторана въ кругу товарищей и знакомыхъ офицеровъ, не говоря никому о нашей попыткѣ бѣжать. Мы думали, что насъ никто не замѣтитъ, но увы, предатель стоялъ на палубѣ въ солдатской шинели и фуражкѣ и онъ, оказалось потомъ, нарочно старался обратить на себя вниманіе начальства въ надеждѣ, что господъ его образумятъ и заставятъ вернуться къ своимъ, такъ какъ ему было боязно ѣхать одному въ чужую сторону.

Только что мы принялись за первое блюдо, какъ въ ресторанъ вошелъ полковникъ Штейнъ, комендантъ главной квартиры, и, обращаясь къ сидящимъ, спросилъ, нѣтъ ли между нами маіора Головина. Головинъ всталъ и подошелъ къ коменданту. Тотъ попросилъ его послѣдовать за нимъ. Я догадался, что насъ открыли; но отчего былъ вызванъ одинъ Головинъ, а не мы оба? Я теряю аппетитъ, куски попадаютъ не въ ту глотку.

Чрезъ нѣсколько минутъ возвратился Штейнъ и, обращаясь ко всей офицерской компаніи, разсказалъ, что, не смотря на строжайшій запретъ переходить демаркаціонную линію, два офицера вздумали отправиться въ Константинополь на казенномъ пароходѣ, переодѣвшись въ статское платье. — Это взбаломутило турецкое правительство, и Реуфъ телеграммою сдѣлалъ объ этомъ запросъ. Одного изъ молодцовъ выдалъ день-

щикъ, а кто былъ другой, неизвѣстно, но и онъ, вѣроятно, скоро попадется. Я подошелъ къ Штейну и сказалъ, что второй молодецъ я. Онъ сейчасъ же отобралъ мою шашку и отвелъ въ комендантское управленіе, гдѣ я и Головинъ будемъ содержаться подъ арестомъ до распоряженія начальника полевого штаба. Головинъ, по словамъ Штейна, былъ призванъ для личнаго объясненія къ генералу Непокойчицкому. — Я не завидовалъ ему. Скоро вернулся Головинъ, очень разстроенный. Начальникъ полевого штаба былъ внѣ себя, онъ говорилъ, что только вчера былъ отданъ приказъ, что въ русской и турецкой арміяхъ за переходъ чрезъ демаркаціонную линію виновные будутъ преданы военному полевому суду и подвергнуты самому строгому наказанію по военному времени — разстрѣлянію, и вотъ, какъ нарочно, первый примѣръ показали два русскихъ офицера. Онъ добавилъ, что насъ ни за что не помилуютъ.

Не весело было бѣдному Головину слышать всѣ эти рѣчи. Онъ совсѣмъ раскисъ и очевидно ожидалъ, что угрозы генерала могутъ быть осуществлены. Я старался его успокоить, объясняя, что безъ суда насъ не разстрѣляютъ, а на судѣ узнаютъ, что мы только пытались проѣхать въ Константинополь, но что потомъ сами отказались отъ этой мысли. Кромѣ того, нельзя было допустить, чтобы разстрѣляли двухъ отличившихся во время кампаніи офицеровъ наканунѣ заключенія мира. Мои доводы его немного пріободрили.

„Нѣтъ худа безъ добра“, говоритъ пословица. Это изреченіе оправдалось и на этотъ разъ. Мы не нашли пристанища въ Санъ-Стефано и не знали, гдѣ переночевать, а тутъ, совершенно неожиданно, у насъ оказалось даровое помѣщеніе и такое роскошное, какое, конечно, не могли бы мы найти въ гостиницѣ. Наше мѣсто заключенія красиво убранная большая гостиная съ нарядною мебелью и фортепіано; не было только ни одного достаточно длиннаго дивана, на которомъ можно было бы вытянуться, а въ эту минуту мы охотно промѣняли бы рояль на самую простую кровать. Я кое какъ пристроился на короткомъ диванчикѣ, удлиненномъ двумя

стульями, а Головинъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ: онъ не могъ переварить всего, что ему наговорилъ генералъ Непокойчицкій, да еще на тощій желудокъ.

13-го февраля. Не смотря на волненіе прошедшаго вечера, мы отлично выспались и утромъ увидѣли передъ собою сквозь широкія окна ослѣпительно блещущее море, какъ бы покрытое брилліантовыми искрами, подъ сводомъ чуднаго, темносиняго южнаго неба. Вдали почти сливались съ горизонтомъ очертанія Принцевыхъ острововъ. На первомъ планѣ горѣли подъ косыми лучами солнца ярко окрашенные восточные дома съ плоскими крышами. На морѣ, какъ чайки, пестрѣли бѣлые треугольные паруса фелукъ. Рѣдко можно встрѣтить въ одной картинѣ такое сочетаніе красивыхъ линій и тоновъ съ какой то жизнерадостностью, разлитой надъ всѣмъ этимъ видомъ. Нѣтъ, право намъ не на что жаловаться. Однако, какъ бы мы ни любовались прекраснымъ видомъ, этимъ сытъ не будешь. Голодъ сказывался, а вооруженный часовой стоялъ у двери и не только не позволялъ выходить изъ комнаты, но не позволялъ даже и позвать кого нибудь, чтобы принести намъ поѣсть.

Около полудня Максимовичъ, а за нимъ и другіе товарищи получили разрѣшеніе насъ навѣстить. Они говорили, что Главнокомандующій очень сердитъ на насъ. Мы просили, чтобы намъ дали ѣсть, и добрый человѣкъ взялся достать, что найдется въ гостиницѣ. Онъ скоро вернулся съ коробкой сардинокъ, но забылъ хлѣбъ и вино, да у насъ и посуды не было, такъ что пришлось сардинки ѣсть пальцами и запивать водой, къ чему мы не привыкли. Только подъ вечеръ начальство вспомнило о насъ и разрѣшило принести намъ обѣдъ изъ гостиницы.

На набережной большое оживленіе, преобладали военные, но были и статскіе, русскіе и иностранцы, и даже элегантныя дамы. По распоряженію Великаго Князя военная музыка играла для увеселенія публики въ часы мѣстнаго „корсо“.

Это зрѣлище насъ забавляло, хотѣлось бы только поближе разсмотрѣть дамъ, которыя намъ казались издали очень привлекательными.

Приговоренные къ смерти.

По распоряженію Великаго Князя мы сидѣли подъ арестомъ „впредь до приказанія“.

14-го февраля. Идетъ дождь, вчерашній чудный видъ заволокло туманомъ. Наше роскошное помѣщеніе начинаетъ намъ казаться тюрьмою. Недостаетъ открытаго воздуха, къ которому мы привыкли за время похода. Я развлекался, рисуя каррикатуры, изображающія Головина и меня завоевывающими Стамбулъ. Максимовичъ нашелъ ихъ очень забавными и, не смотря на мои сопротивленія, унесъ съ собою, чтобы показать своему начальнику, генералу Непокойчицкому. Я очень безпокоился, какъ бы наша участь отъ этого еще болѣе не ухудшилась.

15-го февраля. Спозаранку пришелъ Борисъ. Цѣлый день чередуются посѣтители—настоящій раутъ.

Въ 10 часовъ вечера насъ освободили. Мои каррикатуры были показаны Великому Князю, онъ много смѣялся и сказалъ: „Ну, выпустите этихъ дураковъ“.

Вся компанія ужинала у madame Lebond; мы присоединились къ ней, и насъ чествовали шампанскимъ. Ночевали въ гостиницѣ Санъ-Стефано, гдѣ товарищи позаботились удержать намъ два номера.

16-го февраля. Какъ хорошо быть на свободѣ, шляться куда глаза глядятъ, вдыхать пропитанный морской солью живительный воздухъ, чувствовать какое то приподнятое состояніе.

Городокъ очень оживленъ, вѣроятно, по случаю прибытія нашихъ войскъ. Изъ Константинополя наплылъ мелкій торговый элементъ, почуявъ легкую добычу. Здѣсь толкались всѣ народности Балканскаго полуострова и, кромѣ того, неизбѣжные на всемъ востокѣ греки, армяне и евреи. Вся эта толпа, торгующая всякою дрянью, оретъ, жестикулируетъ, ссорится, пристаетъ къ прохожимъ. Рядомъ съ дорогими коврами, старинымъ оружіемъ, разноцвѣтными художественными матеріями продается тряпье, рухлядь и запыленныя сласти, очень непривлекательныя на видъ.

Въ толпѣ встрѣчались турецкіе офицеры и солдаты — какъ они сюда попали? Мнѣ хотѣлось протестовать: отчего имъ

позволили перейти демаркаціонную линію, а насъ хотѣли разстрѣлять? Не справедливо!

Море рябитъ массою паровыхъ, парусныхъ и гребныхъ судовъ, наполненныхъ пассажирами. Получалось впечатлѣніе усиленной дѣятельности народнаго пульса.

Около двухъ часовъ по полудни шумная толпа кинулась по направленію къ Конаку, гдѣ жилъ Великій Князь Главнокомандующій. Я послѣдовалъ за нею. На площади противъ Конака собрались уже войска, вызванныя по тревогѣ. Черезъ нѣсколько минутъ Великій Князь, окруженный свитою, вышелъ на подъѣздъ, у котораго стояли засѣдланныя лошади. Онъ казался сильно взволнованнымъ и говорилъ оживленно съ стоящими около него генералами. Я разслышалъ слѣдующія слова: „Это мнѣ, наконецъ, надоѣло... пора съ ними покончить“... Онъ сѣлъ на коня и прослѣдовалъ за городъ, сопровождаемый свитою, войсками и всѣмъ народонаселеніемъ, заинтересованнымъ этимъ даровымъ зрѣлищемъ въ предвидѣніи, можетъ быть, что все это воинственное возбужденіе не ограничится однимъ только смотромъ. Какое было бы удовольствіе для этой мирной толпы, если бы ей удалось, не подвергаясь опасности, присутствовать при настоящемъ сраженіи, гдѣ крови не жалѣютъ.

Адъютанты и ординарцы скакали во всѣ стороны съ приказаніями. Батареи рысью выѣзжали на позиціи. Пѣхота развертывалась.

Я пошелъ съ гвардейской ротой, которая выдвинулась впередъ для поддержки цѣпи. Со мною рядомъ шелъ англійскій офицеръ съ эскадры, стоящей у Принцевыхъ острововъ; онъ желалъ бы знать, куда мы идемъ и какія наши намѣренія, я не могъ удовлетворить его любопытства, не зная самъ ничего. Судя по слышаннымъ мною словамъ Великаго Князя, можно было бы предположить, что онъ рѣшилъ идти на Константинополь, чтобы заставить турецкое правительство принять предлагаемыя условія.

Наканунѣ еще въ мѣстныхъ газетахъ писали, что русскую армію ожидали въ Константинополѣ, что для нея даже заготовлены казармы и помѣщенія для штабовъ и офицеровъ въ Стамбулѣ.

Если мы, дѣйствительно, шли туда, то интересно было знать, пропустятъ ли насъ турки безъ сопротивленія. Мы подходимъ къ перевалу, откуда видъ долженъ былъ распространиться далеко.

Въ двухъ верстахъ ниже насъ, въ долинѣ были разбиты въ порядкѣ сотни шатровъ и остроконечныхъ палатокъ, вдали, какъ въ туманѣ, угадывались смутныя очертанія громаднаго города. Очевидно, передъ нами былъ турецкій лагерь, защищающій подходы къ Константинополю. При нашемъ появленіи лагерь сразу словно проснулся. Въ немъ проявилась кипучая дѣятельность. Издали эти суетящіеся люди напоминали большой муравейникъ, облитый водой.

Вотъ, вѣроятно, сейчасъ начнется дѣло. Батареи заняли позиціи и направили жерла орудій въ безпорядочную толпу непріятеля; стрѣлковая цѣпь приготовилась открыть огонь; подошли подкрѣпленія, уже можно было предвидѣть, что послѣ нѣсколькихъ залповъ грохота, пѣхота бросится въ штыки, а кавалеріи достанется только докончить пораженіе стремительной атакой по бѣгущему непріятелю.

Но нѣтъ, войска не двигались, не слышно ни одного выстрѣла, напротивъ, у насъ какъ будто все смолкло, и взоры обратились назадъ къ скачущему въ карьеръ всаднику, который вручилъ Главнокомандующему пакетъ. Этотъ всадникъ князь Цертелевъ, вѣроятно, присланный графомъ Игнатьевымъ съ важнымъ порученіемъ.

Великій Князь прочелъ бумагу, что то сказалъ своей свитѣ, и опять поскакали ординарцы разносить новыя приказанія въ разныя части войскъ. Раздались звуки трубъ и рожковъ, и войска стали собираться въ сомкнутыя части, поворотивъ тыломъ къ непріятелю и Стамбулу, который мы только вскользь успѣли увидѣть, какъ въ миражѣ. Пѣхота, кавалерія и артиллерія, построенныя въ колонны, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо Великаго Князя, музыка заиграла, пѣсенники запѣли, и всѣ части направились въ свой лагерь позади С. Стефано. Что произошло — я навѣрно не знаю, но слышалъ, что наканунѣ вечеромъ, при обсужденіи условій мира, между

графомъ Игнатьевымъ и турецкими уполномоченными, Реуфъ Паша вдругъ заявилъ, что онъ не согласенъ съ содержаніемъ одной изъ статей, принятой раньше обѣими сторонами. На это графъ Игнатьевъ отвѣтилъ, что онъ прекращаетъ переговоры и отвѣтственность за могущія возникнуть послѣдствія падетъ на Порту.

Намъ открылась полная свобода дѣйствій и этимъ, по совѣту графа Игнатьева, воспользовался Главнокомандующій чтобы идти на Константинополь. Извѣщенная о движеніи русскихъ войскъ, Порта приняла всѣ наши условія, и намъ оставалось только ретироваться. А жаль, такъ какъ занятіе Константинополя измѣнило бы ходъ дальнѣйшихъ переговоровъ и, быть можетъ, миновала бы насъ „чаша“ Берлинскаго трактата.

Я познакомился съ нѣсколькими англійскими офицерами, прибывшими съ эскадры въ С. Стефано, вѣроятно, чтобы кое что разузнать о нашихъ намѣреніяхъ. Они удивлялись, почему мы не занимали Константинополя. „А какъ поступили бы ваши адмиралы — спросилъ я, если бы мы заняли столицу Турецкой Имперіи?“ — „Они признали бы le fait accompli, отвѣчали мнѣ, и ушли бы назадъ“.

Я телеграфировелъ Шевченкѣ, чтобы онъ немедленно прибылъ въ С. Стефано съ лошадьми и багажемъ, такъ какъ надѣялся скоро получить разрѣшеніе на выѣздъ въ Россію.

17-го февраля. Волковъ, Переяславцевъ и я поѣхали въ гости въ 4-й эскадронъ лейбъ-гусаръ, расположенный въ мѣстечкѣ Силиври на берегу моря. Мы ѣхали пароходомъ. Оркестръ музыки игралъ въ нашу честь марши и романсы, которые мы никогда не слыхали, хотя ихъ называли русскими. Погода была чудная, и наша поѣздка по морю, гладкому, какъ озеро, была прелестна. Пріѣхали на мѣсто ночью и должны были разбудить нашихъ хозяевъ, чтобы найти себѣ мѣсто для ночлега.

18-го февраля. Силиври, маленькій городокъ на возвышенномъ плато, ниспадающемъ обрѣзомъ къ морю. Очень живописны развалины Византійскаго собора и старинныя крѣ-

постныя стѣны. Видъ на море около собора замѣчательно красивъ: небо сливалось почти съ моремъ, одинаково голубымъ, крутые берега убѣгали въ обѣ стороны и терялись за горизонтомъ. Главное развлеченіе офицеровъ—катаніе подъ парусами. Вода такъ прозрачна, что въ десяткахъ саженей глубины можно различить отдѣльные камешки. Рыбаки принесли намъ только что изловленныхъ омаровъ, которыхъ мы сейчасъ же сварили и съѣли. Казалось, никогда омары не были такъ вкусны.

На пароходѣ.

Вечеромъ собирались въ общемъ дортуарѣ гусаръ. Старѣйшій годами и самый юный въ чинѣ, корнетъ маркизъ Паулуччи, поступившій въ гусарскій полкъ изъ отставки, при объявленіи войны, предсѣдательствовалъ въ нашей компаніи и не отставалъ отъ шалостей своихъ младшихъ товарищей.

За ужиномъ пѣсенники, между прочимъ, пѣли: „Чарочка моя“ и „Куманечекъ“, которыя имѣли громадный успѣхъ.

19-го февраля. Я возвратился въ С. Стефано одинъ верхомъ; девять часовъ ѣзды подъ проливнымъ дождемъ съ холоднымъ вѣтромъ были довольно непріятны.

Передъ вечеромъ опять сборъ войскъ на Конакской площади. Великій Князь вышелъ изъ Конака и крикнулъ войскамъ: „На колѣни! Богъ благословилъ миромъ! Ура! Солдаты стали на колѣни, крестились; потомъ встали, и раздалось нескончаемое бурное „ура". Шапки полетѣли къ верху, люди цѣловались другъ съ другомъ, лица казались преисполненными радости. Неизбѣжные вездѣ англійскіе офицеры съ любопытствомъ смотрѣли на эту сцену. Интересно было знать, что они объ этомъ думали...

„Англійскій клубъ" тоже собрался въ ресторанѣ и праздновалъ окончаніе войны. Пили за скорое возвращеніе на родину, выражались всевозможныя пожеланія.

Я тоже стремился домой, но если бы было объявлено, что война продолжается и что конечная цѣль ея будетъ занятіе Константинополя, то я остался бы непремѣнно.

20-го февраля. Разрѣшеніе оставить дѣйствующую армію, выданное мнѣ по приказанію Главнокомандующаго, оказалось недостаточнымъ для возвращенія въ Россію, требовали еще паспортъ, но никто въ полевомъ штабѣ не зналъ, откуда я могъ его получить: одни совѣтовали обратиться къ губернатору въ Адріанополь, другіе —къ походному атаману; говорятъ, что паспортъ можетъ быть выданъ только свѣтской властью.

Наконецъ, Щербачевъ пришелъ мнѣ на помощь. Онъ передалъ графу Игнатьеву, въ какомъ я находился затрудненіи, и тотъ сейчасъ же приказалъ мнѣ выдать курьерскій паспортъ. Мнѣ былъ одновременно переданъ довольно объемистый пакетъ, который я долженъ былъ вручить собственноручно нашему дипломатическому агенту въ Одессѣ.

За ужиномъ я простился съ товарищами „англійскаго клуба" и конногвардейцами; всѣ были очень добры ко мнѣ, и я сожалѣлъ, что разстаюсь, можетъ быть навсегда, съ милыми людьми, съ которыми такъ дружно провелъ время по сю сторону Балканъ.

Силиври.

21-го февраля. Шевченко опять опоздалъ. Пора уже садиться на пароходъ, а его все нѣтъ. Онъ, право, уже слишкомъ глупъ и на этотъ разъ вывелъ меня изъ терпѣнія. Зная, какъ трудно пробраться въ Россію чрезъ Константинополь до эвакуаціи войскъ, я рѣшилъ отправить его обратно чрезъ Румынію. Борисъ взялся снабдить его деньгами и предложеніемъ для обратнаго слѣдованія въ Россію.

Въ 8 часовъ утра Головинъ, графъ Канкринъ и я отплыли на пароходѣ изъ Санъ-Стефано. Вдоль берега тянулись остатки укрѣпленной стѣны временъ Византійской имперіи. Эти стѣны еще на столько прочны, что служатъ упорами для жиденькихъ современныхъ построекъ, спускающихся до моря, гдѣ онѣ упираются въ деревянныя сваи. Въ этихъ домахъ ютится нищенское населеніе предмѣстій столицы. Разсказывали на пароходѣ, что какъ то разъ пароходъ, вслѣдствіе неправильнаго маневра, ударился бугшпритомъ въ одинъ изъ этихъ домовъ; наружная стѣна обрушилась, обнаживъ всѣ жилыя помѣщенія и, между прочими, комнату, въ которой обѣдала въ то время семья. Можно себѣ представить, какое это произвело на нихъ впечатлѣніе.

Мы пришли въ Константинополь въ $10^1/_2$ часовъ утра и, не съѣзжая на берегъ, переѣхали въ каюкахъ на пароходъ Messagerie Maritimes „La Provence“, который отходилъ въ полдень въ Одессу.

Сильный вѣтеръ и дождь. Босфоръ неузнаваемъ. Снялись съ якоря во время завтрака. Я остался внизу, такъ какъ не хотѣлъ испортить впечатлѣніе, оставшееся въ моемъ воспоминаніи отъ прежнихъ поѣздокъ въ Константинополь, но мнѣ было не понятно, что Головинъ и Канкринъ, не бывавшіе здѣсь никогда, не подымались на палубу, боясь, что остынетъ завтракъ.

Море было очень бурное и, какъ только мы вышли изъ пролива, насъ стало сильно качать. Всѣ больны, я спустился въ каюту и легъ на спину на всякій случай, не смотря на то, что считалъ себя опытнымъ морякомъ: мнѣ не разъ приходилось испытывать сильнѣйшую качку въ бурномъ Финскомъ заливѣ на своей яхтѣ, однако теперь и меня укачало.

22-го февраля. Море успокоилось. Всѣ пассажиры выползли на палубу. Очень холодно; аппетитъ разыгрался и на завтракъ всѣ набросились, какъ будто не ѣли три дня.

Къ 7-ми часамъ вечера мы подошли къ Одессѣ, но въ портъ насъ не впустили, такъ какъ мы опоздали на полчаса: вслѣдствіе уложенныхъ въ фарватерѣ и при входѣ въ портъ минъ не было позволено входить позже $6^1/_2$ часовъ вечера, когда уже начинало темнѣть. Бросили якорь около станціонера. Ночь совершенно покойна.

23-го февраля. Видъ родного берега меня не радуетъ, напротивъ, мнѣ даже взгрустнулось, не знаю почему.

Наконецъ, мы вошли въ портъ и ошвартовались въ 9 часовъ утра.

Первые соотечественники, встрѣчаемые при возвращеніи изъ заграницы, таможенные чиновники и жандармы, не всегда производятъ пріятное впечатлѣніе, но на этотъ разъ, вѣроятно вслѣдствіе отданнаго распоряженія, они были удивительно предупредительны и любезны съ офицерами.

Мы остановились въ „Европейской гостиницѣ“, а завтракать пошли въ ресторанъ „С.-Петербургской гостиницы“, гдѣ хвалятъ особенно кухню.

Зашелъ ко мнѣ Бушенъ; онъ жаловался, что по нашемъ уходѣ изъ Добруджи замѣстители распространили слухъ, что всѣ военныя дѣйствія 29-го полка были вымышлены, что награды, полученныя нами, не заслужены.

Для полученія предложенія на даровой проѣздъ по желѣзной дорогѣ я предъявилъ свой паспортъ военному начальству, но здѣсь онъ оказался непригоднымъ — мнѣ передали, что я долженъ былъ имѣть видъ отъ военнаго начальства, а въ Санъ-Стефано военное начальство мнѣ говорило, что для возвращенія въ Россію я долженъ былъ обратиться къ свѣтской власти.— Трудно было въ этомъ разобраться.

Головинъ вмѣсто своихъ вещей, оставленныхъ въ Санъ-Стефано, привезъ вещи своего деньщика, оставшагося тамъ больнымъ. Это было на него похоже.

Вечеромъ я уѣхалъ въ Харьковъ.

Въ Елисаветградѣ пришлось ожидать на вокзалѣ съ 8 часовъ вечера до 2-хъ часовъ утра. Я заснулъ на стулѣ, такъ какъ скамейки были всѣ заняты. Когда я проснулся и хотѣлъ посмотрѣть на часы, ихъ больше не оказалось. Досадное у меня чувство противъ соотечественниковъ, которые, конечно, не виноваты въ совокупности въ кражѣ часовъ.

Видъ изъ оконъ вагоновъ наводитъ тоску, а на станціяхъ отвратительные евреи, мужики въ лохмотьяхъ и непривлекательныя грязныя бабы съ подвязанными щеками. Чѣмъ я ближе къ дому, тѣмъ болѣе мнѣ хочется вернуться назадъ. Я уже скучалъ по той жизни, полной приключеній, которую велъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
46	10 сверху	селенію;	населенію;
59	5 снизу	знаки,	звуки,
60	12 „	корпусъ непріятельскихъ позицій.	корпусъ, терпѣливо ожидавшій мирной уступки непріятельскихъ позицій.
76	10 сверху	Butla	Butler
82	10 „	расположился	распоряжался
87	17 „	ихъ	изъ
92	11 „	села	сада
169	8 „	догадался,	догадается,
207	9 „	высоты.	высоты.—Я отвѣтилъ: „Конечно! А ну ка, Быкодоровъ, валяй!“
251	8 „	вполнѣ	до
265	6 снизу	спѣшилъ	поспѣшилъ
266	4 сверху	Халона,	Хелена (или Хэлэна),
283	2 „	начальства,	начальника,
283	11 „	Хаосъ-кіой.	Хаас-кіой.
289	13 снизу	въ Конакѣ,	въ Конакѣ;
293	12 сверху	военному полевому	военно-полевому
299	17 „	залповъ грохота,	залповъ, (слово „грохота“—вычеркнуть).